

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

На правах рукописи

Втюрин Андрей Сергеевич

Б.Ф. Болтин – государственный деятель и писатель XVII века

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор С.А. Мезин

Саратов 2026

Содержание

Введение	3
Глава 1. Происхождение и начальный период службы Баима Федоровича Болтина	24
§ 1. Родословная Баима Федоровича Болтина	24
§ 2. Земельные владения Б.Ф. Болтина и его родственные связи	36
§ 3. Начало службы	49
Глава 2. Баим Федорович Болтин как воевода, посол и ясельничий при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче	75
§ 1. Северский поход и участие в нем Баима Федоровича Болтина.....	75
§ 2. Дальнейшее продвижение по службе.....	102
Глава 3. Баим Федорович Болтин как автор Столяровского хронографа	138
§ 1. Автобиографическое начало в Хронографе.....	138
§ 2. Взгляд автора Хронографа на события Смутного времени	160
Заключение	179
Список сокращений	183
Список использованных источников и литературы	184
1. Неопубликованные источники	184
2. Опубликованные источники.....	184
3. Литература.....	194
Приложения.	201

Введение

Актуальность темы исследования. В первой половине XVII в. в развитии Московского государства, пережившего самое серьезное потрясение со времен его образования – Смутное время – наметился ряд тенденций. Тяжелое экономическое положение побудило верхи общества консолидироваться вокруг центральной власти, и, как следствие, наметился заданный еще Иваном III и Иваном Грозным процесс усиления власти не только государя, но и приказных органов и их должностных лиц. Усложнение общественных отношений и рост роли структур центральной власти вызвали количественное увеличение приказных людей. В свою очередь сочетание таких факторов, как убыль княжеско-боярской аристократии в годы Смуты, увеличение приказного аппарата и органов самоуправления на местах, породило социальную мобильность представителей служилого сословия, за счет которых во многом и начали комплектоваться органы государственной власти. Эффективность городских дворянских корпораций и их способность организованно выступать в качестве самостоятельного актора, продемонстрированная в годы Смуты, стали неоспоримым подтверждением изменения роли этого сословия¹, представители которого были допущены до управления страной.

В связи с этим представляется актуальным изучение службы ярких представителей городских дворянских корпораций. Они выдвинулись не просто в придворные, но стали неотъемлемой частью государственного аппарата, заняли важные посты, получили ответственные назначения и даже были допущены в Боярскую думу.

Изменение взаимоотношений сюзерена и вассала, символическим началом которого принято считать спор Ивана Грозного и Андрея Курбского, породило трансформацию самого государства и, как следствие, роли подданного в нем. По мнению Карла Маркса, «...все члены государства имеют

¹ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 57.

отношение к государству как к своему действительному делу, ясно как будто само собой. Уже в понятии членов государства содержится, что они являются членами государства, его частью, что государство включает их как свою часть. Но если они являются частью государства, то само собой разумеется, что их социальное бытие уже является действительным участием в государстве»². Поэтому биографию государственных деятелей невозможно рассматривать в отрыве от истории развития самого государства и тех событий, которые имели большое значение для его жизни.

В этой связи наша работа посвящена изучению биографии Баима Федоровича Болтина (конец XVI в. – 1658 год). Актуальность нашего выбора объясняется следующими факторами:

1. Он является представителем той массовой категории служилых людей, за счет которых начал комплектоваться государственный аппарат: он был выборным дворянином по Арзамасу, но затем стал занимать ответственные государственные посты (посол, воевода, ясельничий). Его путь не был уникальным, но при этом имел ряд характерных особенностей, которые найдут отражение в работе. Болтин начинал службу как представитель поднимающегося «прогрессивного» дворянства, а в конце карьеры оказался представителем части придворной элиты, утратившей своё значение для царской власти.

2. Деятельность Болтина, в отличие от многих его сослуживцев, нашла свое отражение в ряде источников, повествующих о событиях, имевших высокую важность для Московского государства, таких как поход князя Д.Т. Трубецкого на Новгород 1614 г., Смоленская война 1632–1634 гг., заключение Поляновского мирного договора, а также важные придворные и посольские мероприятия.

3. О нем упоминал ряд исследователей, освещая очень поверхностно его жизненный путь, либо отдельные сферы его жизни. Таким образом, в

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 356.

литературе не представлена вся служебная деятельность Болтина в целостности. Изучение биографии нашего героя, может расширить представление о психологии представителя служилого сословия, позволяет уяснить, как и почему он действовал в тех или иных ситуациях, каким имуществом обладал, чем занимался вне служебной деятельности.

4. Болтину приписывают авторство ценного нарративного источника – «Карамзинского/Столярова хронографа»³, описывающего события в Московском государстве в 1604–1644 гг. и упоминаемого рядом исследователей. «Писательство» резко выделяет личность нашего героя на фоне основной массы служилых людей, ибо русский XVII век не богат авторскими записками. Этот источник следует рассматривать вместе с биографией Баима Болтина, поскольку текст отражает личный опыт и передает субъективный взгляд автора на события. Кроме того, заслуживают внимания существенные разночтения в разных списках источника, которые ранее не отмечались исследователями.

5. Ценность данного источника заключается в том, что он описывает события Смутного времени в Понизовых городах и Нижнем Поволжье, а также в деталях повествует о событиях в местах службы Б.Ф. Болтина. Более того, на основе этого сочинения можно рассмотреть особенности самосознания дворянской элиты XVII в., а на примере служебного пути Болтина – тенденции эволюции неоднородного дворянского сословия в первой половине XVII века.

Объект исследования – Баим Болтин как представитель дворянства первой половины XVII в. и предполагаемый автор «Карамзинского хронографа».

Предмет исследования – биография и служба Баима Федоровича Болтина в контексте социальной, политической и военной истории его времени, а также его деятельность как «писателя» XVII века. Сюда включены

³ Далее именуется Хронографом.

вопросы его происхождения, имущественного положения, родственных связей, службы в качестве военного, придворного, дьяка и посла.

Хронологические рамки исследования обусловлены годами жизни Баима Болтина (конец XVI в. – 1658 г.). Изучение родословной Болтина потребовало обратиться и к более раннему периоду.

Территориальные рамки исследования определяются местами службы Баима Болтина, территориальным расположением его поместий и вотчин (Арзамасский, Ростовский и Московский уезды), а также местами, где происходили события, освещенные в Хронографе. Это Бронницы (место сражения между русскими и шведскими войсками в 1614 г.), Казань, Терский город, Тобольск (города, в которых Баим Болтин проходил службу в качестве воеводы или головы), города Севск и Новгород-Северский (основной театр военных действий в рамках северского похода Смоленской войны 1632–1634 гг.), р. Поляновка, Варшава и Копенгаген (места, куда Баим Болтин отправлялся в качестве посла или в составе посольской свиты), Путивль (место размежевания спорных территорий по Поляновскому мирному договору, в котором принимал участие Баим Болтин), Москва (город, в котором Баим Болтин провел большую часть своей службы). Отдельно будут освещены места службы и имения предков и родственников Баима Болтина, находившиеся на территории Московского государства. Территории Среднего и Нижнего Поволжья до берегов Яика, кумыкские земли, расположенные в современном южном Дагестане, города Смоленск, Калуга, Можайск и южные украинные города Московского государства фигурируют в описаниях Хронографа.

Степень изученности темы. Историографическую базу диссертации можно с некоторой степенью условности разделить на три блока: труды по социально-политической истории России первой половины XVII в.; биографические работы, посвященные Б.Ф. Болтину и его роду; исследования, посвященные Хронографу.

История России от Смуты до начала царствования Алексея Михайловича, когда разворачивалась государственная и «писательская» деятельность Б.Ф. Болтина, освещена в многочисленных исследованиях⁴. Изучение биографии видного государственного деятеля, прошедшего путь от представителя уездной корпорации служилых людей до члена Боярской думы, предполагает обращение к классическим работам, посвященным как истории дворянского сословия этого времени⁵, так и истории отдельных групп правящей элиты⁶. Наблюдения В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, Н.П. Павлова-Сильванского о составе и службе дворянства нашли развитие в современных работах И.Л. Андреева⁷, В.Н. Козлякова, А.П. Павлов в издании «История России: в 20 томах»⁸. Поскольку мы рассматриваем ранний период службы Баима Болтина через призму роли городского дворянства в политических и социальных процессах, то книга В.Н. Козлякова «Служилый «город» Московского государства в XVII веке (от Смуты до Соборного уложения)» представляется для нас особенно ценной. Исследователь проанализировал не только службу этого сословия, но и политику правительства по отношению к нему, процесс верстания дворянства, а также показал характерные черты провинциального дворянского быта⁹. Нельзя пройти мимо работы С.Б. Веселовского «Дьяки и подьячие Московского

⁴ Современный научный взгляд на этот период представлен в коллективном труде: История России: в 20 томах. Т. 5: Россия в XVII веке. Кн. 1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. М., 2024.

⁵ См., например: *Ключевский В.О.* История сословий в России // Сочинения в 9 т. Т. VI. М., 1989; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди // Сочинения. СПб., 1909. Т. 1.

⁶ См.: *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых. СПб., 1906; *Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов.* СПб., 2006; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1.

⁷ *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2006; *Он же.* Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.

⁸ История России. Т. 5. Кн. 1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. С. 409–420.

⁹ *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). См. также: *Он же.* Михаил Федорович. М., 2004; *Василий Шуйский.* М., 2007; *Он же.* Лжедмитрий I. М., 2009. *Он же.* Борис Годунов. М., 2011; *Он же.* Герои Смуты. М., 2012 и др.

государства», в которой перечислены краткие сведения обо всех известных нам представителях этих групп в период с XV по XVIII в.¹⁰. Н.Ф. Демидова и Н.В. Рыбалко представили исследования о приказной бюрократии XVII века, в которых большое внимание уделено дьячеству¹¹. Правительственная и придворная среда России первой половины XVII в. давно привлекает внимание историков¹². Из современных исследований следует выделить книгу «Правящая элита русского государства» (СПб., 2006), написанную коллективом петербургских авторов под редакцией А.П. Павлова. В ней охарактеризовано положение и функции основных групп служилых людей. В частности, благодаря данной работе можно проследить процесс изменения значения фигуры дьяка и роли ясельничего в период правления первых Романовых. Покровительство со стороны аристократии, иными словами, патронатно-клиентельные отношения, которые во многом определяли положение служилого человека, рассматривались А.П. Павловым¹³ и М.М. Кромом¹⁴. Специфику жизни служилого сословия и привлекаемого для военных нужд тяглового населения раскрыл В.А. Волков¹⁵. Об особенностях института посольства в XVII в. писал Л.А. Юзефович¹⁶. Придворная борьба в сороковые годы XVII в., а также события Московского восстания 1648 г.

¹⁰ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

¹¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011; Рыбалко Н.В. Дьяки и подьячие городов Среднего Поволжья в Смуту начала XVII века. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1 (17). С. 15–26.

¹² См., например: Платонов С.Ф. Указ. соч.

¹³ Павлов А.П. Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 84–98.

¹⁴ Кром М.М. Патронат и клиента в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. С. 66–78.

¹⁵ Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

¹⁶ Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется... М., 1988.

освещены Д.А. Ляпиным¹⁷. Вышеназванные работы позволяют представить социально-политический контекст и институциональные особенности службы Б.Ф. Болтина.

Что касается собственно биографии Б.Ф. Болтина, то она, за исключением кратких словарных статей, не была предметом специального изучения. Лишь крупницы биографических сведений можно извлечь из работ по генеалогии и истории российского дворянства.

Персональную историографию можно начать с работы Ф.И. Миллера «Известия о дворянах российских». В ней описаны роли придворных чинов и названы их представители и впервые в историческом труде упомянут Б.Ф. Болтин. Миллер сообщил о нем как о ясельничем в период правления Михаила Федоровича¹⁸. Следующим автором, отметившим фигуру Б.Ф. Болтина, был П.В. Долгоруков. В составленной им родословной книге имеется сообщение о роде Болтиных, где освещена одна из версий его происхождения и перечислены некоторые представители. Б.Ф. Болтин упомянут как ясельничий в 1641–1645 гг. и воевода в Тобольске в 1652 г. Также упомянут его родной брат Аверкий¹⁹. В «Истории родов русского дворянства» П.Н. Петрова также имеется сообщение о роде Болтиных. В ней отражена спорная версия происхождения рода, допущены ошибки в биографических сведениях о Б.Ф. Болтине²⁰. В «Русском биографическом словаре» кратко описана служба Баима Болтина²¹. Неизвестный автор (авторы) составил две статьи и указал двух Болтиных – Баима и Сидора²², что является ошибкой, так как Сидор – это молитвенное имя Б.Ф. Болтина,

¹⁷ *Ляпин Д.А.* Причины восстания в Москве в 1648 г. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 90–98; *Он же.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб., 2018.

¹⁸ *Миллер Ф.И.* Известия о дворянах российских. СПб., 1790. С. 178.

¹⁹ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1857. Ч. 4. С. 303.

²⁰ *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 341.

²¹ Болтин Баим (Борис) Федорович // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцева. Т. 3: «Бетанкур–Бякстер». СПб., 1908. С. 185.

²² Болтин Баим (Сидор) Федорович // Там же. С. 185.

данное ему во времена службы дьяком. В статьях впервые приводятся связанные биографические сведения, хотя имеются неточности. После долгого перерыва современные историки возродили интерес к генеалогии дворянских родов. В частности, Б.М. Пудалов внес ценный вклад в изучение рода Болтиных, посвятив этому сюжету две статьи²³, призванные ввести в научный оборот источники о представителях данного рода: в них автор провел анализ документов приказного делопроизводства, собранных деятелями Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, хранящихся в Центральном архиве Нижегородской области. Опубликованные источники представляют собой две росписи-«сказки», исследованные Пудаловым. По итогам анализа была составлена подробная родословная, благодаря которой были установлены происхождение Баима Болтина и его родственные связи. Здесь же сообщаются некоторые подробности биографий предков Баима Болтина. Исследователь Ю.В. Мигунов, занимаясь вопросами происхождения и формирования уездных служилых корпораций на примере Арзамасского уезда, предположил родство Арзамасских и Нижегородских Болтиных²⁴. Благодаря наметившейся в последние десятилетия тенденции к детальному изучению событий военной истории XVII в. стали известными яркие эпизоды военной службы нашего героя. В работах А.С. Ракитина²⁵ о Северском походе в рамках Смоленской войны 1632–1634 гг. содержится масса новых сведений о Баиме Болтине в бытность его вторым воеводой походного войска. На основе архивных материалов здесь представлены не только сухие сведения разрядного

²³ Пудалов Б.М. Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение. Сборник статей к юбилею доктора исторических наук В.В. Митрофанова. Нижневартовск, 2017. С. 92–111; Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века // Российская генеалогия. 2018. № 4. С. 99–120.

²⁴ Мигунов Ю.В. История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв.: на примере служилой организации Арзамасского уезда: Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001.

²⁵ Ракитин А.С. Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи Посполитой в период Смоленской войны (1632–1634 гг.). М., 2021.

характера, но и отдельные эпизоды из того похода, что позволило подробно описать эту службу Баима Болтина. Ракитин не только провел подсчеты войск, проследил пути их следования, но и привел тексты разговоров между участниками событий. Из исследований Ю.М. Эскина²⁶ можно узнать о двух местнических спорах Баима Федоровича Болтина. Кроме того, автор выявил тенденцию увеличения числа местнических споров с участием представителей малоизвестных родов.

В цикле статей, посвященных изучению воевод Саратова XVII в., Я.Н. Рабинович описал служебный путь Аверкия Федоровича²⁷. Ценность для настоящей диссертации представляет исследование служебного пути воеводы Федора Васильевича Левашова²⁸, под чьим руководством Баим Болтин принимал участие в походе князя Д.Т. Трубецкого на Новгород. Поскольку Баим Болтин был воеводой в Тобольске, для нашего исследования представляют интерес тобольские ратные люди, которыми он руководил. Анализ состава гарнизона города и его действий в регионе приведен в работе В.Д. Пузанова «Службы гарнизона Тобольска»²⁹.

Приписываемый Б.Ф. Болтину «Столяровский хронограф» примыкает к большой группе сочинений современников о Смутном времени. О них существует ряд специальных исследований³⁰. Однако их авторы оставили

²⁶ Эскин Ю.М. Местническое дело К.А. Трусов – князь Ф.Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алеекеева / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2002. С. 300–307; Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. 2-е издание. М., 2021.

²⁷ Рабинович Я. Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255.

²⁸ Рабинович Я.Н. Воевода Федор Васильевич Левашов в Новгородской земле // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Редкол. П.Г. Гайдуков (отв. ред.) и др. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 278–292.

²⁹ Пузанов В.Д. Службы гарнизона Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2 (25–26). С. 189–210.

³⁰ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888; Черепнин Л.В. «Смута» в историографии XVII века // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 81–128; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.

интересующий нас текст без внимания, хотя он был опубликован в 1869 г.³¹ А.Н. Попов охарактеризовал его как «оригинальное и самобытное относительно всех прочих исторических русских сочинений»³². Лишь Л.Е. Морозова исследовала этот текст в рамках выяснения источников Нового летописца, указав на наличие заимствований из Хронографа³³.

С.Ф. Платонов позже посвятил Хронографу и его автору специальную статью. Здесь дается краткая характеристика этого источника, приводится мнение исследователей о его типовой принадлежности, делается предположение об авторстве Баима Болтина, о котором дается краткая биографическая информация и очерчивается круг источников, проливающих свет на его службу³⁴. Исследователь полагал, что частое упоминание имени Баима Болтина в тексте, осведомленность о событиях, происходивших в местах его службы, и указание на роль арзамасских дворян в период Смуты указывают на авторство Болтина. Атрибуция Платонова была принята последующими исследователями. После длительного перерыва биография и Хронограф Б.Ф. Болтина привлекли внимание ученых лишь в постсоветское время. В.К. Зиборов опубликовал две статьи, посвященные Баиму Болтину и его сочинению, в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». В статье, опубликованной в первой части «Словаря», кратко перечислены основные сведения о Хронографе, выявленные С.Ф. Платоновым, и указаны дошедшие до нас списки этого сочинения. Также сообщается, что третий список был частью недошедшего до нас Лобковского хронографа. Данная статья примечательна еще тем, что сообщает о сохранившемся печатном трефолое, принадлежавшем Баиму Болтину. Вторая статья, во много следует за

³¹ Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору Хронографов русской редакции) (далее в сносках – Изборник славянских и русских сочинений). М., 1869. С. 321–379.

³² Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. С. 254.

³³ Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000. С. 313–366.

³⁴ Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 18–28.

материалом А.Н. Попова и более подробно освещает содержание рукописи из Российской национальной библиотеки. В статье перечисляются произведения, окружающие Хронограф в рукописи. Имеется указание на то, что Баим Болтин считается автором Хронографа³⁵.

Относительно степени изученности предмета исследования можно сделать следующий вывод. Биография Баима Болтина известна лишь фрагментарно. Наиболее подробно изучены его участие в Смоленской войне 1632–1634 гг., имущественное положение и родословная рода Болтиных. Хронограф был рассмотрен лишь в сравнении с Новым летописцем, но он не исследовался специально в сопоставлении с другими источниками. не выявлен авторский след в этом сочинении. Недостаточно изучен список Хронографа, хранящийся в Российской государственной библиотеке.

Цель исследования – реконструировать биографию, служебную и «писательскую» деятельность Баима Болтина в контексте истории Российского государства от Смуты до середины XVII в.

Задачи исследования:

1. Представить родословную Баима Федоровича Болтина;
2. Выявить полученные по наследству и приобретенные земельные владения, имущественные сделки, а также обозначить родственные связи Б.Ф. Болтина;
3. Выяснить, при каких обстоятельствах началась служба Б.Ф. Болтина, как он оказался при дворе Михаила Федоровича Романова, показать особенности его карьеры;
4. Установить роль и заслуги Баима Федоровича Болтина в Северском походе 1632–1633 гг.

³⁵ *Зиборов В.К.* Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» – Сидор) Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 3 (XVII в.), ч. 1 / Под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 1992. С. 147–148; *Зиборов В.К.* Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып. 3 (XVII в.), ч. 4 / Под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 2004. С. 219–220.

5. Реконструировать его дальнейшую службу в качестве придворного, посла и ясельничего, указать на возможные причины отхода от активной придворной деятельности.
6. Выявить авторское начало в Хронографе, исследовать особенности повествования.
7. Проанализировать описание событий Смутного времени в Хронографе, выявить авторское восприятие этого периода и дать жанровую оценку произведению.
8. Выяснить обстоятельства и причину написания Хронографа.

Источниковая база работы представлена разнообразными повествовательными (нарративными) и документальными источниками.

Часть источников опубликована и введена в научный оборот, а другая часть является неопубликованным архивным материалом.

В работе использована как публикация, так и оригинальный текст Хронографа. Второй список Хронографа³⁶ не опубликован и содержится в разрядной книге, написанной скорописью XVII в., которую П.Н. Милюков и Н.П. Лихачев считали Бутурлинской³⁷.

А.Н. Попов опубликовал и тем самым ввел в научный оборот Карамзинский/Столяров хронограф. В его работе «Обзор хронографов русской редакции»³⁸ дается краткая характеристика текста неизвестного автора. Текст является частью «Столярова хронографа» («Карамзинского хронографа») – сборника рукописей, принадлежавшего Н.М. Карамзину, выкупленного им у некоего столяра. Название всего сборника перешло на лишенный какого-либо заглавия фрагмент, описывающий события 1604–1644 гг., автором которого считается Баим Федорович Болтин. В данной

³⁶ ОР РГБ. Ф. 205 (Собрание ОИДР). № 183.

³⁷ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 20.

³⁸ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. С. 252–256; Изборник славянских и русских сочинений. М., 1869. С. 321–379.

работе мы будем именовать этот текст Хронографом³⁹. А.И. Маркевич в работе «О местничестве» охарактеризовал Хронограф как частную разрядную книгу⁴⁰.

Разрядные материалы представлены «Дворцовыми разрядами»⁴¹, «Книгами разрядными по официальным оных спискам»⁴², «Разрядными записями за Смутное время»⁴³, «Разрядной книгой 1598–1638 гг.»⁴⁴. В них имеется общая информация о службе Баима Болтина и событиях, к которым он имел отношение.

Отдельно следует упомянуть список «Е» «Дворцовых разрядов». Список был сделан с разрядной книги стольников Григория и Никиты Алексеевичей Зюзиных в 1672 году, повествует об освобождении Москвы в годы Смуты и завершается 1645 годом⁴⁵. В данном списке имеется информация, отличная от других списков, вошедших в «Дворцовые разряды». Примечателен он тем, что братья Зюзины являлись родственниками Баима Болтина. Их мать Фекла приходилась ему двоюродной племянницей.

Частичная информация о службе Болтина содержится в сборниках актовых материалов и в сборниках документальных источников: «Акты

³⁹ Хронографы – памятники древнерусской литературы, появившиеся во второй половине XV в. и представляющие собой попытку систематизации исторических сведений (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона т. II, вып. 4 (1909): Почва — Иссоп, стлб. 1974–1975). Их отличительной особенностью являлось помещение истории России в контекст всемирной истории с опорой на библейские сюжеты. Рукопись (РНБ. Ф 4. № 595 действительно является хронографом. Текст, составленный Баимом Болтиным, лишь небольшой фрагмент всей книги и отдельно не является хронографическим произведением по сути. Лишь сложившаяся традиция позволяет нам использовать такое наименование.

⁴⁰ *Маркевич А.И.* О местничестве. Киев, 1879. С. 735.

⁴¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 4 т. (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1850–1855.

⁴² Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 2 т. (далее – Книги разрядные): СПб., 1853–1855.

⁴³ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

⁴⁴ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.

⁴⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. 30.

Московского государства»⁴⁶, «Акты исторические»⁴⁷, «Дополнение к актам историческим»⁴⁸, «Акты до юридического быта Древней Руси»⁴⁹, «Акты и Записные книги Московского стола», опубликованные в сборнике «Русской исторической библиотеки»⁵⁰, сборниках актов, собранных археографической экспедицией⁵¹. Арзамасские поместные акты⁵², писцовые книги Арзамасского уезда⁵³ и акты служилых землевладельцев⁵⁴ содержат ценные сведения о поместьях и сделках с ними как Баима Болтина, так и его родственников. Список участников Земского собора 1566 из «Собрания государственных грамот и договоров»⁵⁵ использовался для выяснения фактов биографии родственников Болтина при составлении родословной.

Мы обращались к делопроизводственным документам разрядного, поместного, четвертного и посольского приказов. «Подлинные боярские списки»⁵⁶ и «Боярская книга 1658 года»⁵⁷ помогли определить чин Баима Болтина в различные периоды его службы. Большое количество сведений о Северском походе 1632–33 гг. и взятии Новгород-Северского имеется в фонде 210 РГАДА. Например, в столбцах Севского стола в деле № 95 говорится о численности походного войска под началом Болтина и о его

⁴⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ) / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1; 1894. Т. 2.

⁴⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841–1842.

⁴⁸ Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1857. Т. 6.

⁴⁹ Акты до юридического быта Древней Руси, изданные Археографической комиссией (далее – АЮБ). СПб., 1884. Т. 3.

⁵⁰ Русская историческая библиотека (далее – РИБ): СПб., 1875. Т. 2; 1884. Т. 9; 1886. Т. 10.

⁵¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академией наук (далее – ААЭ): СПб., 1836. Т. 3; 1836. Т. 4.

⁵² Арзамасские поместные акты (1578–1618) (далее – АПА) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М., 1915.

⁵³ Пудалов Б.М. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород, 2021.

⁵⁴ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. док. / Сост. А.В. Антонов. М., 1997. Т. 1; М., 2002, Т. 3; М., 2008, Т. 4.

⁵⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 1. М., 1813.

⁵⁶ Горбатов Е.Н. «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. М., 2015.

⁵⁷ Боярская книга 1658 года / Отв. ред. Н.М. Рогожин; подг. текста В.А. Кадик. М., 2004.

пребывании в Севске. В столбцах Новгородского стола в деле 27 сообщается об обстановке в Новгород-Северском. В столбцах Московского стола в деле 89 сообщаются сведения об участии родственников Болтина в походе под его руководством⁵⁸. Местами в архивных материалах приводятся конкретные слова Баима Федоровича Болтина⁵⁹. «Кормленая книга Костромской чети» содержит сведения о денежном жаловании Болтина и его родственников⁶⁰. Записные вотчинные книги Поместного приказа⁶¹ послужили источником о сделках с поместьями. Для изучения посольской деятельности Баима Болтина, в первую очередь мы обращались к собраниям делопроизводственных документов посольского приказа, опубликованных Н.Н. Бантыш-Каменским⁶². Ценные сведения о посольстве в Варшаву 1635 г. были получены из документов фонда 79 РГАДА. В деле 49 мы нашли информацию о денежном вознаграждении за эту службу⁶³. Сведения о посольстве Болтина в Данию мы подчерпнули в публикации Ю.Н. Щербачева «Датский архив. Материалы по истории древней России хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 гг.»⁶⁴.

Отдельный вид источников – летописные тексты и повести. Сибирские летописи⁶⁵ использовались для освещения службы Баима Болтина в Тобольске. Рогожский летописец⁶⁶ и Густинская летопись⁶⁷ – при изучении

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14 (Столбцы Севского стола). Д. 95; Оп. 11 (Столбцы Новгородского стола). Д. 27; Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Д. 89.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14 (Столбцы Севского стола). Д. 95. Л. 596–600.

⁶⁰ Кормленая книга костромской чети 1613–1627. Издание Археографической комиссии СПб., 1894.

⁶¹ Записные вотчинные книги Поместного приказа (далее – Записные книги) 1626–1657 гг. / Под ред. А.В. Антонова, А. Береловича, В.Д. Назарова. М., 2010.

⁶² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894, Ч. 1; 1897, Ч. 3.

⁶³ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. Д. 49. Л. 11–14.

⁶⁴ Щербачев Ю.Н. Датский архив. Материалы по истории древней России хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 гг. (далее – Датский Архив). М., 1893.

⁶⁵ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 36: Сибирские летописи / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М., 1987.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Вып. 1. М., 1965.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2: Густинская летопись. СПб., 1843.

родословной. Также мы обратились к хронике Матвея Стрыйковского⁶⁸ для анализа одной из версий происхождения рода Болтиных. Новый летописец (2 списка)⁶⁹, Пискаревский летописец⁷⁰, Мазуринский летописец⁷¹, Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства⁷², Повесть о победах Московского государства⁷³, повести князя Шаховского⁷⁴ и Катырева-Ростовского⁷⁵, а также Хронографы, помещенные А.Н. Поповым в «Изборнике», применялись нами в основном для сравнительного анализа текста Хронографа.

Методология. Диссертационное исследование выполнено на основе базовых принципов исторической науки: историзма и системности. Исследование велось с учётом единства внутренних и внешних, субъективных и объективных факторов исторического процесса.

Историко-биографический метод, методы новой исторической биографии, а также микроанализ применялись для упорядочивания и систематизации фактов из жизни Баима Болтина, выявления причин поведения, выяснения окружающей его социокультурной реальности. Историко-генеалогический анализ применялся для прослеживания его родословной. Общественные отношения, в которых протекала деятельность

⁶⁸ *Стрыйковский, М.* О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному. Ч. 1. М., 2015.

⁶⁹ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича. Издан по списку кн. Оболенского. М., 1853; ПСРЛ. Т. 14: Новый летописец. СПб., 1910.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 34: Пискаревский летописец. М., 1978.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII века. Мазуринский летописец. М., 1968.

⁷² *Щербатов М.М.* Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства (далее – Летопись о многих мятежах). М., 1788. С. 68–70.

⁷³ Повесть о победах Московского государства / Изд. подготовил Г.П. Енин. Л., 1982.

⁷⁴ *Шаховской С.И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков / Вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1987.

⁷⁵ *Катырев-Ростовский И.М.* Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. СПб., 1908. Существует мнение, что автором данной повести является Шаховской С.И. См.: *Кукишкина М.В.* Семен Шаховской — автор «Повести о Смуте» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М., 1975. С. 75–78.

Баима Болтина, их развитие и влияние на него, мы рассматривали при помощи историко-генетического метода. При помощи историко-типологического метода мы определяли типичные сценарии социального поведения представителей различных прослоек русского общества первой половины XVII в. для выявления типичного и особенного в биографии Болтина. Метод формулярного анализа актов применен при изучении имущества, которым обладал Болтин и имущественных сделок, заключаемых им. Историко-системный метод применялся при изучении положения той или иной прослойки служилого сословия и ее роли в государстве, в которой пребывал Баим Федорович Болтин.

Источниковая база исследовалась с применением герменевтического подхода, который помог сделать индивидуальный исторический опыт человека общественно-значимым и послужил для реконструкции жизненного мира человека ушедшей эпохи. Списки Хронографа изучались при помощи текстологического метода.

Научная новизна исследования заключается в том, что это первое комплексное исследование службы видного государственного деятеля первой половины XVII в. Баима Федоровича Болтина. Впервые в этой работе был проведен сравнительный анализ двух списков Хронографа в части, относящейся к событиям после 1613 г. Были обнаружены ранее неизвестные фрагменты этого произведения. Проведенный анализ дал дополнительные аргументы, которые позволяют утверждать с наибольшей вероятностью, что Баим Болтин является автором Хронографа. Общественные отношения, в которые вступал Баим Болтин на протяжении своей службы, расширяют представление о служилом дворянстве как акторе российской истории XVII века.

Научно-практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы при создании лекционных курсов, учебных пособий и учебников по истории России, истории Смутного

времени, источниковедению. Материалы настоящей работы, могут быть полезны исследователям истории России первой половины XVII в.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Род Болтиных прослеживается на службе московских князей с первой половины XV в. и на тот момент занимал более высокое положение в Московском государстве по сравнению с концом XVI–началом XVII в. В XVI в. он утратил свои позиции, хотя увеличилось количество его представителей. Таким образом, Б.Ф. Болтин не мог опираться на знатность рода в деле продвижения по службе.
2. Баим Болтин на протяжении жизни стремился увеличить свои земельные владения, нередко прибегал к выдаче денег в долг под залог имений. Имущественные отношения для него служили не только источником прямого обогащения, но и средством продвижения по службе. Эта «политика» видна и в брачном союзе его дочери и Ивана Федоровича Стрешнева.
3. Баим Болтин начал свою службу ранее 1613 г. (год его первого упоминания в источниках). На этот момент он был уже достаточно опытным воином. Первый период службы Баима Федоровича Болтина включал череду военных, военно-административных, придворных назначений и службу четвертным дьяком. Переход в дьяки был, вероятно, обусловлен нехваткой кадров ввиду роста приказного аппарата, а возвращение в московские дворяне накануне Смоленской войны можно объяснить стремлением Болтина к карьерному росту. Такой «двойной» переход был редким явлением в служебной практике того времени.
4. Участие Б.Ф. Болтина в Северском походе Смоленской войны было высоко оценено, поскольку под его командованием русские войска достигли наибольшего успеха на данном направлении наступления. За эту службу он получил большую награду, чем остальные

воеводы, несмотря на то что уступал им в знатности и в должности. Конфликты с другими воеводами и его непосредственным руководителем Иваном Еропкиным свидетельствовали о недовольстве его персоной как лицом «недостойным», служившим ранее дьяком. Это показывает, что правительство начало выше ценить заслуги людей, а не их родовую честь, что прослеживается и в вознаграждении за посольскую службу, и в победе в местнических спорах. Пример службы Баима Болтина свидетельствует о неоднородности дворянства и тенденции к отходу от средневекового корпоративизма.

5. Вершиной карьеры Баима Болтина была придворная служба ясельником. Дальнейшее отстранение от двора было обусловлено не конфликтом с высшей властью, а отходом от дел вероятного покровителя Баима Болтина – князя Алексея Михайловича Львова. Это свидетельствует о значении патронатно-клиентельных отношений в придворной среде того времени. В его отставке проявилась и тенденция обновления правительства после вступления на престол Алексея Михайловича.
6. Вероятной целью написания Хронографа Баимом Федоровичем Болтиным было предоставление сведений о своих заслугах и заслугах родственников на случай перемены в правительстве в связи со смертью Михаила Федоровича и возможных местнических споров. Автор не прибегал к явной фальсификации, используя более гибкие методы выделения своей персоны.
7. Хронограф – разрядно-хронологическое произведение, в котором значительное место отведено драматическим событиям начала XVII века. Смутное время представляется Баиму Болтину как череда походов против самозванцев. При этом прослеживается авторский след в описании этих событий, а именно, частое упоминание родственников, арзамасской дворянской корпорации,

осведомленность о локальных событиях Смуты, в которых он принимал участие.

8. Хронограф – часть общей источниковой базы XVII в. Он имеет прямую связь и параллели с другими источниками, но при этом самобытен и содержит уникальные сведения. Выявлены фрагменты Хронографа, не вошедшие в «Изборник» Попова, которые являются частью рукописи (ОР РГБ. Ф. 205. № 183). У обоих списков Хронографа был первоисточник, к которому они восходят.

Научная достоверность и апробация результатов исследования.

Научная достоверность обеспечивается широтой охвата источников и глубиной их прочтения, знакомством с работами отечественных исследователей и применением современных методов исторического познания.

Апробация результатов исследования была произведена на различных конференциях: XV Всероссийские научные чтения памяти А.И. Озолина – Саратов 2021 г., IX Международная научная конференция «Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформации и потенциал осмысления» – Саратов 2021 г., LXV Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Новый век: человек, общество, история глазами молодых» – Саратов 2023 г.

Основные положения диссертации приведены в 6 статьях, 3 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для защиты докторских и кандидатских диссертаций⁷⁶.

Структура исследования определяется поставленными и задачами.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных

⁷⁶ *Втюрин А.С.* Баим Болтин как участник заключения Поляновского мирного договора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 437–440; *Втюрин А.С.* Придворная служба Баима Болтина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 144–152; *Втюрин А.С.* Отражение деятельности Баима Болтина в Столяровом хронографе и частной разрядной книге Никиты и Григория Зюзиных // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 50–61.

источников и литературы, приложений. В первой главе рассмотрены происхождение и служба Баима Болтина до 1632 г. т.е. до событий Смоленской войны. Во второй главе описаны события Северского похода, а также служба Болтина после войны вплоть до его исчезновения со страниц источников в 1658 г. Третья глава представляет собой анализ Хронографа как авторского сочинения Болтина.

Глава 1. Происхождение и начальный период службы Баима Федоровича Болтина

§ 1. Родословная Баима Федоровича Болтина

Болтины – российский дворянский род, внесенный в Бархатную книгу в 1686 году⁷⁷. Одним из его виднейших представителей является историк и государственный деятель XVIII в. Иван Никитич Болтин. Его прадедом был Иванис Федорович Болтин – родной брат Б.Ф. Болтина. Имя Баим редкое, и его происхождение неясно. Можно утверждать, что имя не относится к церковным⁷⁸. Однако имеет ли оно славянское⁷⁹ или тюркское происхождение – спорный вопрос. Имя встречается в нескольких вариантах написания: Баим, Боим, Обаим (стоит отметить, что сам род имеет тюркское происхождение, однако вряд ли это имеет отношение к имени, иных татарских имен у представителей рода не было). Обратимся к рассмотрению версий происхождения рода Болтиных, а также родословной Б.Ф. Болтина.

В первые годы правления Ивана III основой московского войска являлся великокняжеский «двор» и «дворы» удельных князей и бояр. «Двор» в этом смысле представлял собой совокупность боевых слуг. С присоединением к Московскому государству новых территорий (в частности, земель Великого княжества Литовского) росло число дружин, переходящих на службу к московскому князю и увеличивавших численность его конного войска. Это стало одной из причин изменения качества и количества войска, в результате которого немногочисленный княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земельные наделы – поместья. Так было создано конное поместное войско, ставшее ядром вооруженных сил Московского государства до середины XVII века. Основную массу нового воинства составляли дворяне и дети боярские, которые либо оставались на

⁷⁷ Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII века. М., 1996. Вып. 6. С. 99.

⁷⁸ Морошкин М.Я. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 102.

⁷⁹ Там же. С. 52.

своих наделах, либо получали во владение новые. Будучи причисленными к служилым людям какого-либо города, воины-помещики именовались городовыми детьми боярскими и организовывались в уездные корпорации. Наметившееся в XV в. различие в служебном и материальном положении двух основных подразделений самого многочисленного разряда служилых людей – дворовых и городских – сохранялось в XVI и первой половине XVII в. Даже во время Смоленской войны 1632–1634 гг. дворовые и городовые поместные воины в разрядных записях фиксировались как разные служилые люди⁸⁰. Расслоение служилого сословия определило развитие рода Болтиных.

Именно поэтому, восстанавливая биографию служилого человека XVII в., мы должны разобраться в происхождении его рода, чтобы выяснить его местнический статус, древность и разветвленность рода. Большое количество родственников потенциально могло повлиять на увеличение земельных владений и, как следствие, материальное благосостояние, что было важным для продвижения по службе. Размер земельного надела напрямую влиял на положение в служилой корпорации: будет ли дворянин выборным или городовым.

Баим Федорович Болтин в начале своего служебного пути относился к служилой корпорации города Арзамаса. О том, как произошло испомещение его предков в Арзамасский уезд, пойдет речь далее. Для этих целей нам необходимо проследить родословную Баима Федоровича, определить, к какой ветви рода Болтиных он относился, и выяснить, как заслуги его предков повлияли на местнический статус Баима, мог ли этот статус способствовать его выдвижению в придворные.

Б.М. Пудалов сравнил 3 дошедшие до нас росписи Болтиных. Их авторами / заказчиками выступили близкие родственники Баима Болтина. Исследователь пришел к выводу, что роспись Аверкия Федоровича Болтина, родного брата Баима Болтина, (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18.

⁸⁰ Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 323–324.

Д. 109) не является протографом (первоисточником) двух других росписей (ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 7096), заказчиками которых выступили братья Иван и Борис Иванисовичи Болтины (племянники Бама Болтина). Эти две росписи не могли быть переписаны одна с другой, но при этом очень сходны. Исследователь пришел к выводу, что все три росписи восходят к единому протографу предположительно начала 1670-х годов⁸¹. Также им приведен ряд отличий. Одно из которых – упоминание князя Василия Васильевича, к которому перешел на службу предполагаемый предок Болтиных мурза Кутлубога. Упоминание о нем было в росписи Аверкия Федоровича и Бориса Иванисовича Болтина⁸².

Фамилия Болтин, судя по всему, появилась из-за прозвища сына перешедшего мурзы – Михаила Болта. Также Пудалов указывает на то, что, пока не сопоставлены все источники о роде Болтиных, нельзя делать точного вывода о татарских корнях рода, поскольку такие прозвища закреплялись за русскими служилыми людьми и без соответствующего происхождения по разным причинам⁸³.

Пудалов считает наиболее вероятным, что предки арзамасских Болтиных, к которым относится и Баим Федорович, служили в XV–XVI вв. в Пскове и прилегающих уездах. Великолуцкие дворяне (представители рода) попадали в состав Государева двора⁸⁴. Первые же представители рода получали в кормление земли, в том числе на северодвинском пути. Опираясь на тексты упомянутых родовых сказок и другие источники, проведем прямую родословную от предполагаемого основателя рода до Баима Федоровича Болтина, а также определим наиболее значимых представителей его рода как по прямой, так и по боковым ветвям.

⁸¹ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века // Российская генеалогия. 2018. № 4. С. 99–100.

⁸² Там же. С. 100, 113.

⁸³ Там же. С. 101–102.

⁸⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в / Подгот. к печати А.А. Зимин. М., 1950. С. 102.

Остановимся подробнее на происхождении рода Болтиных. Наименее вероятной видится версия, изложенная в «Истории родов русского дворянства» П.Н. Петрова. В ней предком Баима Болтина указан монгольский князь Кутлубака, один из командующих татарским войском в битве у Синих вод против литовского князя Ольгерда Гедеминовича. Кутлубака, как указал Петров, переселился в Москву при князе Иване Калите или Симеоне Гордом и принял православие под именем Георгий. В самом фрагменте имеется ряд фактических и хронологических неточностей. Во-первых, дата битвы у Синих вод указана неверно, поскольку она состоялась не в 1331 г., а на 31 год позже – в 1362 г. Во-вторых, имеется неясность во фрагменте: *«Стрыйковский приписывает Ольгерду поражение в Подолии близ Синих вод, монгольских князей Кутлубака, Кичибя Кирея и Димейтера в 1331 году»*. Петров ссылается на польского историка XVI в. Мацея Стрыйковского, а именно на его работу «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси»⁸⁵, написанную в 1582 году. В ней так же битва ошибочно датируется 1331 годом (в прилагаемом переводе имеется датировка 1329 г., однако при ознакомлении с оригиналом мы видим иную дату), но сообщается, что Ольгерд однозначно нанес поражение татарскому войску, а его предводители погибли⁸⁶. Относительно даты битвы более вероятным считается дата, отраженная в Рогожском летописце и Густынской летописи, – 1362 год⁸⁷.

Но даже если считать упоминание 1331 года добросовестным заблуждением П.Н. Петрова, то грубой хронологической ошибкой является то, что Кутлубака мог переселиться в Москву при князе Симеоне Гордом, который стал Московским князем лишь в 1340 году. По версии

⁸⁵ Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 341.

⁸⁶ Стрыйковский М. М. О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному. Часть 1. М., 2015. С. 300.

⁸⁷ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 75; Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 350.

Стрыйковского, данный татарский предводитель погиб в 1331 году. Также совершенно не представляется логичным, если бы Кутлубака перешел к Ивану Калите до 1331 г., а затем уже принял участие в битве у Синих вод. Но так как сама битва произошла в 1362 г., а татарские предводители в ней погибли, то версия Петрова окончательно не выдерживает критики.

Наиболее достоверным нам видится, что некий иной мурза Кутлугога (имя отличается от ранее упомянутого) выехал из Большой Орды к Великому князю Василию Васильевичу и принял крещение под именем Егорей (закрепилось прозвище Юрья⁸⁸). Разумеется, здесь идет речь о правлении Василия II Темного, но формулировка титула «Великий князь» не может дать ответ на конкретный период правления. Здесь могла идти речь о титуле «Великий князь Московский и Владимирский», коим он был в период с 1425 г. по 1446 г. с перерывами на правление Юрия Дмитриевича (28 сентября 1433 г. – 31 марта 1434 г.), Василия Косого (5 июня 1434 – начало июля 1434 г.), Дмитрия Шемяки (7 июля 1445 – 26 октября 1445 г.) и его же после очередного прихода к власти уже в качестве Государя и Великого князя всея Руси 12 февраля 1446 г. Василий II Темный перенял этот титул годом позже, 17 февраля 1447 г., и правил совместно со своим сыном Иваном до 1462 г.⁸⁹. Все-таки отсутствие упоминания титула «Государь и Великий князь всея Руси» в родовой «сказке» наводит на мысль о переходе мурзы Кутлугога на службу к Великому князю до февраля 1446 г., что все равно представляет собой достаточно длинный период более чем в 20 лет.

Данная точка зрения отражена и в родословной книге князя Долгорукова, в которой отмечено, что мурза Кутлубага выехал из Большой Орды в Москву в начале XV века. Сын мурзы Михаил Юрьевич носил прозвище Болт (арбалетная стрела), соответственно его старший сын Матвей стал первым «полющенным» Болтиным. Его брат Григорий Михайлович

⁸⁸ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 110, 113.

⁸⁹ Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 190–191.

Болтин был отправлен Иваном III послом к хану Ахмату в 1472 г.⁹⁰, однако в трех родовых «сказках» не упоминается. Зато в них мы можем узнать о тех землях, которые давались Болтиным в кормление. Юрье (Кутлубаге) в кормления был дан город Устюг. О его сыне Михаиле и его назначениях у нас нет информации, зато известно, что Матвеем Михайловичу в кормление был дан город Чюхлама (ныне Чухлома – город в Костромской области)⁹¹. В родословной книге князя Долгорукова есть упоминание о том, что один из внуков Михаила Юрьевича Болта – Василий Иванович – в 1491 г. был послан Иваном III с иностранными рудокопами на реку Цыльму (ныне Цильма – река в республике Коми, левый приток Печоры), где ими были найдены месторождения серебра и меди⁹². Аналогичного представителя рода в текстах родовых «сказок» мы не находим. Сопоставив известные даты, мы приходим к выводу, что мурза Кутлубага, скорее всего, выехал к Василию Темному именно в начальный период его правления, как минимум до принятия им титула Государя. Также мы считаем предположение о том, что Кутлубага жил значительно раньше и перешел на службу к Московскому князю после поражения ордынских войск у Синих вод от литовского войска князя Ольгерда в 1362 г. несостоятельным, поскольку образуются существенные пробелы в поколениях между ним и упоминаниями его внука и правнука в качестве служилых людей Ивана III.

Дети Матвея Михайловича также получили в кормления ряд территорий Севера Руси. Ивану Большому (прямой предок Баима Федоровича Болтина), согласно росписям 2 и 3, была дана «*Пенешка Руса паганая*». Скорее всего здесь имелось в виду Пенешское городище, расположенное у изгиба реки Большая Пенешка (бассейн Северной Двины) в Архангельской области у деревни Смотроковка. Либо подразумевался поселок Пинега, существовавший с XII в., также расположенный на

⁹⁰ Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 4. СПб., 1857. С. 303.

⁹¹ Пудалов Б.М. Указ. соч. С 113, 117.

⁹² Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 303.

северодвинском маршруте на одноименном притоке Северной Двины, ныне в Архангельской области. Также известно, что Семен Матвеевич получил в кормление «*половину Двины в Колмагорах*» – вероятно, здесь речь идет о части реки Северная Двина в районе Холмогор (город в низовье Северной Двины). Что имелось в виду под названием «*саколничей путь*» (место, отданное в кормление Ивану Меньшому), предположить трудно. Но, опираясь на уже имеющуюся информацию из трех источников, мы видим, что первые представители рода направлялись на территории вдоль Северной Двины. Возможно, это было связано с изменением состава служилого сословия Новгородской земли в период ее присоединения. Болтины были из тех, кто занял места прошлых владельцев из числа новгородской знати, переселенной на территорию Московского княжества. Род Болтиных разрастался и условно разделился на три линии: потомки Ивана Большого, Семена и Ивана Меньшого.

Их детям давались в кормление земли в основном все того же Севера. Сын Ивана Большого – Григорий (предок Баима Федоровича Болтина) – получил «*Пильи горы да Немльга*» (варианты: Немлюга, Немнюга)⁹³. Скорее всего, здесь имелась в виду территория вдоль реки Немнюга – правого притока реки Кулой в Архангельской области, так же впадающей в Белое море, как и Северная Двина. Степан Семенович был направлен в «*Вохму город*» (ныне поселок в Костромской области). Сын Ивана Меньшого Иван Хрущ получил в кормление упомянутую ранее Пинегу. Потомки этих людей уже служили при Иване IV и некоторые из них были направлены в Псковские земли. Федор и Никита Болтины (дети Григория Ивановича) стали великолукскими дворянами. Они были внесены в Тысячную книгу. Их старший брат Андрей Григорьевич (прадед Баима), вероятно, к моменту

⁹³ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 111, 114, 117.

составления книги умер, а его сын Михаил (дед Баима) еще был молод. Однако сын Федора Яков в книге числился⁹⁴.

Родовые «сказки» отнесли Дмитрия Григорьевича к великолукским дворянам и указали на его принадлежность к государеву двору на основании упомянутой «Тысячной книги». В кормление ему был дан «*Арлов городок на Вятке да ключь нижегароцкой*». Он был первым представителем рода Болтиных, направленным в нижегородские земли и являвшимся, хоть и не прямым, но достаточно близким родичем Баима – братом его прадеда Андрея Григорьевича.

Линия Федора Григорьевича прервалась, так как его дети Яков и Охмат были бездетны. Известно, что Охмат принял участие в Земском соборе 1566 г. в числе Луцких помещиков. С ним были Андрей Васильевич Болтин, Петр и Степан Васильевичи Болтины⁹⁵, которые не вошли в родословные росписи.

Линия Ивана Меньшого продолжилась. Его внук Василий Иванович (сын Ивана Хруща) получил в кормление «половину меха Великого Новгорода и Пскова». Вероятно, здесь имелся в виду контроль над торговлей мехом. Его племянник по имени Будаи (сын Исая Угрюма) участвовал в 1558 г. в походе на город Юрьев в качестве сотенного головы в большом полку под началом воевод П.И. Шуйского и А.И. Шеина⁹⁶, принимал участие в иных событиях войны. Иван Михайлович Хрущ и Будаи Угрюмов Болтины (являвшиеся двоюродными братьями) отмечены в Тысячной книге как псковские дворяне, испомещенные в Мелетевской засаде и Острове соответственно⁹⁷.

⁹⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 102; Пудалов Б.М. Родословные сказки Болтиных. С. 102.

⁹⁵ СГГД. Ч. 1. № 192. С. 545–556.

⁹⁶ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 111, 114; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2, ч. 1. С. 29.

⁹⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 99.

Погибший в первом Казанском походе в 1548 г. Андрей Алай Болтин⁹⁸ вполне мог быть Андреем Григорьевичем Болтиным, внуком Ивана Большого, если учитывать приблизительные даты жизни представителей рода. Иных упоминаний о данном человеке не имеется, допускать его изначальную принадлежность к великолукским (псковским) дворянам оснований нет, кроме его родства с Федором и Дмитрием Григорьевичами – родными братьями. Однако это объясняет отсутствие Андрея Григорьевича в «Тысячной книге».

Баим Федорович Болтин приходится правнуком Андрею Григорьевичу. Сын Андрея Григорьевича Михаил (дедушка Баима) был воеводой в Лаишеве – городе, основанном после присоединения Казани к Москве и расположенном в месте слияния Камы и Волги. Пудалов согласен с родословной, в которой дата воеводства в городе, указана как 1558 г.⁹⁹ М.А. Болтин по разрядным записям был воеводой в Лаишеве в период с 1576 г. по 1579 г.¹⁰⁰ Возможно, в родословных записях была допущена ошибка.

Отец Баима Болтина – Федор Михайлович Болтин. О нем уже доподлинно известно, что он арзамасский помещик, владевший в 1602 г. 248 четями земли и окладом в 500 четей¹⁰¹. Федор Болтин значительную часть своей службы был дьяком. Так, он впервые числился в «Росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 году» приказным дьяком, выставившим при этом два конных воина¹⁰². Был он четвертчиком Галицкой четверти, в 1603–1604 г. ему впервые было дано жалование оттуда в размере

⁹⁸ Выдержка из синодика Успенского Кремлевского собора // Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.С. Антонов. М., 2011. С. 178.

⁹⁹ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 104;

¹⁰⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 271, 291, 300; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3 Ч. 1. С. 43, 72.

¹⁰¹ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 105–106; Отдельная книга поместья Федора Болтина. № 164 – 1602–110 гг. 12 июля // АПА. М., 1915. С. 216–217; Рыбалко Н.В. Дьяки и подьячие городов Среднего Поволжья в Смуту начала XVII века // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2010. № 1 (17). С. 16.

¹⁰² Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 392.

50 рублей)¹⁰³. Принимал участие во встрече английского посла 3 октября 1604 года. В 1607 г. был выборным сыном боярским в Арзамасе, а также головой у татар в Санчурске. Вероятно, назначение Ф.М. Болтина дьяком в 1604 г. связано с попытками обновления приказного аппарата в самом конце правления Бориса Годунова¹⁰⁴ и формирования нового круга доверенных лиц из слоя мелких и средних провинциальных землевладельцев. После падения Годуновых Ф.М. Болтин в качестве столичного дьяка не упоминается, так что кажется верным вывод о его отставке по воле Лжедмитрия I. Вероятно, он был сторонником Василия Шуйского и не принимал сторону тушинцев.

С.Б. Веселовский упомянул дьяка Федора Михайлова (1-ого), который служил в Твери в 1613/14–1617 гг. и 1619/20–1621/22 гг. (с перерывами) и в Казани в 1618 г.¹⁰⁵. На наш взгляд, допустимо соотнесение этого Федора Михайлова 1-го с Федором Михайловым сыном Болтиным, получившим новое после вынужденного перерыва дьяческое назначение фактически сразу после избрания на царство Михаила Романова. Такое допущение было предложено Б.М. Пудаловым и нуждается в дополнительной проверке. Косвенно в пользу его догадки может свидетельствовать незапятнанная репутация Ф.М. Болтина в период Смуты; к тому же предлагаемое отождествление отчасти объясняет начальный успех служебной карьеры его сына Баима Болтина¹⁰⁶. С нашей стороны нет оснований не согласиться с выдвинутым предположением.

Есть целая группа Болтиных, не упомянутая в родословных сказках. Иван Тимофеевич Болтин получил в качестве поместья надел в Торопецком уезде в 1580/81 годах¹⁰⁷. В 1596 г. в том же Торопце в качестве новика

¹⁰³ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 118.

¹⁰⁴ Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 261–264.

¹⁰⁵ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 342.

¹⁰⁶ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 106.

¹⁰⁷ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. док. М., 1997. Т. I. С. 35, 337.

записан Безсон Семенович Болтин с окладом в 100 четей¹⁰⁸. Исак Степанович отмечен в качестве послуха в акте около 1589 г. по Клинскому уезду¹⁰⁹. Судя по указанной дате, маловероятно, что он приходится сыном Степана Семеновича Болтина, племянника Ивана Большого. Богдан Болтин являлся недельщиком в Разбойной избе в 1584 г. Немир Иванович Болтин принимал участие в составлении двух актов по Обонежской пятине в 1598 и 1599 годах¹¹⁰.

В «Боярском списке 1588–1589 годов» указан в качестве выборного по Ростову Захарий Михайлович с окладом в 400 четей. Список дворян, которые должны были участвовать в Шведском походе 1589–1590 гг., содержит в себе упоминание в качестве выборного по Ростову некоего Афанасия Михайловича с окладом в 500 четей¹¹¹. Если сопоставить эти сведения с родословными «сказками» Болтиных, можно отождествить первого с Захарием Михайловичем, внуком Михаила Ивановича – сына Ивана Большого. В «сказках» не указан Афанасий, но учитывая неполноту «сказок», можно допустить, что он приходится братом или дядей Захария. В любом случае они относятся к достаточно близкому к Баиму Федоровичу ответвлению Болтиных. Пудалов не считает этих ростовских Болтиных коренными ростовскими вотчинниками и допускает, что их испомещение могло быть связано с изменениями в ходе опричнины¹¹². Любопытен тот факт, что Баим Федорович называл «родовой вотчиной» выкупленное им ростовское владение его родственницы Феклы (дочь Григория Кузьмина сына Болтина, вдова окольного Алексея Ивановича Зюзина)¹¹³, о покупке которого речь пойдет далее.

¹⁰⁸ Десятни новиков, поверстанных в 1596 году // Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 144.

¹⁰⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. III. С. 43.

¹¹⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2008. Т. IV. С. 43, 44, 376.

¹¹¹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 231, 347.

¹¹² *Пудалов Б.М.* Указ. соч. С. 103.

¹¹³ Дело о записи за кн. Иваном Федоровым сыном Щербатова по купчей (продажной) вотчины Баима Федорова сына Болтина (выкупленной им у Петра Иванова сына Мусоргского с сыном Иваном вотчины Григория Кузьмина сына Болтина) с Новоселки с

Как отмечалось ранее, Баим Федорович Болтин являлся представителем арзамасской служилой корпорации. Исследователь Ю.В. Мигунов отмечает, что нижегородские и арзамасские Болтины – однородцы, но оставляет открытым вопрос о том, откуда они были помещены в данные уезды¹¹⁴.

В настоящем параграфе была представлена родословная Баима Федоровича Болтина с указанием заслуг отдельных его представителей. Мы видим, что представители рода Болтиных в XV в. занимали куда более высокое положение и получали в кормление прибыльные территории на Севере Московского государства. Однако к концу XVI в. они стали городовыми дворянами и не претендовали на серьезные назначения. Это соответствует тенденции увеличения общего количества служилых людей. Отец Баима Болтина вовсе был дьяком, что по меркам того времени считалось умаляющим честь служилого человека. Соответственно можно констатировать, что происхождение Болтина не могло сыграть значительную роль в его карьерном росте, если не брать во внимание предполагаемую незапятнанность его отца в измене во время Смуты.

дд. и пустт. в Богородицком ст. Ростовского у. // Записные книги 1626–1657 гг. М., 2010. С. 1264–1265.

¹¹⁴ Мигунов Ю.В. История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв.: на примере служилой организации Арзамасского уезда: Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001. С. 141–142, 148.

§ 2. Земельные владения Б.Ф. Болтина и его родственные связи

Рассматривать земельные владения нельзя в отрыве от родственных связей. Ведь брак – это способ аккумулировать или перераспределить материальные блага и заручиться поддержкой новых родственников. Также наследственные отношения – не что иное, как стык семейных и имущественных интересов. Именно по этой причине данные сферы жизни Баима Болтина будут рассматриваться в данном параграфе в совокупности.

Первое упоминание в известных нам источниках о Баиме Федоровиче Болтине относится к 21 февраля 1613 г. и связано с разрешением поместных вопросов в Арзамасском уезде. Арзамасский воевода Девятый Федорович Змеев и дьяк Степан Козадавлев поручили Первому Синбугину произвести изъятие поместных земель у Михаила и Кондратия Щепиных. Речь идет о деревне Населянка Арзамасского уезда. Данной деревней по факту владел Петр Копнин. Изъятие земли было, по сути, формальностью. Первого Синбугина обязали собрать в окрестных местах крестьян, целовальников и попов, которые должны были выступать свидетелями передачи поместья. Также было велено описать все крестьянские дворы. Подпись Баима Болтина стоит вместо подписи Первого Синбугина¹¹⁵. Вероятно, Болтин принимал участие в данной переписи и изъятии земель, если он поставил свою подпись вместо Первого Синбугина. Скорее всего, тот был неграмотен и не мог подписаться за самого себя. Болтин также выступил свидетелем процедуры изъятия.

9 августа 1613 г. в Поместном приказе рассматривался спор относительно поместья в 70 четей в деревне Новоселки Арзамасского уезда, которая ранее принадлежала Семену Чуркину, отправленному

¹¹⁵ Отдельная книга поместья Мих. Щепина. – 1613-121 гг. 21 февраля // АПА. № 367. С. 475–476.

Лжедмитрием II из Тушино в Астрахань. После смерти «вора» Чуркин по своей воле остался там в качестве стрелецкого головы, где, вероятно, познакомился с астраханцем Даниилом Ивановичем Обатуровым, которому и передал указанное поместье. Отказное на поместье было передано арзамасскому воеводе – князю Петру Львову. Даниил Обатуров просил передать ему данное поместье, но воевода отказал, мотивировав тем, что им владеет Баим Федорович Болтин. Болтин ранее заявлял, что деревня Новоселки ему была дана царем Василием Шуйским, однако убедительных документов на право владения поместьем предоставлено не было. Причины, почему князь Петр Львов встал на сторону Болтина, не ясны, но только в первом приближении. Родственных связей между ними мы не обнаружили (да они вряд ли могли быть в силу разного статуса данных родов: Львовы значительно знатнее Болтиных). Возможно, Львов не хотел вставать на сторону «чужака» астраханца Обатурова и тем самым испортить отношения с представителями арзамасской служилой корпорации. Но нам видится вероятной причиной лояльности воеводы – знакомство Баима Болтина с князем Алексеем Михайловичем Львовым – родным братом воеводы Петра Львова¹¹⁶. Это знакомство красной нитью будет проходить через служебную карьеру Болтина и, будет освещено подробнее далее.

В приказе встали на сторону Обатурова и повелел губному старосте Василию Воробьеву собрать в окрестностях попов, старост, целовальников и крестьян, сколько посчитает нужным, и отправиться в поместье. Там он был обязан переписать все дворы и крестьян поименно, а затем выдворить Баима Болтина, его приказчика и людей¹¹⁷. Примечательно, что здесь Баим обвинен в ложном утверждении о получении этого поместья по грамоте царя Василия Шуйского. Но даже если утверждение и было ложным, несомненно, что в Смуту Баим Болтин, как и его сородичи, оставался сторонником Шуйского и

¹¹⁶ Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 1. С. 186.

¹¹⁷ Грамота к губному старосте об отказе поместья Дан. Обатурову. – 1613 – 121 гг. 9 августа // АПА. № 384. С. 499.

противником «тушинцев»¹¹⁸. Это способствовало карьере Баима: в арзамасской десятне 1613 г. он написан среди выборных, с окладом в 750 четей¹¹⁹.

Следующее упоминание о Болтине в источниках мы можем встретить снова в Арзамасских поместных актах. 6 августа 1616 г. в Москве в Нижегородской чети рассматривался вопрос о деревне Черная Арзамасского уезда, которая принадлежала Баиму Болтину. Данные земли ранее были собственностью упомянутого выше Семена Чуркина, который пребывал в Астрахани в стрелецких головах. На этот раз у Баима Болтина было подтверждение получения им этого поместья. Составлявший дозорную книгу данной территории Федор Дементьев отмечал, что из деревни Черная крестьяне разбрелись и собирать подати невозможно. В Нижегородской чети приняли решение обязать Степана Козадавлева – дьяка при арзамасском воеводе Иване Васильевиче Измайлове – организовать дозор поместья Баима Болтина, а именно, назначить дворянина или сына боярского, который проверит деревню Черную, по возможности соберет разбежавшихся крестьян, опишет все имущество и организует хозяйство. Назначенный человек должен был отправлять четвертные доходы с этой деревни в Нижегородскую четь¹²⁰. Грамоту в Арзамас доставил Иван Болтин – брат Баима.

Из этой грамоты мы можем сделать следующие выводы: во-первых, Баим Болтин все еще был на службе и не мог следить за поместьем, вероятно, пребывал в Казани во главе стрелецкого приказа; во-вторых, Баим Болтин числился в Нижегородской чети и получал четвертное жалование, что считалось более надежным с точки зрения получения стабильных доходов в отличие от получения жалования «с города».

¹¹⁸ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 106.

¹¹⁹ Десятный списокъ дворянь и детей боярскихъ, присланный из Арзамаса въ Разряд. № 390. – 1613 -122 гг. // АПА. С. 508.

¹²⁰ Грамота изъ Нижегородской чети къ воеводе и дьяку о дозоре поместья Баима Болтина. – 1616 – 124 гг. 6 августа // АПА. № 403. С. 568.

К началу 1620-х гг. Баим Федорович Болтин сосредоточил в своих руках арзамасские землевладения некоторых родственников. Так, ему принадлежало поместье в селе Кобылино Тешского стана, включавшее в себя полностью бывшие владения Ивана Дмитриева сына Болтина и Ивана Михайлова сына Болтина (100 и 50 четей соответственно), а также часть поместья дяди Василия Михайловича Болтина, «*что осталось за прожитком*» (40 четей)¹²¹. Относительно этих владений имеются сведения о разделе земель между Болтиными. В 1586 г. Иван Дмитриевич Болтин (двоюродный дядя Баима) и Иван Михайлович Болтин (родной дядя Баима) подали челобитную в Арзамасскую приказную избу о размежевании их владений и владений Василия Михайловича и Федора Михайловича Болтиных (дяди и отца Баима соответственно). По итогам размежевания Федор и Василий получили 80 и 125 четей соответственно, а Иван Михайлович и Иван Дмитриевич 50 и 100 четей¹²². Собственно, часть земель, упомянутых при размежевании между родственниками в 1586 г., отошла Баиму Болтину. В начале 1620-х гг. в селе Кобылино за землей Баима Болтина было прикреплено 18 взрослых мужчин¹²³. От своего отца Баим унаследовал полянку Ватынгуша (8 четей) на речке Асторже¹²⁴. Данную землю Ф.М. Болтин получил в 1602 г. в дополнение к его арзамасскому поместью¹²⁵. Также упоминаются поляны Карпова и Высокая¹²⁶.

Отец Баима Болтина – Ф.М. Болтин, будучи помещиком в Кобылино, вместе с братьями построил там церковь во имя архангела Михаила (небесного покровителя его отца), после чего Кобылино приобрело статус села. Все церковные строения и 10 четей пахотных земель принадлежали Баиму Болтину «*з братьею*»¹²⁷. Сегодня село называется Архангельское.

¹²¹ Пудалов Б.М. Указ. соч. 107.

¹²² Там же. С. 105.

¹²³ Пудалов Б.М. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 1. С. 118.

¹²⁴ Там же. С. 118.

¹²⁵ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века. С. 105.

¹²⁶ Пудалов Б.М. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 1. С. 118.

¹²⁷ Там же. С. 116.

Баиму также принадлежало поместье в деревне Черная Тешского стана (186 четей или, по другим данным, 172 чети с осминою)¹²⁸. Рядом с деревней Черной располагались следующие имения: деревня Вацкое, принадлежавшая Ивану Артемьевичу Чаадаеву, деревня Своробоярское (ныне Ленинское), принадлежавшая казанскому жильцу Юрию Невелскому. Оба населенных пункта существуют по сей день. Ивану Чаадаеву было решено выделить пруд, «... а пруд ему сделать против усаду ниже Иванова пруда Головачова конец Баимовых пол Болтина деревни Чорной»¹²⁹. У Чаадаева также было 50 четей в самой деревне Черной. Любопытно, что в деревне Вацкой до сих пор имеется несколько прудов, по своему положению соответствующих вышеуказанному описанию. Следов деревни Черной найти не удалось, но примерное ее местоположение – вблизи деревни Вацкое. Расстояние от деревни до центра Арзамаса – 15 километров. К имению Баима в деревне Черной было прикреплено 19 взрослых мужчин с детьми. Всего в деревне Черной за Баимом Болтиным числилось 26 человек¹³⁰.

Также Баиму принадлежало поместье в селе Новокрещеново Залесного стана «за Собакинскими вороты» (295 четей), ранее принадлежавшее новокрещену Ялачеву и А. Блохину. Приобретение поместья было осуществлено посредством обмена приблизительно в 1616–1617 гг.¹³¹. Всего по данным писцовой книги Б.Ф. Болтину принадлежала 681 четь поместной земли¹³². Добавим к этим землям отнятые в 1613 г. 70 четей в деревне Новоселки и получим как раз цифру в 750 четей, указанную в десятной росписи¹³³.

Баим Болтин в 1630 г. приобрел деревню Лукьяново (Вонючка) Тешского стана – выслуженную вотчину казанского жильца Ивана

¹²⁸ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века. С. 107.

¹²⁹ Пудалов Б.М. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 1. С. 51.

¹³⁰ Там же. С. 118–119.

¹³¹ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века. С. 107.

¹³² Пудалов Б.М. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 1. С. 51–52, 85–86, 119.

¹³³ Десятный список дворян и детей боярских, присланный из Арзамаса в Разряд. – 1613 – 122 гг. // АПА. № 390. С. 508.

Дмитриевича Глухова. Данное имение было пожаловано ему, тогда еще сыну боярскому, царем Михаилом Федоровичем 15 июля 1620 года. Процесс покупки и оформления занял чуть больше года. 8 июля 1629 г. Болтин и Глухов заключили купчую (продажную). 17 февраля были поданы челобитные в Поместный приказ, к которым прилагались купчая, жалованная грамота и выписка из писцовых книг Тимофея Измайлова на деревню. 5 августа дьяк Поместного приказа Неупокой Кокошкин поставил помету на деле о записи за Баимом Болтиным деревни, а также об уплате пошлины¹³⁴.

В 1638 г. Баим оформил владение вотчиной своей жены Аграфены (дочери Федора Борисова) в деревне Федотово Ичаловского стана, которое было передано в качестве приданного. Данное имение принадлежало деду Аграфены (Василию Федоровичу Борисову), но отошло по закладной Смирному Мотовилову. В 1628 г. по решению государя внукам Василия Федоровича – Семену, Дмитрию и Андрею Борисовым – было разрешено выкупить деревню. 12 февраля братья передали имение Баиму Болтину. Однако оформление произошло лишь 14 июля 1638 г. по челобитной Баима Болтина, а также Семена и Дмитрия Борисовых в Поместный приказ. 31 августа того же года думный дьяк Михаил Данилов, возглавлявший приказ, поставил помету на деле о записи деревни Федотово за Баимом Болтиным¹³⁵.

По причине смерти Аграфены Федоровны, которая была бездетна, Баим Болтин вернул деревню своему шурину Дмитрию Федоровичу Борисову, который был на тот момент муромским сыном боярским. Инициатором возвращения имения был Дмитрий Борисов, так как подал на рубеже 1646-1647 гг. «сказку» с обоснованием своих претензий. Баим Болтин

¹³⁴ Дело о записи за Баимом Федоровым сыном Болтина по купчей (продажной) выслуженной вотчины Ивана Дмитриева сына Глухова д. Лукьяново (Вонючка) в Тешском ст. Арзамасского у. // Книги приказа 1626–1657 гг. / Под ред. А.В. Антонова, А. Береловича, В.Д. Назарова. М., 2010. С. 132.

¹³⁵ Дело о записи за Баимом Федоровым сыном Болтина по данной его шуринов Семена и Дмитрия Федоровых детей Борисова приданой вотчины его жены Аграфены (вотчины ее деда Василия Федорова сына Борисова) д. Федотово в Ичаловском ст. Арзамасского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 412–413.

в свою очередь не оспаривал притязаний на деревню и 12 марта 1647 г. его челобитную о записи имения за шурином принял дьяк Поместного приказа Михаил Патрикеев. Однако Дмитрий Борисов смог подать аналогичную челобитную лишь 13 марта 1652 года. Окончательно деревня Федотова была закреплена за ним 9 сентября того же года¹³⁶.

В течение 1624–1632 гг. Баим и его родной брат Иванис приобретали имения в Залесном стане у мордовских мурз и новокрещенных служилых людей. Так, в 1624 г. (примерно 31 октября) была составлена закладная кабала арзамасских мордовских мурз Байгильдея и Лукаша Виртяновых детей Ватолина в пользу Баима Болтина на свою старинную вотчину – деревню Елачево на р. Пьяне Залесского стана. Закладная обеспечивала возврат долга в размере 120 рублей сроком до 1 ноября 1625 года. Воеводы Даниил Андреевич Замыцкий и Григорий Бахтеяров засвидетельствовали сделку¹³⁷.

Далее в 1628–1629 гг. Иванис Болтин приобрел по купчей вотчину в деревне Березники все там же, на р. Пьяне, у Дулаша-мурзы Чегодаева. В то же время примерно 1 ноября 1628 г. Баим Болтин дал в долг 100 рублей сроком на год алаторскому новокрещену Роману Иванову сыну «князь» Еделеву, Иванишу-мурзе Судосеву и Семенею-мурзе Окомаеву. В качестве закладной выступала та самая деревня Елачево на р. Пьяне. Так как эта вотчина также упомянута как «старинная», то, вероятно, речь шла о части деревни, поскольку ровно такая же формулировка была и относительно мурз Байгильдея и Лукаша Виртяновичей¹³⁸. И то же самое мы можем сказать о деревне Березники, часть которой Иванис приобрел в 1628–1629 гг., а

¹³⁶ Дело о записи за муромским сыном боярским Дмитрием Федоровым сыном Борисова по челобитным возвращенной ему его зятем Баимом Федоровым сыном Болтина приданой вотчины его умершей бездетной сестры Аграфены Федоровой дочери Борисова д. Федотова в Ичаловском ст. Арзамасского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 1299.

¹³⁷ Дело о записи за боярином Борисом Ивановичем Морозовым по купчей (продажной) вотчины ясельничего Баима Федоровича Болтина (купленной им с братом Иванисом Болтиным у мордовских мурз) д. Березники с пуст. В Залесном ст. Арзамасского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 776.

¹³⁸ Там же. С. 776–777.

оставшуюся выкупил в 1631–1632 гг. у арзамасского сына боярского Плакиды Логиновича Микулина, который по купчей передал Иванису вотчину своей жены Федоры и пасынка Ильи Тимофеевича Татина «...с сестрами, бабкой и теткой»¹³⁹.

Данные имения в период с 25 октября по 27 ноября 1645 г. были переданы по купчей Баимом Болтиным боярину Борису Ивановичу Морозову. В числе документов, прилагаемых к сделке, были предоставлены все вышеупомянутые купчие и закладные, «сказка» Баима Болтина о владельческой принадлежности имений, память Приказа Казанского дворца Поместный приказ с выпиской из дозорных книг 1613–1614 гг. князя Никиты Болховского и подьячего Ивана Горохова относительно этих вотчин. Однако не имеется документов, подтверждающих переход имений Иваниса Болтина к Баиму. Со стороны боярина Морозова челобитную подавал его человек – Степан Киселев. На деле о продаже помету поставил дьяк Поместного приказа Федор Елизаров¹⁴⁰. Эта сделка заключена в период изменений в московском правительстве после воцарения Алексея Михайловича. Учитывая, какую роль занимал боярин Морозов при дворе нового царя, можно предположить, что сделка носила характер продвижения интересов самого Баима Болтина.

В декабре 1630 г. Баим Болтин дал в долг 700 рублей сроком до 1 апреля 1631 года князьям Ивану и Федору Ивановичам Путятиным, и снова в счет обеспечения сделки была составлена закладная кабала на выслуженную их отцом вотчину в деревне Нечаево Тешского стана. Другая часть этой деревни была отдана Михаилу Семеновичу Жеребцову в качестве приданного за их сестру. В свою очередь он продал ее Григорию Несмеянову Зловидову. В 1633 г. Баим Болтин одолжил ему 200 рублей, а как раз эту часть деревни Нечаево оформили по закладной кабале в счет обеспечения

¹³⁹ Там же. С. 777.

¹⁴⁰ Там же. С. 776–777.

долга. Данные закладные были просрочены, и Баим Болтин в июле 1646 г. оформил имение в Поместном приказе¹⁴¹.

Землевладельческие интересы Баима Болтина не ограничивались Арзамасским уездом. Он владел бывшим поместьем князя Семена Черкасского – деревней Северниково (Киверниково) Горетова стана Московского уезда. Она была приобретена в 1627–1628 гг. из порожних земель. 20 мая 1640 г. он продал имение дьяку Федору Васильевичу Панову. 4 ноября того же года были поданы челобитные в Поместный приказ и только 12 июня 1641 г. думный дьяк Михаил Данилов поставил на деле свою помету¹⁴².

В 1634–1635 гг. Баим Болтин выкупил у Ивана Петровича Мусоргского свою родовую вотчину в Богородицком стане Ростовского уезда – село Новоселки с деревнями. Данное имение было продано родственницей Баима Федорой (Феклой) Григорьевной Болтиной – вдовой окольного Алексея Ивановича Зюзина. Первым покупателем был дьяк Иван Варганов, у которого в свою очередь имение приобрел Иван Петрович Мусоргский¹⁴³. Федора (Фекла) Болтина – дочь Григория Кузьмина Болтина и, вероятно, правнучка Михаила Андреева Болтина. Таким образом, она является не теткой, как указал Пудалов¹⁴⁴, а двоюродной племянницей Баима.

С 21 сентября 1648 по 3 октября 1649 г. проходил процесс продажи этого имения Баимом Болтиным князю Ивану Федоровичу Щербатову.

¹⁴¹ Дело о записи за ясельничим Баимом Федоровичем сыном Болтина по просроченным закладным кабалам вотчины кн. Ивана и Федора Ивановых детей Путятин и Григория Несмеянова сына Зловидова (выслуженной вотчины кн. Ивана Семенова сына Путятин) д. Нечаево в Тешском ст. Арзамасского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 967–968.

¹⁴² Дело о записи за дьяком Федором Васильевым сыном Панова по купчей (продажной) вотчины дька Баима Федорова сына Болтина (купленной им из порожних земель) Северниково (Киверниково) с пустт в Горетове ст. Москвского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 1299.

¹⁴³ Дело о записи за кн. Иваном Федоровым сыном Щербатова по купчей (продажной) вотчины Баима Федорова сына Болтина (выкупленной им у Петра Иванова сына Мусоргского с сыном Иваном вотчины Григория Кузьмина сына Болтина) с. Новоселки с дд. и пустт. в Богородицком ст. Ростовского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 1264–1265.

¹⁴⁴ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века. С. 108.

Неясно, почему процесс продажи занял столь долгий срок. Баим Болтин в этот период был в Москве, так что, скорее всего, именно князь Щербатов задерживал подачу челобитных и передачу денег. В пользу этого свидетельствует тот факт, что дьяк Поместного приказа Иван Гавренев освободил его от уплаты пошлины ввиду отсутствия у него поместья. Так что, вероятно, у князя попросту не оказалось средств для покупки¹⁴⁵.

Известно, что в 1649 г. у Баима Болтина был двор в Белом городе Москвы в районе современной улицы Петровки. Данные сведения мы можем подчерпнуть из источников, описывающих беспорядки в Москве в феврале 1649 г. в дни празднования Сретения Господня. На Петровке вместе с двором Баима были разграблены дворы боярина Федора Борисовича Долматова Карпова, дворянина Василия Толстого и других. Имя Баима Болтина указано первым в списке дворян¹⁴⁶. Родословные росписи Болтиных сообщают, что двор Баим Болтина был разграблен в 1648 г., в результате чего были утрачены письма, указы о государевом жалованье, кормленные грамоты Болтиных. По этому поводу Баим подавал челобитные в приказы. Сообщается также и о последующих разграблениях двора. После его смерти имуществом и документами Болтина завладел Авраам Связев¹⁴⁷. Как мы видим, имеется две даты разграбления двора: февраль 1649 (сретение) и 1648 год. На наш взгляд, вполне могло быть два случая разграбления двора, поскольку волнения начались в июне 1648 года, а вторая волна пришлась как раз на февраль 1649 года. Эти события известны в истории как Соляной бунт. Однако, данный термин введен в историографию ошибочно¹⁴⁸. Сам налог на соль был отменен за год до событий. Причины недовольства участников Московского мятежа 1648 г. является коррупция, высокие налоги и «крестопреступление» (измена присяге царю). Восставшие полагали, что

¹⁴⁵ Записные книги 1626–1657 гг. С. 1264–1265.

¹⁴⁶ Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2-ой. М., 1955. С. 289.

¹⁴⁷ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века. С. 107.

¹⁴⁸ Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб., 2018. С. 77.

раздействия правительства вредят народу, то значит они вредят и царю. Соответственно, в этом видится оправдание разорения дворов членов правительства¹⁴⁹. Возможно, сам Баим Болтин считался восставшими одним из виновных лиц в сложившейся социально-экономической ситуации, раз его двор был разграблен. Однако, он вполне мог оказаться и случайной жертвой, а разграбление двора не было связано с его личностью.

А.П. Павлов отнес Баима Болтина к группе из 160 наиболее крупных землевладельцев на 1638 г., из числа думных людей, московских чинов и дьяков¹⁵⁰. Но невозможно установить размер его земельных владений под конец службы ввиду того, что размер проданных им имений не известен.

В завершении настоящего параграфа следует сказать о наследниках Баима Федоровича Болтина. Как указывалось, приблизительно в 1628 г. он женился на Аграфене Федоровне Борисовой. Однако не позднее 1646 г. она умерла бездетной. Но у нас имеются сведения о том, что у Баима Болтина была дочь. 21 января 1643 г. он дал вклад по своей дочери – трефолой в дом пречистой Богородицы Колочинского монастыря в Можайском уезде. Трефолой – это разновидность церковнослужебного сборника, содержащего чинопоследования наиболее важных праздников. Вклад принял священник Феодосий Федоров. Дочь Баима звали Матреной. Также известно, что она была супругой Ивана Федоровича Стрешнева¹⁵¹. Соответственно, мы можем сделать вывод, что книга (на корешке книги имеется тиснение «Трефолои декабрьский») была передана в монастырь Баимом Болтиным в качестве памяти о своей рано умершей дочери. Вероятно, она умерла в возрасте 14–15 лет вскоре после свадьбы или в результате неудачных родов, что было не редкостью. Соответственно, супруга Баима Болтина на момент смерти в 1646 г. считалась бездетной.

¹⁴⁹ Там же. С. 92.

¹⁵⁰ Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1. С. 738–739.

¹⁵¹ Поздеева И.В. Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова. М., 1981. С. 71.

Мы можем предположить, что супругом Матрены Баимовны был стольник (на момент жизни Матрены), а с 1656 г. окольный Иван Федорович Стрешнев Меньшой¹⁵². Он был третьим сыном боярина Федора Степановича Стрешнева, родного дяди второй жены Михаила Романова Евдокии Лукьяновны Стрешневой – матери Алексея Михайловича, ставшей царицей в 1626 году. Соответственно его дети: Степан, Иван Большой и Иван Меньшой приходились двоюродными братьями царицы и двоюродными дядями царя Алексея Михайловича. Из представителей рода Стрешневых, проживавших в тот период, лишь двое подходят по имени и отчеству, указанному во вкладе. Это родные братья Иван Большой и Меньшой¹⁵³. Известно, что Иван Меньшой умер бездетным, в то время как Иван Большой был женат, и у него имелась дочь Евдокия – супруга князя Василия Васильевича Голицына.

Мы можем предположить, что это был не первый брак Баима Болтина, поскольку он его заключил уже не в молодом возрасте по меркам того времени. Это не вяжется с практикой заключения ранних браков.

В настоящем параграфе мы рассмотрели земельные владения Баима Федоровича Болтина и его родственные связи. Так, мы видим, что по крови наблюдается родство с фамилией Зюзиных, а благодаря брачным узам – с Борисовыми и Стрешневыми.

Получив по наследству и посредством заключения брака земельные владения, он не останавливался и на протяжении жизни преумножал их как путем прямой покупки, так и путем обращения взыскания на предмет залога. Известен случай неправомерного захвата имения (спор с Даниилом Обатуровым). Нам известно минимум 5 закладных, которые были оформлены в пользу Баима Болтина. В качестве подтверждения нашего предположения относительно использования своего имущества в качестве

¹⁵² Стрешнев Иван Федорович Меньшой // Русский биографический словарь Том XIX: «Смеловский-Суворина» / Под ред. А.А. Половцева. СПб., 1909. С. 577.

¹⁵³ Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 4. С. 412.

способа к продвижению своих интересов мы выявили два случая: выдача крупного денежного займа под залог имущества представителям княжеского рода Путятиных, длительный отказ (16 лет) от предъявления претензий на предмет залога, и продажа имения боярину Морозову в период кадровых перестановок московского правительства.

Также Баим Болтин удачно выдал замуж свою дочь за представителя рода Стрешневых, который приходился двоюродным дядей Алексею Михайловичу Романову. Но дочь скончалась, и мы не можем говорить о преимуществах этого брака. Однако такой подход свидетельствует о том, что Баим Болтин планомерно прибегал ко всем доступным способам для продвижения своих интересов.

А.П. Павлов полагает, что наличие больших земельных наделов зачастую определялось статусом человека, его близостью ко двору и личными заслугами¹⁵⁴. Данное утверждение не противоречит нашему тезису об использовании своих земель и родственных связей для продвижения своих интересов. Накопление капитала и приобретение власти/влияния идут бок о бок: богатство помогает увеличить влияние, ровно как влияние помогает преумножить имущество.

¹⁵⁴ См. Павлов А.П. Указ. соч. С. 740.

§ 3. Начало службы

Начальный период службы Баима Болтина определен временными рамками 1614–1632 гг. Как указывалось выше, имеются сведения о его жизни, датируемые 1613 годом. Первые известные нам упоминания о его службе относятся к походу воеводы Дмитрия Тимофеевича Трубецкого на Новгород 1614 года.

Баим Болтин участвовал в этом походе в составе арзамасских дворян. Упомянутый ранее десятный список дворян и детей боярских, присланный из Арзамаса в разряд, сообщает нам имена служилых людей и сведения об их поместных окладах. Этот список составлялся как раз для учета военнообязанных лиц, которых готовили к отправке с Трубецким в Новгород. По этому списку у Баима Болтина, как отмечено ранее, был поместный оклад размером 750 четей. Он был отнесен к выборным дворянам, что считалось наиболее почетным: по сути, выборные дворяне – это высший уровень для служилых людей не московского чина. Список дворян по выбору, дворовых и городских формировался по убыванию размера поместного оклада. Поместьями в 800 четей обладали Мисюр Ермолаевич Товарищов и Илья Булгаков Мертвой; в 750 четей – Семен Васильевич Родионов, Яков Семенович Миленин, Иван Васильевич Щукин и Баим Болтин; в 600 четей – Никита Федорович Лопатин, Девятой Самолин Шадрин, Роман Иванович Ермолов, Иван Васильевич Щукин; в 550 четей – Петр Иванович Кашкаров¹⁵⁵. Общее число дворян и детей боярских со смотра и их распределение по количеству четей см. в таблице № 1.

Таблица № 1.

Выборные	
800 четей	2
750 четей	4

¹⁵⁵ Десятный список дворян и детей боярских, присланный из Арзамаса в Разряд. – 1613 - 122 гг. // АПА. № 390. С. 508.

600 четей	4
550 четей	1
Дворовые	
700 четей	8
650 четей	1
600 четей	13
550 четей	3
Городовые	
600 четей	28
550 четей	9
500 четей	31
450 четей	30
400 четей	33
350 четей	36
300 четей	55
250 четей	45
200 четей	119
150 четей	51

Всего: 473. 11 выбонных, 25 дворовых, 437 городских.

Как мы видим, в списке приводятся дворовые и городовые дворяне, поместные оклады некоторых составляли 700 четей, из чего можно сделать вывод, что отнесение дворян к службе по выбору зависело не только от размера оклада. Действительно, выборные дворяне формировались преимущественно по принципу семейной преемственности¹⁵⁶. Так, Федор Болтин числился в 1607 г. выборным сыном боярским по Арзамасу. Но это объясняет лишь саму возможность пребывания Баима Болтина в данной корпорации. Куда более интересен размер оклада в 750 четей. Для сравнения,

¹⁵⁶ Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. С. 346.

у его отца был в 1607 г. поместный оклад меньше, а именно 500 четей. И тут уместно вспомнить, что Баим Болтин ссылался в споре относительно деревни Новоселки на то, что она была ему передана Василием Шуйским¹⁵⁷. И хотя это утверждение не было подкреплено документами, можно не без оснований допустить, что он нес службу во времена правления Шуйского.

Отсюда может следовать вывод, что в 1613 г. Баим Болтин имел поместный оклад 750 четей, а значит был не новиком, а зрелым воином. Поэтому можно предположить, что он ранее служил вместе с другими арзамасцами еще при Василии Шуйском.

Результаты смотра поступили в Москву в Разрядный приказ 30 октября.

Указанных в списке людей приписали, судя по всему, ко второй рати под командованием чашника Василия Ивановича Бутурлина, собираемой в Ярославле. Хронограф сообщает нам: *«Да государь же послал с Москвы в Ярославль чашника Василия Ивановича Бутурлина, а велено ему с заволжскими со всеми города збираться. А Володимерцам и Муромцам и Нижегородцам и Арзамасцам, Алушанам и Гороховлянам и Арзамасским князьям и мурзам и служилым Татарам быть всем в Ярославле к Василию Ивановичу Бутурлину. А собраться Василию Ивановичу со всеми ратными людьми идти в Торжок к боярину князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому. И Василий Бутурлин со всеми ратными людьми пришел в Торжок перед Масленою неделю во вторник, а из Торжку боярин князь Дмитрий Тимофеевич с товарищи пошел под Новгород на Масленой неделе во вторник»*¹⁵⁸. Это означает, что арзамасцы прибыли в Торжок с Василием Ивановичем Бутурлиным из Ярославля не раньше марта 1614 года. Сведений о том, что Баим Болтин был «в сходе» с ним в Ярославле, нет, но, учитывая, что имеются сведения о его посылке с челобитной к царю из Бронниц и его

¹⁵⁷ Отдельная книга поместья Мих. Щепина. – 1613–121 гг. 21 февраля // АПА. № 367. С. 475–476; Грамота к губному старосте об отказе поместья Дан. Обатурову. – 1613–121 гг. 9 августа // АПА. № 384. С. 499–500.

¹⁵⁸ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. М., 1869. С. 358.

присутствие в десятном списке, велика вероятность, что он следовал с арзамасскими дворянами. Таким образом, дальнейший его путь мы не без оснований можем проследить вместе с перемещением арзамасского отряда.

Через неделю после прибытия Бутурлина, во вторник Масленой недели, Трубецкой с войском покинул Торжок и отправился в сторону Новгорода. Арзамассцев возглавил Федор Васильевич Левашов¹⁵⁹. В разрядных записях имеется информация о численности этого отряда, который насчитывал 388 человек арзамассцев, 255 татар и «новокрещенных» арзамасских помещиков¹⁶⁰. Имелись также так называемые «нетчики» – помещики, которые отказались явиться на службу или уехали из войска. Баима Болтина, разумеется, в списке нетчиков не было. Сравнивая с десятным списком, можно предположить, что численность нетчиков, а также оставшихся в Арзамасе, составила 85 человек.

Федор Левашов сменил Андрея Палицына в марте 1614 г. в Рамышевском остроге в окрестностях Старой Руссы. Русские войска под командованием Палицына к тому моменту уже отбили несколько шведских атак на острог. Левашов пробыл там до мая 1614 года. В Столяровском Хронографе нет сведений об этом. Автор делает акцент на событиях, относящихся к действиям передового отряда Семена Волынского в апреле, Трубецкой послал его вперед себя сначала в Зайчиков острог, а затем уже из острога к Броницам. У нас нет оснований полагать, что Баим Болтин принимал участие в этих событиях. В самом Хронографе есть указание на то, что с Семеном Волынским был отряд нижегородских городовых служилых людей¹⁶¹, но никак не арзамассцы. Вероятнее всего, Баим Болтин до конца существования Рамышевского острога был вместе с Левашовым. Отряду арзамассцев противостоял шведский отряд из Старой Руссы под командованием ротмистра Лоренца Вагнера. Сведений о боевых действиях

¹⁵⁹ Рабинович Я.Н. Воевода Федор Васильевич Левашов в Новгородской земле // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 280.

¹⁶⁰ Разрядные книги 1598–1638. М., 1974. С. 261.

¹⁶¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 358.

между отрядами не сохранилось. Известно, что Вагнер и Левашов вели переговоры друг с другом об обмене пленными¹⁶².

В конце мая 1614 г. Трубецкой приказал Левашову присоединиться к основному войску. Для него была уготована важная задача: во главе отряда казаков организовать острог на другом берегу реки Мсты севернее Бронниц. Сам же Трубецкой стоял в районе Бронниц. Вероятно, именно тут Баим Болтин перестал находиться под началом Федора Левашова, а остался непосредственно в войске Трубецкого. Об этом свидетельствуют один прямой источник и один косвенный.

Во-первых, Баим Болтин был отправлен Трубецким к царю с донесением о неудачах русского войска¹⁶³. Он не мог быть направлен из острога за рекой Мстой, так как острог Левашова был окружен и, по сути, прикрывал отступление войска Трубецкого. Оборона продолжалась неделю, после чего Левашов капитулировал¹⁶⁴. Более того, отправка Болтина из-за реки была бы нелогичной в силу того, что у Трубецкого было достаточно дворян для такой миссии, а отправка гонца за реку и обратно в условиях ведения боевых действий только для того, чтобы вызвать конкретного дворянина, представляется еще более нелогичной.

Во-вторых, автор Хронографа, которым, как мы считаем, является Баим Болтин, очень подробно описал боевые действия именно в районе местоположения войска Трубецкого. Так, в течение мая – июня 1614 г. в районе Бронниц шли бои с переменным успехом. Инициатива постепенно переходила к шведам. Ситуация для русского войска усугубилась, когда противник подвел к острогу тяжелую осадную артиллерию и начался обстрел русских укреплений. В Хронографе имеется следующее описание тех событий: *« А у немец поставлен был наряд, пушки и верховые пушки, и из пушек стреляли в острог, а из верховых пушек стреляли камением и из пушек людей и лошадей в остроге побивали, и многую тесноту делали, а в острог*

¹⁶² Рабинович Я.Н. Указ. соч. С. 281.

¹⁶³ Дворцовые разряды. 1850. Т. 1 (1612–1628). Стб. 108.

¹⁶⁴ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 359.

проезду ниоткуда не было и запасы хлебные и соль и харч был дорог и взяти было негде, и привести неоткуда, от городов отдалело». В лагере Трубецкого начался голод и болезни: «Ратным людям нужна была бошая и многие оцынжали». Автор также описал то, каким образом шведы предпринимали планомерные действия по взятию острога: «...немцы пешие шанцами стали блиско острогу и под острог повели подкоп... И в боярском остроге ратным людям учало от народу быти бошое утеснение, людей и лошадей побивают много и из острогу выезжать с лошадьми стало некуды, и со голоду лошади помирали, а запасов своих не стало ставать»¹⁶⁵.

Воеводы на совещании «со всеми ратными людьми» пришли к выводу о необходимости оставить позиции и отойти к Торжку. Была опасность погибнуть от голода, а прорываться к Новгороду через укрепленные шведские позиции также не представлялось возможным. Подкрепления из Москвы не предвиделось: «как бы всех ратных людей во осаде с голоду не поморить, и сидеть во осаде не за что не город и с Москвы помочи не чают что удалели, и приговорили итти в отход в Торжок»¹⁶⁶.

Исходя из формулировки ответа царя на донесение Трубецкого, доставленного Тимофеем Васильевичем Измайловым, Федором Андреевичем Скрябиным и Баимом Федоровичем Болтиным, царь повелел отойти войску Трубецкого из Бронниц в Торжок: «И Государь велел из Бронниц боярину князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому с товарищи и со всеми ратными людьми отойти прочь к Торжку». Там же идет приписка: «И боярин и отшел со всеми ратными людьми к Торжку»¹⁶⁷. Мы не можем установить, было ли это официальное разрешение оставить позиции, или царь просто «узаконил» уже случившийся факт отхода. По крайней мере, мы можем примерно рассчитать, сколько времени донесение могло доставляться из-под Бронниц в Москву и обратно. Расстояние по прямой – составляет 470 километров. Даже

¹⁶⁵ Там же. С. 359

¹⁶⁶ Там же. С. 359.

¹⁶⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 108–109.

по самым оптимистичным подсчетам посланники могли преодолеть этот маршрут за неделю. Учитывая тот факт, что войско Трубецкого начало покидать острог ночью 14 июля, вполне можно предположить, что официальное разрешение на отступление могло быть отдано в Москве 7 июля. Следовательно, Баим Болтин и прочие посланники покинули лагерь в последние дни июня. После прибытия войска Трубецкого в Торжок городские служилые люди были отпущены по домам, а руководителям было велено идти в Москву. Отправился ли Баим Болтин в Арзамас, мы не знаем. Но далее можно проследить его службу: исходя из получения нового назначения следует, что он мог остаться в Москве (возможно, донесение Трубецкому о разрешении отойти в Торжок относил не он, а сам остался в Москве).

На основании Столяровского хронографа мы можем проследить дальнейшую службу Болтина. В Казани в 1614 г. был создан новый стрелецкий приказ, насчитывавший 500 стрельцов. Для них было велено организовать отдельную слободу: *«121 и 122 и 123 годов в Казани боярин и воевода князь Иван Михайлович Воротынский, да князь Юрий Петрович Ушатов да дьяки Федор Лихачев, да Степан Дичков... И во 122 году боярину князю Ивану Михайловиу Воротынскому прислан государев указ, а велено в Казани прибрати четвертой приказ, а быти пяти человеком сотникам детям боярским, да пятисот человеком стрельцом, а жалованье им денежное и хлебное давати против старых приказов и слободу стрелецкую устроить и ружье из казны дати»*. В конце 1614 – начале 1615 г. (после завершения похода Трубецкого под Новгород) Баим был отправлен в Казань в качестве стрелецкого головы того самого созданного приказа: *«И во 123 году у того приказу велено быти в головах Баиму Федорову сыну Болтину»*¹⁶⁸. Создание дополнительного стрелецкого приказа было продиктовано, скорее всего, действиями Ивана Заруцкого в Астрахани и

¹⁶⁸ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 360.

обстановкой на Волге в целом. В том же изборнике есть упоминания о восстаниях татар и черемис: *«И тово же году Казанские Татрова и Черемиса Еналейка Шугуров с товарищи заворовали, голов стрелецких побили Микиту Зузина, да Савостьяна Онучина...»*¹⁶⁹. Упоминание о данном восстании и его подавлении мы больше нигде не нашли. Таким образом, территорию Средней и Нижней Волги в 1613-1615 годах следует считать беспокойным местом. Назначение стрелецким головой можно рассматривать как первый руководящий пост в карьере Баима Болтина. В случае походов для решения локальных задач на окраинах государства сотенные головы могли действовать самостоятельно во главе отряда. Также они могли упоминаться вслед за воеводами, что подчеркивает их достаточно высокий статус в зависимости от задач военного мероприятия.

О деятельности Баима Болтина в Казани нам известно немного. 11 мая 1616 г. он был послан во главе детей боярских и стрельцов встречать персидского посла Булат бека, который возвращался из Москвы в Персию через Казань. Встреча состоялась у посадов города¹⁷⁰. Другое сведение имеет косвенное отношение к деятельности Болтина. Казанские воеводы Владимир Долгорукий и Семен Гагарин занимались выкупом невольников - русских детей, которыми завладел персидский купец Хоз Муртаза и тайно держал в Казани. Об этом казанским воеводам сообщил стрелец Мартын Михайлов, служивший в приказе Баима Болтина. Детей удалось сначала забрать, но по приказу царя купцу была возмещена их стоимость¹⁷¹.

¹⁶⁹ Там же. С. 362.

¹⁷⁰ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2 (Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича) // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. С. 430.

¹⁷¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 3 (Царствование Михаила Федоровича) // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. 22. С. 50–51.

Мы имеем основание предположить, что Баим Болтин во главе стрелецкого приказа (полка) в 1617–1618 гг. нес службу в Астрахани, сменив тем самым казанские стрелецкие приказы Сенгура Соковнина и Гордея Пальчикова, несшие в 1616–1617 гг. погодную службу в Астрахани¹⁷².

Как уже отмечалось, в Казани в одно время нес службу сам Баим Болтин в качестве стрелецкого головы и его отец Федор Болтин в качестве дьяка. О том, какие «преференции» для себя они могли получить благодаря такому тандему, можем только догадываться.

Стоит обратить внимание на то, что до 1620 г. в Астрахани в качестве второго воеводы был князь Алексей Михайлович Львов¹⁷³. Есть вероятность, что Львов и Болтин пересекались в Астрахани в период погодной службы последнего. Позже под его руководством Баим Болтин принимал участие в 1635 г. в посольстве в Варшаву.

Баим Болтин не участвовал в обороне Москвы в 1618 г. от королевича Владислава¹⁷⁴. Его имя не фигурирует в Осадном списке.

Следующее назначение относится к 1620 году. Баим Болтин стал вторым воеводой в Терках. Известно, что туда он отправился из Казани вместе с бухарскими и юргенскими послами по Волге. В Царицыне он повстречал донских казаков, которые после удачных походов шли в Астрахань. От них были получены сведения о том, что казацкий отряд в 400 человек идет с Дона в сторону Волги против ногайцев. О передвижениях казаков и ногайцев государь повелел Астраханским воеводам постоянно сообщать в Москву¹⁷⁵.

¹⁷² Там же. С. 101, 105.

¹⁷³ Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 720, 764, 871.

¹⁷⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 357–363; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1 Стб. 561–575. В данных источниках имеется Осадный список, по которому перечисленные служилые люди обязаны были нести службу по обороне Москвы от войск королевича Владислава летом – осенью 1618 г.

¹⁷⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 3. С. 390–392.

Сначала Баим Болтин служил в Терках под началом первого воеводы Никиты Дмитриевича Вельяминова, который к тому моменту уже 4 года нес там службу (с 1616 по 1620 г.). В дальнейшем первым воеводой стал Степан Иванович Волынский¹⁷⁶. Вслед за Болтиным указаны «...письменной голова Никита Дмитриев сын Щедрин; у коннаго приказу Мосей Чербашенинов, а у пеших Данило Васильев сын Колцов»¹⁷⁷.

Терки (он же Терский город) – оплот Московского государства на Северном Кавказе со времен царствования Ивана Грозного. Постоянная угроза этому городу и окрестностям была обусловлена не только пограничным положением, но и тем, что в этих местах пересекались интересы Крымского ханства, Персии, кумыцкой и кабардинской знати. Именно Терки были местом, откуда совершались походы на кумыцкие феодальные образования в конце XVI – начале XVII в. Сложность службы в этом городе обусловлена и трудностями с подвозом продовольствия. Так, до Астрахани водный путь был длинной в 300 верст. Существовал и сухопутный путь, но он пролегал через безводные степи¹⁷⁸. Состав гарнизона города на период 1624/25 гг. представлен в таблице № 2.

Таблица № 2.

Дети боярские	35
Местные конные стрельцы	370 + 4 сотника
Местные пешие стрельцы	445 + 2 головы и 8 сотников
Пушкари	22
Воротники	8
Вожи	2
Переводчики	1

¹⁷⁶ Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 871; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 246, 426.

¹⁷⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 484.

¹⁷⁸ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 31–32.

Толмачи	5
Часовники	1
Кузнецы	1
Юртовские татары и окотские люди	328 + 5 Черкасских мурз
Терские атаманы и казаки	470 + 30 атаманов
Астраханские стрельцы на годовой службе	500 + 5 сотников

Всего 2242 ч.¹⁷⁹

Соответственно, такое назначение для молодого дворянина было отличной возможностью зарекомендовать себя. По мнению С.Ф. Платонова, после службы в Казани Баим Болтин стал московским дворянином¹⁸⁰. Он был в качестве второго воеводы в Терках в период с 9 сентября 1620 по июль 1622 г.¹⁸¹, пока его не сменил другой арзамасский помещик Федор Дементьев.

О пребывании Баима Болтина в Терках известно немного. Степан Волынский и Баим Болтин занимались вопросом привезенных на Терек русских пленников из Персии. Торговцы Грязной Селиванов и Понкратаей Шубин смогли похитить из владений Шаха двух русских рабов, которым грозила либо казнь за побег, либо принятие ислама. По прибытии на Терек пленники были посажены в тюрьму до выяснения причин их отъезда из России. В итоге государь принял решение отослать их в Астрахань к архиепископу «для исправления христианские веры и велеть подавать их на крепкие поруки»¹⁸².

В 1623 г. состав руководства Терского города полностью сменился: первым воеводой был назначен князь Юрий Дмитриевич Хворостинин,

¹⁷⁹ Книги разрядные СПб., 1853. Т. 1. Стб. 1141–1142.

¹⁸⁰ Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 25.

¹⁸¹ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 281.

¹⁸² Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1 / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. С. 255.

вторым – Петр Агеевич Обернебисов¹⁸³. Далее начинается период службы Болтина при царском дворе.

Царский двор – это огромный административный аппарат, состоящий из верхушки княжеской и боярской аристократии, дворян и выходцев из других сословий (к примеру, духовенства). Помимо тех, кто находился непосредственно в Москве, к царскому двору относились и выборные дворяне из городов. К концу XVI в. численность двора составляла около 1100 человек, из которых свыше половины были выборными по городам¹⁸⁴.

К 1630 г. двор расширился до 4000 человек. Так как Баим Болтин уже в 1613 г. относился к выборным по Арзамасу¹⁸⁵, то можно говорить, что членом двора он был задолго до его появления непосредственно при царском дворе. Однако удаленность от Москвы мало способствовала росту по службе. Во время Смуты, сложилась тенденция комплектования московских дворян из числа выборных по городам. Этот процесс сохранился и после Смуты. Однако это не означает, что возрасла роль уездных корпораций в управлении страной. Скорее наоборот, уезды лишались своих видных представителей, а они в свою очередь становились московскими дворянами, со своими корпоративными интересами¹⁸⁶.

Впервые в качестве придворного в столице Баим Болтин присутствовал 14 сентября 1624 г. на свадьбе царя Михаила Федоровича Романова и Марии Владимировны Долгорукой. В первый день свадьбы он был в списке дворян, стоявших по пути шествия процессии. Так, в разрядной записи указано: «...от столовой избы к сборной полате, у дверей, Обоим Федоров сын Болтин»¹⁸⁷. Ранее Болтин не присутствовал на придворных мероприятиях.

¹⁸³ Книги разрядные СПб., 1853. Т. 1. Стб. 926.

¹⁸⁴ Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. С. 255.

¹⁸⁵ Десятный список дворян и детей боярских, присланный из Арзамаса в Разряд. № 390. – 1613 – 122 гг. // АПА. С. 508.

¹⁸⁶ История России. Т. 5. Кн.1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. М., 2024. С. 417–418.

¹⁸⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 639.

Возможно, что в список московских дворян он был внесен как раз по возвращении с места Терской службы, либо между службой в Казани и в Терках, как утверждал Платонов. Стоит отметить, что в подлинных боярских списках он числится «московским» в 1626 году¹⁸⁸. Более ранних списков нет. В событиях такого рода присутствие городских дворян сделало бы необходимым внесение уточнения (московские дворяне, городские дворяне), чего мы не видим при упоминании Баима Болтина. Следовательно, у нас нет оснований считать, что Болтин получил московское дворянство позже 1624 года.

В рамках придворной службы Баим Болтин 26 апреля 1626 г. был оставлен в Москве Михаилом Федоровичем Романовым, который отправился молиться в Троице-Сергиев монастырь. Главным в Москве был назначен боярин Федор Иванович Шереметев, под чьим руководством находился Болтин. С Ф.И. Шереметевым в числе московского руководства были боярин и князь Андрей Васильевич Сицкий, окольный князь Григорий Константинович Волконский, думный разрядный дьяк Федор Лихачев. К боярину Шереметеву были приписаны дворяне, которые должны были «на государевом дворе в верху дневать и ночевать». Баим Болтин был записан во вторую половину этого списка. Упомянутые дворяне находились в личном распоряжении Федора Шереметева на период отъезда царя. Таким образом, это первый случай, когда Баим Болтин получил столь важное назначение, а именно находился в распоряжении боярина, замещавшего государя. Аналогичный список, но уже с другими дворянами, закреплен за Андреем Васильевичем Сицким¹⁸⁹. Во время этого отъезда государя в Москве случился большой пожар, настолько серьезный, что горели Китай-город и Кремль, в котором огонь уничтожил казну, государев и патриарший дворы¹⁹⁰. Огонь уничтожил огромное количество актового материала. Однако сведений об участии Баима Болтина в разборе последствий пожара и

¹⁸⁸ Горбатов Е.Н. «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. М., 2015. С. 51.

¹⁸⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 818.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 14. Новый летописец. СПб., 1910. С. 152–153.

восстановлении утраченных документов мы не имеем. Можем предположить, что работы у подчиненных Федора Шереметева было много.

Назначение Баима Болтина дьяком Новгородской чети (четвертного приказа) произошло 16 февраля 1627 г., а 17 февраля он был приведен к целованию креста. Ему было дано молитвенное имя – Сидор¹⁹¹. 20 февраля был утвержден состав дьяков четверти: вместо Андрея Шипова дьяками были назначены Баим Болтин и Дементий Образцов¹⁹². Назначенный Б.Ф. Болтину оклад в качестве дьяка чети составлял 900 четей и 130 рублей¹⁹³.

В период правления Михаила Федоровича Романова и особенно после возвращения патриарха Филарета из плена возобновилась давняя традиция царских и патриарших столов по случаю важных событий (знаковых побед, приема послов, рождения детей у государя) и церковных праздников. В 1622 г. по инициативе Филарета было составлено *«Сказание действенных чинов святых соборных церкви Успения Пресвятой Богородицы, матере церквам царствующего града Москвы и всея Великия Руси»*, которое определяло порядок и церемониал церковных праздников, служб и крестных ходов в Москве с участием царя и патриарха. Соответственно, в течение года представители служилого сословия посещали «стол» в тот или иной праздник и имели возможность присутствовать при государе и верхушке княжеско-боярской аристократии. Таким образом, формировалась своя иерархия влияния при дворе¹⁹⁴.

Б.Ф. Болтин часто упоминается как участник царских и патриарших застолий. 14 марта 1627 г. у государя *«был стол»* по случаю празднования дня Федоровской иконы Божьей Матери – *«праздник пречистые Богородицы»*

¹⁹¹ Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 456.

¹⁹² Там же. С. 458.

¹⁹³ Дело по челобитью Никиты Оладьина о пожаловании его за службы и промысл поместною и денежною придачею и в приказ // АМГ. Т. 1. СПб., 1890. № 601. С. 558–562.

¹⁹⁴ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 237–238.

Федоровские». Баим Болтин указан в числе присутствовавших дьяков третьим вслед за Михаилом Даниловым и Максимом Матюшкиным¹⁹⁵.

В день Вербного воскресенья 18 марта 1627 г. «*был стол*» у патриарха Филарета в столовой палате. В росписи Болтин также присутствовал в числе дьяков. На этот раз оказался первым в списке. Изначально Болтин должен был идти вслед за ранее упомянутым Михаилом Даниловым, однако имя последнего было зачеркнуто¹⁹⁶. В дворцовых же разрядах пометки о том, что имя М. Данилова было вычеркнуто, отсутствуют¹⁹⁷.

По случаю рождения у Михаила Романова дочери Ирины 25 апреля 1627 г. «*был стол*» в Грановитой палате. Баим Болтин был третьим в списке дьяков, включавшем 31 человека. Также за столом были 4 дьяка, служившие у патриарха. В записной книге московского стола Б.Ф. Болтин указан пятым в списке дьяков. Стоит отметить, что он на этот раз опередил дьяка Максима Матюшкина (ранее, 14 марта, Болтин указывался после него)¹⁹⁸.

В некоторых событиях участие Болтина планировалось, но по каким-то причинам не состоялось. Так, 13 июня 1627 г. Баим Болтин должен был принимать участие в шествии в Троице-Сергиев монастырь для празднования дня Святой Троицы. Изначально он был указан третьим в числе дьяков, однако его имя и имя Венедикта Махова были вычеркнуты¹⁹⁹.

На время поездки в Новодевичий монастырь 27 июля 1627 г. государь оставил вместо себя в Москве боярина князя Даниила Ивановича Мезецкого и окольничего Артемия Васильевича Измайлова. Вместе с ними были 29 дворян и 19 дьяков²⁰⁰. Шестым в списке дьяков стоял Баим Болтин (между Петром Овдокимовым и Дементием Образцовым). Также в том списке значилось имя Никифора Шипулина, стоявшего после Болтина. Этот человек в дальнейшем будет служить рядом с Болтиным.

¹⁹⁵ Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 470.

¹⁹⁶ Там же. С. 472.

¹⁹⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 907.

¹⁹⁸ Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ Т. 9. С. 486.

¹⁹⁹ Там же. С. 497.

²⁰⁰ Там же. С. 506.

На время поездки в Симонов монастырь 31 июля 1627 г. государь оставил вместо себя Михаила Борисовича Шеина и Даниила Ивановича Мезецкого. Баим Болтин также был в числе дьяков одиннадцатым в списке из сорока после Петра Овдокимова²⁰¹.

Выход московских царей на богомолье – это важное, торжественное мероприятие, призванное подчеркнуть значимость церковных праздников. Народ и иностранцы могли увидеть царскую процессию, каждый шаг которой подчинялся четкому регламенту. Пышные одеяния были у всех участников выхода. Свита государя распределялась по старшинству. Впереди шли нижние чины: бояре, окольничие и думные люди шли ближе к государю. Регламентированный церемониал – важная черта традиционного общества²⁰².

По случаю празднования Успения Богородицы 15 августа 1627 г. «*был стол*» у патриарха Филарета с участием государя. В праздновании принимали участие всего лишь 6 дьяков, Болтин был пятым в списке между Иваном Грязевым и Венедиктом Маховым²⁰³.

В день памяти Петра Чудотворца 21 декабря 1627 г. в столовой патриаршей палате у патриарха Филарета состоялся стол в присутствии государя Михаила Романова. В застолье принимали участие бояре, думные дьяки, дворяне и дьяки. В этот раз Баим Болтин числится в списке первым дьяком, что свидетельствует о его служебном росте при дворе²⁰⁴.

В канун празднования Рождества 6 января 1628 г. у государя Михаила Романова «*был стол*» в золотой подписной палате. Здесь Болтин почему-то указан после Максима Матюшкина, третьим в списке. Возможно, последний получил повышение и вновь опередил Болтина²⁰⁵.

В день празднования Федоровской иконы Божией Матери 14 марта 1628 г. у государя Михаила Романова «*был стол*» в золотой подписной

²⁰¹ Там же. С. 509.

²⁰² Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. С. 376–378.

²⁰³ Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 515.

²⁰⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 969.

²⁰⁵ Там же. Стб. 972.

палате, в котором принимал участие патриарх Филарет. Баим Болтин снова был в числе дьяков десятым в списке из 13 дьяков, заняв место между Никифором Спиридоновым и Венедиктом Маховым²⁰⁶.

Очередной раз первым среди дьяков мы видим Болтина за столом у государя 6 апреля 1628 года²⁰⁷.

По случаю рождения дочери Пелагеи 20 апреля 1628 г. в Грановитой палате у государя «*был стол*» с участием патриарха Филарета. Перечисление присутствовавших лиц занимает два столбца. Баим Болтин указан в списке дьяков восемнадцатым из тридцати двух²⁰⁸.

Баим Болтин снова присутствовал за столом государя в праздник Успения Богородицы 15 августа 1628 г. Был в числе дьяков на том же самом месте, что и в 1627 году²⁰⁹.

Впервые Болтин принял участие во встрече иноземных послов 13 февраля 1629 г. Тогда в Грановитой палате царь Михаил Федорович и патриарх Филарет принимали посла персидского шаха Аббаса Мамета Силибека и купца «Агасана». Перед царской аудиенцией по церемониалу было две встречи: на крыльце и в сенях. Баим Болтин вместе с князем Андреем Андреевичем Хованским встречал посла в сенях и был указан в качестве дьяка Новгородской чети²¹⁰. Процесс приема послов вплоть до второй половины XVII в., когда начали заключаться договоры о посольском церемониале с другими государствами, опирался на обычаи и прецеденты и был неотъемлемой частью посольской и придворной жизни²¹¹. Для придворного считалось почетным находиться как можно ближе к залу для приема послов государем. Таким образом, встречать послов на въезде в Москву почетнее, чем встречать их на границе. Также уже непосредственно на пути следования послов на прием к государю более почетными считались

²⁰⁶ Там же. Стб. 995.

²⁰⁷ Там же. Стб. 1001.

²⁰⁸ Там же. Стб. 1006.

²⁰⁹ Там же. Стб. 1029.

²¹⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). Стб. 27.

²¹¹ Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется... М., 1988. С. 204.

встречи в сенях, чем на крыльце. Это обуславливалось обычаем, по которому послам должна оказываться все большая честь по мере приближения к государю²¹².

В Грановитой палате 26 февраля 1632 г. состоялся прием царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Ахмета Аги – посла турецкого султана Мурада IV. В дворцовых разрядах подробно описывается, кто сидел по левую и правую руку от государя. Объявлял посла и дары государю князь Прозоровский. Было две встречи посла: меньшая – на крыльце, большая – в сенях. В сенях посла встречали князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский и дьяк Новгородской чети Баим Болтин²¹³.

Остановимся подробнее на службе в Новгородской чети. Данное учреждение представляло собой административный, финансовый и судебный орган власти²¹⁴, ведавший такими городами, как Новгород, Псков, Нижний Новгород, Вологда, Архангельск и рядом других городов с их уездами. Во главе четвертного приказа стоял дьяк, у которого мог быть в подчинении еще один дьяк «в товарищах».

Дьяки, будучи центральными фигурами приказного управления, пользовались всеми правами служилого сословия и в период Смуты по своему социальному уровню стояли между столичными чинами и уездными выборными дворянами²¹⁵. В царствование Михаила Романова они в основном комплектовались из дворян. К 1635 г. свыше трети дьяков составляли выходцы из гостей и духовенства²¹⁶. Приказной аппарат развивался, и вместе с тем росла численность дьяков. Росла и численность подьячих²¹⁷. По своему социальному положению в годы правления Михаила Романова дьяки были сравнимы с московскими жильцами, однако получали оклады, сопоставимые

²¹² Там же. С. 70.

²¹³ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 251.

²¹⁴ *Сторожев В.Н.* К вопросу о четвертчиках // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 80. С. 195–217.

²¹⁵ Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в. С. 263, 348.

²¹⁶ Там же. С. 350.

²¹⁷ Там же. С. 348.

с окладами стольников²¹⁸. Таким образом, понижение Б.Ф. Болтина было в иерархии, но не в финансовом положении.

С другой стороны, до событий Смутного времени человек такого происхождения, как Баим Болтин, практически не мог занять должность приказного дьяка. Присутствие уездных дворян в аппарате центральной власти вызывало раздражение у коренной московской аристократии. Однако у московского правительства стояла первоочередная задача – устранение социально-экономических последствий Смуты, а для этого необходимо было пополнить опустошенную казну. Именно поэтому произошло усиление фискальных органов. Нехватка нужных кадров для функционирования разрастающегося бюрократического аппарата, скорее всего, и является причиной терпимости к людям незнатного происхождения как среди дьяков, так и среди подьячих²¹⁹. При этом, представители аристократии постепенно оттесняли их от руководства центральным административным аппаратом. Думные дьяки по сути своей уравнивались с приказными дьяками и являлись товарищами судьей и воевод²²⁰. Соответственно дьяки из самостоятельных акторов, становились исполнителями чужой воли. Тот факт, что данный чин комплектовался из уездных дворян (а это означает, что далеко не все смогут обзавестись связями с Московским дворянством по причине отсутствия родства) и то, что аристократия забрала в итоге руководящую функцию в административном аппарате, и определило судьбу данного чина как второстепенного в управлении²²¹.

Первое известное решение Баима Болтина в качестве дьяка Новгородской чети датируется 5 марта 1627 г. почти сразу после назначения. Болтин направил Ивана Клементьевича Чулкова в Архангельск стрелецким

²¹⁸ Там же. С. 350.

²¹⁹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 21–22.

²²⁰ Там же. С. 166.

²²¹ История России. Т. 5. Кн.1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. М., 2024. С. 419.

головой²²². Стоит отметить, что все назначения и распоряжения делались от имени государя.

Болтин в Новгородской чети рассматривал вопрос о выводе д. Нырыб в Чердынском уезде из оклада, поскольку люди в деревне бедны и не могли даже содержать церковь. 17 ноября 1627 г. воеводе г. Чердынь князю Петру Клобкову-Мосальскому было велено перестать взимать окладные налоги и подати с деревни и отписаться о выводе ее из оклада в Новгородскую четь²²³.

Через Баима Болтина 1 января 1628 г. была передана грамота, освобождавшая от всех налогов некоторые земли в Петровском Челможском погосте Обонежской пятины, принадлежавшие Исаку Герасимову. Ранее эти земли были пожалованы за то, что его отец (толвуйский поп Ермолай Герасимов) всячески помогал матери Михаила Федоровича (инокине Марии Ивановне) в годы ссылки и заточения при Борисе Годунове в тех местах. Своей грамотой государь оградил его от всех претензий и нападок со стороны приказных людей и подтвердил ранее обещанные привилегии, которые, судя по всему, местными чиновниками нарушались²²⁴.

В декабре 1629 г. из Новгородской чети уже новому Чердынскому воеводе Сарычу Линеву было поручено заняться сыском беглых посадских людей городов Слободского и Шестакова и крестьян из их уездов. Беглые люди обязаны были платить налоги и подати в четь²²⁵. Их поиск и постановка на учет требовались для восстановления денежных поступлений.

21 июля 1630 г. сысольским старостам и целовальникам была направлена грамота, в которой требовалось прислать в Москву

²²² Записная книга Московского стола 1626, мая 5 - 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 465.

²²³ Царская грамота Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову Мосальскому, об устройении для церкви Николая Чудотворца, в Ныробском погосте, образов и написании пролога, пожаловании причету руги и обелении в пользу его деревни. 1627, ноября 17 // АИ. Т. 3. СПб., 1841. № 149. С. 241–244.

²²⁴ Обельная грамота Исаку Герасимову на волостку в Обонежской пятине, в Челможском погосте, в награду за услуги, оказанные отцом его матери Государевой инокине Марии Иоановне. 1628, января 1 // АИ. Т. 3. № 151. С. 245–249.

²²⁵ Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву о сыске бежавших из городов Слободского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян. 1629, декабря // АИ. Т. 3. № 160. С. 288–289.

«таможенных, кабацких, неокладных и четвертных денежных доходов». У местных чиновников за 1628 г. и 1629 г. образовалась неуплата по ним, хотя окладные доходы они присылали исправно. От старост и целовальников требовалось тотчас прислать в Новгородскую четь дьякам Баиму Болтину и Дементию Образцову указанные в грамоте суммы под страхом отправки к ним приставов. 14 сентября 1630 г. в тот же Сысольский уезд была направлена грамота с требованием прислать окладные четвертные денежные доходы за 1629 год²²⁶. Видимо, в Сысольском уезде возникли трудности со сбором денег или же местные чиновники захотели их утаить.

20 января 1631 г. была отправлена грамота в г. Чердынь воеводе Сарычу Никитичу Линеву, в которой требовалось составить список каменщиков, кирпичников и гончаров, отказавшихся отправиться в Вязьму и Можайск для проведения там работ. Данный список было велено передать в Новгородскую четь дьякам Баиму Болтину и Дементию Образцову²²⁷.

Через Баима Болтина решался вопрос относительно земель, принадлежавших Черногорскому монастырю на р. Пинеге. 9 февраля 1631 г. Двинскому воеводе князю Василию Ахмашукову-Черкасскому было велено передать грамоту в монастырь, в которой определялся размер налогов и границы земель, коими тот владел²²⁸.

Баимом Болтиным в Новгородской чети рассматривался спор, возникший у самоедов Меншичко Анципина и Семейки Вотьева с местными русскими людьми. По словам самоедов, русские люди без разрешения вторгались в их владения вдоль рек Индига и Волонга и занимались добычей рыбы и зверей. Более того, они не уплачивали оброк государю с этих

²²⁶ Царская грамота Сысольским старостам и целовальникам, о доставлении в Москву таможенных, кабацких, неокладных и четвертных денежных доходов. 1630, июля 21, сентября 14 // РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 146. Стб. 500–502.

²²⁷ Царская грамота в Пермь Великую о переписании в Чердыни каменщиков, кирпичников и гончаров для Вяземского и Можайского городского дела. 1630, января 20 // ААЭ. Т. 3, СПб., 1836. № 188. С. 274–275.

²²⁸ Царская грамота Двинскому воеводе князю Василию Ахамашукову Черкасскому, об утверждении за Черногорскою Пинежскую пустыню земли и угодьев. 1631, февраля 9 // АИ. Т. 3. СПб., 1841. № 166. С. 292–294.

промыслов. Судя по всему, дьяки Баим Болтин и Дементий Образцов установили преимущественное право владения за самоедами, закрепленное еще за их дедами. 7 сентября 1631 г. была отправлена грамота воеводе в Кевролу и Мезень, в которой подтверждалось право самоедов Меншичко Анципина и Семейки Вотьева на владение реками Индигой и Волонгой и добычу рыбы и зверей в них²²⁹. Поскольку этим спором занимались дьяки Новгородской чети, уплачиваемый оброк с промыслов на этих реках шел в нее.

Баим Болтин занимался вопросами составления сметы по ремонтным работам оборонительных сооружений г. Гдова, который располагался к северу от Пскова. Псковские воеводы (князь Никита Михайлович Мезецкий и Пимен Матвеевич Юшков) сообщали, что после обстрелов шведами во время Смуты крепость Гдова была повреждена, а в местах, где шведы проводили подкопы, стены обрушились. Временные деревянные укрепления на месте разрушений сгнили. Также воеводы сообщили о плачевном состоянии гдовской артиллерии, которая не имела соответствующей инфраструктуры для размещения и хранения: *«...да во Гдове же де наряду поставить негде, роскат сгнил и развалился ... станков и колес нет, а у иных с мочи огнили»*. Также боеприпасы и ядра хранились в колокольне за деревянной дверью, на чем заострил внимание воевода. Поскольку рядом с колокольней проживают гражданские лица, было необходимо хранить припасы за железной решеткой. Судя по всему, здесь имеет место указание на риск бунта и захвата боеприпасов или же просто на возможное воровство. Так как местные власти не могли своими силами исправить положение, в

²²⁹ Царская грамота в Кевролу и Мезень тамошнему воеводе о подтверждении, чтобы Самоеды МеньшичкоАпицин с товарищами и Семейко Вотьев владеть реками Индегою и Волонгою по-прежнему. 1631, сентября 7 // ААЭ. Т. 3. № 194. С. 280–281.

декабре 1631 г. им было велено составить смету всего необходимого и отправить ее Баиму Болтину в Новгородскую четь²³⁰.

Имеется также сведение о деле, которое было начато при Баиме Болтине в годы его службы в Новгородской чети, но нашедшее свое продолжение спустя 15 лет после его ухода оттуда. Правда, в приведенном документе имеется лишь указание на то, что челобитчикам ранее выдавалась грамота в 1628/29 г. за приписью дьяка Баима Болтина²³¹.

В грамоте, направленной в Яренск летом 1674 г., упоминается Баим Болтин как подписант грамоты от 1630 г., на которую дается ссылка в документе. Из текста следует, что государем был введен запрет на продажу земель и крестьян церквям и монастырям в Двинском крае. Это единственное известное нам посмертное упоминание Баима Болтина в качестве дьяка в такого рода документах²³².

Далее он перешел обратно в московские дворяне и принимал участие в Смоленской войне 1632–1634 гг. Что уже само по себе является необычным явлением.

После Смутного времени участились случаи перехода из дьяков в дворяне. Можно привести несколько таких примеров. Томило Иудич Луговской сначала служил дьяком при Василии Шуйском и Михаиле Романове. С 1610 по 1619 г. был в плену, в 1622 г. получил чин думного дьяка, в 1625 г. – московского дворянина, а в 1628 г. и вовсе стал думным дворянином. Попал в опалу, но после прощения вновь получил думное дворянство²³³. Борняков Григорий Иванович в 1617 г. числился жильцом, с апреля 1630 г. по 1632–1633 гг. – дьяком в Казани. В 1634–1635 гг. был

²³⁰ Царская грамота Псковским воеводам князю Мезецкому и Юшкову о посылке во Гдов дворянина с подьячим и подмастерьем для сделания сметы на исправление тамошнего города и огнестрельного снаряда. 1631, декабря 25 // ААЭ. Т. 3. № 196. С. 282–283.

²³¹ Царская грамота о том, чтобы впредь лучшие крестьяне от середних и молодых людей, без Царского указа, самовольно не отписывались. 1646, марта 31 // ААЭ. Т. 4. № 6. С. 6–8.

²³² Грамота Яренскому воеводе Василью Даудову относительно Сереговских ворниц на р. Выми. 1674 июня 27 // ДАИ. Т. 6. СПб. 1857. № 110. С. 349.

²³³ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 301–302.

пожалован во дворяне и позже служил воеводой²³⁴. Булгаков Дмитрий Кузьмич пожалован в дьяки Конюшенного приказа из конюхов в 1648 г., позже стал дворянином²³⁵. Владычкин Иван Тимофеевич перешел в дьяки из дворян и служил в Поместном приказе с 1646 по 1659 г. С 1675 г. – снова дворянин²³⁶. Витовтов Яков Тимофеевич пожалован в дворяне в 1651–1652 гг., но перешел в дьяки Иноземного приказа в 1654–1655 гг.²³⁷. Власьев Афанасий Иванович, будучи подьячим и дьяком в годы правления Федора Ивановича и Бориса Годунова, в правление Лжедмитрия I стал думным дьяком, а позже, в 1611 г., назначен Сигизмундом думным дворянином²³⁸. Однако такой рост был возможен и после Смуты: так Голосов Лукьян Тимофеевич, будучи подьячим поместного приказа в 1644–1645 гг., дорос сначала до дьяка, затем до думного дьяка и в итоге до думного дворянина в 1682 г.²³⁹ Таких примеров достаточно много, как поднявшихся из дьяков или подьячих в годы Смуты путем сотрудничества с самозванцами или польской короной, так и после: Иван Грамотин²⁴⁰, Алмазов Дмитрий Ерофеев²⁴¹, Дерябин Давид Корнилович²⁴², Дохтуров Семен Кирилович²⁴³, Заборовский Семен Иванович²⁴⁴, Зыков Афанасий Тихонович²⁴⁵ и так далее.

Список переходов из дьяков и подьячих в дворяне обширный, исчисляется десятками и ведется со времен Смуты. Ранее такая мобильность отсутствовала. Нам гораздо важнее привести примеры переходов из дворян в дьяки и обратно в дворяне – как и случилось с Баимом Болтиным. И таких примеров значительно меньше, ведь вышеуказанные случаи больше

²³⁴ Там же. С. 65–66.

²³⁵ Там же. С. 71.

²³⁶ Там же. С. 97–98.

²³⁷ Там же. С. 96.

²³⁸ Там же. С. 98.

²³⁹ Там же. С. 123.

²⁴⁰ Там же. С. 129–131.

²⁴¹ Там же. С. 19.

²⁴² Там же. С. 149–150.

²⁴³ Там же. С. 160.

²⁴⁴ Там же. С. 187.

²⁴⁵ Там же. С. 199–200.

подходят под определение либо служебного роста, либо поощрения за долгие годы службы. Но случаи понижения в статусе (чем бесспорно являлась служба в дьяках) и дальнейший возврат в дворянскую корпорацию более редки.

Из современников Баима Болтина стоит отметить Караулова Степана Осиповича, который в период с 1615 по 1620 г. был воеводой в Шацке, Епифани и Тетюшках. Московским дворянином стал 1 марта 1627 г. – на несколько лет позже Болтина. Почти сразу был переведен в дьяки Каменного приказа, затем отправлен дьяком в Астрахань. В число дворян вернулся в 1631 г., а в 1639 г. был отправлен воеводой в Кузьмодемьянск²⁴⁶.

Владычкин Иван Тимофеевич перешел в дьяки из дворян и служил в Поместном приказе с 1646 по 1659 г. С 1675 г. – снова дворянин²⁴⁷.

Линев Сарыч Никитич был в числе тех, кто служил обоим Лжедмитриям и Сигизмунду, и поднялся до думного дьяка. После окончания Смуты трудился дьяком, но в 1629 г. был назначен воеводой в Пермь²⁴⁸.

Лихачев Федор Федорович из подьячих дослужился до думного дьяка при Михаиле Романове. Затем подвергся опале в 1631–1632 гг. и был сослан. После возвращения в 1634 г. был в числе дворян, затем снова стал думным дьяком, но в 1644 г. пожалован в думные дворяне, коим и скончался в 1653 году²⁴⁹.

Выявлено было всего четыре случая перехода из дворян в дьяки и обратно в дворяне, помимо Баима Болтина (не считая его отца, который числился выборным дворянином в период между дьяческой службой в 1607 г. и службой головой у татар). Исходя из этого, можно действительно считать такой переход редким явлением. На такой шаг Болтин мог пойти, опираясь на опыт его отца, который служил дьяком Галицкой четверти²⁵⁰.

²⁴⁶ Там же. С. 226.

²⁴⁷ Там же. С. 97–98.

²⁴⁸ Там же. С. 293.

²⁴⁹ Там же. С. 296–297.

²⁵⁰ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 106.

В настоящем параграфе мы выявили обстоятельства начала служебного пути нашего героя. Это смутное время, которое послужило социальным лифтом для многих представителей малоизвестных родов. Мы проследили служебный путь Баима Болтина от 1613 г. до начала Смоленской войны 1632–1634 гг. За этот период он принял участие в боевых действиях в 1614 г. под Бронницами, имел два военно-административных назначения: стрелецким головой в Казани в период с 1614 по, предположительно, 1620 г., вторым воеводой на Тереке в период с 1620 по 1622 г. Неоднократно замечен с 1624 г. на придворных мероприятиях, а также в период с 1627 по 1632 г. служил четвертным дьяком, после чего перешел обратно в московские дворяне. Аналогичных случаев в период жизни Болтина мы нашли еще четыре. Все это заметно выделяет его служебный путь на фоне остальных и говорит о стремлении к служебному росту.

Также мы смогли аргументировать тот факт, что служба его в качестве выборного дворянина началась до 1613 г., несмотря на отсутствие прямых указаний на это в известных нам источниках. Основанием послужило присутствие его в списке выборных дворян, в который он не мог быть занесен, будучи до этого новиком.

В заключение настоящей главы отметим, что рост Болтина от городского дворянина до четвертного дьяка и московского дворянина был обусловлен совокупностью факторов: многообразие службы и ее непрерывность, преумножение земельных владений, незапятнанность в измене во время Смуты его отца Федора Болтина. Не последнюю роль сыграла и сама бюрократическая тенденция XVII в., в соответствии с которой незнатные роды смогли выдвинуть своих представителей вверх по служебной лестнице. Собственно, начало службы Баима Болтина – тому яркое подтверждение.

Глава 2. Баим Федорович Болтин как воевода, посол и ясельничий при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче

§ 1. Северский поход и участие в нем Баима Федоровича Болтина

Смоленская война 1632–1634 гг. – это попытка взять реванш за Смуту, вернуть земли, отданные Речи Посполитой в результате Деулинского перемирия, срок которого истекал в 1632 г. Хотя основной целью войны было взятие Смоленска – крупного города с мощной крепостью – были и второстепенные направления. Таковыми являлись планируемые фланговые наступления на Белую и Невель к северу и северо-западу от Смоленска и к югу на Рославль. Отдельно можно выделить поход в Северские земли, основной целью которого были такие города, как Новгород-Северский, Трубчевск, Стародуб и Чернигов. На момент начала войны на пограничных с Речью Посполитой Северских землях у Московского государства имелось несколько городов, из которых можно было начать наступление. Таковыми являлись Брянск, Севск, Рыльск и Путивль. Выбор московским правительством Севска, а не Путивля (расстояние от этих городов до Новгород-Северского одинаковое) в качестве базы для наступления, скорее всего, был продиктован выгодным его расположением: близкое нахождение к основному театру военных действий, возможность наступления на Стародуб и Трубчевск; город менее уязвим от набегов крымских татар или войск Речи Посполитой (Путивль находится южнее и с трех сторон был окружен польскими землями).

Подготовка к войне включала в себя ряд мероприятий: урегулирование служебных вопросов с военнообязанным населением и дьяками, решение вопросов режима использования крестьянского населения, проведение ремонта оборонительных сооружений. Обращаясь к «Актам Московского государства», мы можем найти ряд источников, свидетельствующих об этой деятельности.

Из донесения воеводы Севска Степана Стрешнева царю Михаилу Федоровичу от 16 декабря 1630 г. следует, что крестьяне примыкавшей к

Севску пограничной Комарицкой волости и двух «станов» отказываются строить избы и приносить припасы в город Севск, то есть участвовать в подготовке города к возможной осаде или набегам в случае войны. Также документ в части ответа на донесение информирует нас о том, что крестьянство этих территорий должно было оказывать военную помощь основным силам, поэтому они должны быть готовы к войне, а воеводе следовало проследить за этим²⁵¹. 28 января 1631 г. царь обязал даточных крестьян уже упомянутых территорий в количестве 340 человек жить в Брянске и Севске и иметь при себе рогатины и пищали²⁵². Роль таких крестьян заключалась в проведении инженерных работ как в мирное, так и в военное время (строительство укреплений, расчистка и прокладка дорог), в выполнении охранных функций (охрана обозов, укреплений). При необходимости они использовались в качестве простых воинов наряду с поместными и иными служилыми людьми по прибору. Помимо крестьян в особых случаях должны быть готовым к мобилизации городские жители, дьяки и подьячие²⁵³. Крестьяне этих территорий принимали участие в описываемых событиях.

Проводилась работа и с русскими людьми, которые желали перейти на службу к московскому государю. Так, 8 октября 1630 г. воевода Севска Степан Стрешнев просил царя принять на службу Богдана Смогилева и 50 человек его товарищей, которые пришли в 1626 г. из Новгород-Северского с семьями (ранее им были даны земли в уезде, но недостаточные для содержания). Они изъявили желание быть принятыми на службу, так как иным способом не могли себя содержать. В феврале 1631 г. царь приказал взять их на стрелецкую службу. Эта отписка интересна еще и тем, что

²⁵¹ Отписка Севскаго воеводы о непослушании крестьян Комарицкой волости, Чемлижского и Радогожскаго станов, ставить избы и клети в городе для осадного времени // АМГ. Т. 1. СПб., 1890. № 297. С. 323–324.

²⁵² Память из Розряда в приказ Большого двorca об указе государя, чтобы Комарицкой волости даточные из крестьян жили в Брянске и Севске без перемены, во весь год // АМГ. Т. 1. № 304. С. 327.

²⁵³ Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 261–265.

благодаря ей известна численность служилых людей в Севске. Так, по росписи 1630 г. там числилось 125 казаков, 200 стрельцов, 25 пушкарей, 25 затинщиков, 7 воротников, 2 плотника, 2 кузнеца. Всего же в Севске с окрестностями и в Комарицкой волости числилось 611 служилых и даточных людей, несших воинскую повинность²⁵⁴. Таким образом, прием Богдана Смогилева и его товарищей на службу увеличил численность служилых и даточных людей в Севске и Комарицкой волости до 661 человека. Вероятно, эти севские стрельцы принимали участие в грядущем походе под руководством Баима Болтина.

В стороне не остались и подьячие Севска, подавшие челобитную царю с просьбой повысить им жалование до уровня жалования подьячих южных окраинных городов, мотивируя свою просьбу тем, что Севск находится на границе и в связи с окончанием перемирия перестает быть относительно спокойным. Челобитная была одобрена 7 мая 1631 года²⁵⁵.

Между тем, со стороны Речи Посполитой готовились боевые действия. Сохранились разведывательные сведения о военных планах на 1632 год. Великолуцкий воевода Петр Репнин сообщил царю о сведениях, полученных от его лазутчиков, согласно которым Владислав имел следующие притязания: *«...он, королевич, хотел было завладеть московским государством, и на посольстве де ему (послу императора) просить Пскова с пригороды и Путивля с Севскою землею; и будет им тех городов поступятся, и у них де нато мир будет...»*²⁵⁶. Новый Севский воевода Михаил Еропкин получил важные сведения относительно подготовки поляков к войне от перебежчика Яна Заблоцкого (убежавшего из Речи Посполитой, когда скрывался от правосудия за убийство другого шляхтича).

²⁵⁴ Дело по отписке Севскаго воеводы об устройстве севских гулящих людей по их челобитью в беломестные казаки 1631, февраль // АМГ. Т. 1. № 283. С. 313–314.

²⁵⁵ Челобитье подьячих Севской съезжей избы о поверстании их денежным и хлебным жалованьем против других украинских городов 1631 // АМГ. Т. 1. № 310. С. 329–330.

²⁵⁶ Отписка Великолуцкаго воеводы об отсылке в Москву «распросных речей» лазутчиков Якова Буркова да Василья Строкина «о польских вестях» 1632, марта 2 // АМГ. Т. 1. № 326. С. 344–345.

«Литвин» сообщил, что Владислав посылал комиссаров в пограничные с Россией города для получения сведений о состоянии войск и крепостей и об отъезде панства на сейм. Но для нас более важной является сообщенная им численность Новгород-Северского гарнизона. Так, по сообщению Яна Заблоцкого, в городе находились 300 конных и пеших шляхтичей, 30 гайдуков и 500 «мужиков». Сообщил он и о проведенном капитаном Николаем Куницким ремонте оборонительных сооружений Новгород-Северского и о работах по сбору припасов для возможной осады города. Заблоцкий подтвердил полученную ранее Севским воеводой Степаном Стрешневым информацию о гонениях на православную церковь в Литве и о недовольстве православного населения и его желании перейти под власть русского царя²⁵⁷. Ранее эти сведения были получены от перешедших из Новгород-Северского монахов Спасского монастыря, сообщивших 4 сентября 1631 г. об аресте монастырской казны, разграблении и закрытии церквей, изъятии книг и пленении священников и монахов в Стародубе Северском и Новгород-Северском людьми Смоленского епископа и местной польской администрацией, а также о намерении переделать все церкви из православных в католические²⁵⁸. Данные настроения пытались использовать русские воеводы уже в 1632 г. до и во время боевых действий. В преддверии Северского похода воеводы Федор Плещеев и Баим Болтин, назначенные командовать войском в походе, пытались получить поддержку от православных жителей Новгород-Северского, Почепского, Трубчевского и Стародубского уездов. Севские казаки Фома Собакин и Митя Гуляев были направлены к старостам и урядникам тех уездов с соответствующими предложениями. Так, трубчевские посадские и уездные люди сообщили, что в городе с урядником Красковским находится всего 20 гайдуков, поэтому

²⁵⁷ Отписка Севскаго воеводы «о польских вестях», сообщенных ему выходцем из Литвы Яном Заблоцким, и распросе Заблоцкого в Розряде 1632, марта 15 // АМГ. Т. 1. № 332. С. 348–350.

²⁵⁸ Отписка Севскаго воеводы о выходцах из Новгородка-Северскаго Спасскаго монастыря черном попе Ионе и старце Аврамии 1631, сентябрь // АМГ. Т. 1. № 315. С. 333–334.

жители при первом удобном случае готовы связать урядника и передать русскому войску в обмен на запрет служилым людям грабить город и уезд²⁵⁹.

Все это говорит о том, что наступление на северские земли готовилось заранее и на него возлагались серьезные надежды, потому что жители были настроены благосклонно к московскому государю. Соответственно, назначению воевод на этом направлении также было уделено внимание и сложно представить, чтобы Баим Болтин был случайным кандидатом на этот пост.

Гарнизон Севска накануне Северского похода насчитывал 400 стрельцов и казаков, 400 даточных казаков Комарицкой волости, 60 пушкарей, 300 захребетников «неписьменных людей» (вольных наемных людей, подобных литовским волонтерам, принимавших участие в русско-польских войнах XVII века), а также Комарицкой волости крестьян с пищалями – «...тысеч с пять боевых людей, опрочь тех крестьян, которые будут в осаде с ыным боем»²⁶⁰. Как мы видим, в сравнении с 1630 г. численность стрельцов и казаков увеличилась с 375 до 800 человек.

Федор Плещеев и Баим Болтин были назначены воеводами для похода на Новгород-Северский. 15 августа 1632 г. они отправились из Москвы через Калугу и Карачев в Севск. К тому времени имя Баима Болтина уже фигурировало в списке московских дворян²⁶¹.

На тот момент у воевод еще не было наказов (инструкций) для проведения смотра войск. В Севск они прибыли 10 сентября 1632 г., куда уже съехались дворяне и дети боярские из Болхова и Карачева. Там им следовало дожидаться подхода остальных сил из Рыльска и Путивля. В Севск прибыли

²⁵⁹ Ракитин А.С. Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи посполитой в период Смоленской войны (1632–1634 гг.). М., 2021. С. 54–55

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 72, 73.

²⁶¹ Горбатов Е.Н. «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. М., 2015. С. 507.

также родственники Баима – нижегородец Семен Болтин и ростовец Иван Болтин²⁶².

Федору Плещееву и Баиму Болтину пришлось решать ряд проблем, возникших ввиду пребывания войска в Севске. Севский воевода Михаил Еропкин получил государев указ освободить Пушкарскую слободу для прибывших служилых людей. Однако мест оказалось недостаточно, и дети боярские начали занимать и другие слободы, вытесняя местных жителей, что обострило отношения между воеводами. Михаил Еропкин не собирался пускать прибывших служилых людей в острог, где хранились городские продовольственные запасы. Компромисс был найден в виде постройки нового острога для людей Плещеева и Болтина. Постройка острога была обусловлена и тем соображением, что на случай осады Севска поселенные в слободах служилые люди будут уязвимы, а размещение в основном остроге невозможно ввиду того, что там хватит места лишь для севского гарнизона и комарицких крестьян²⁶³.

Новый острог должен был строиться силами севского гарнизона и комарицких крестьян. Для строительства требовалось 5690 бревен. Он должен был включать в себя 3 башни, строительство планировалось завершить до холодов²⁶⁴.

Однако Михаил Еропкин не спешил с постройкой острога и не выделил для этого людей. Мотивировал он это тем, что не мог без соответствующего указа из приказа Большого дворца привлекать комарицких крестьян к работам, поскольку данная волость находилась в ведении именно этого приказа, а не Разряда. Кроме того, в Севске было недостаточно служилых

²⁶² *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 45; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 89. Л. 100–103.

²⁶³ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 46–47; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 21.

²⁶⁴ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 47–48; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 69, 333, 528.

людей, многие находились в дозорах на границе. Привлечение их для работ ввиду грядущей войны ослабило бы обороноспособность региона²⁶⁵.

Положение войска Плещеева и Болтина осложнялось и другими факторами. По их мнению, Михаил Еропкин запретил продавать детям боярским хлеб и овес. Проблема со снабжением служилых людей породила с их стороны необходимость обеспечивать себя провизией и фуражом за счет грабежа крестьян Комарицкой волости²⁶⁶. Имелась проблема и с боеприпасами²⁶⁷.

Михаил Еропкин не сообщал походным воеводам доступную ему разведывательную информацию, поступающую от комарицких крестьян, которые в свою очередь часто пересекали границу для торговли и имели родственников с литовской стороны. Имелось опасение, что крестьяне могли навести литовских людей во время похода на войско Плещеева и Болтина специально или нечаянно²⁶⁸.

Все это привело к прямому конфликту с Севским воеводой. После обедни на паперти соборной церкви 7 октября состоялась словесная перепалка, в которой Плещеев и Болтин высказали вышеуказанные претензии и обвиняли его в том, что тот действует во вред государеву делу. В свою очередь Михаил Еропкин обвинил их в дозволении грабежа служилыми людьми Комарицкой волости²⁶⁹.

Воеводам также приходилось решать проблемы, связанные с отъездом подчиненных им служилых людей за рубеж. Как выяснилось, эти эксцессы были вызваны нежеланием перейти на сторону противника, а необходимостью улучшить свое материальное положение за счет крестьян

²⁶⁵ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 48; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 123.

²⁶⁶ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 50; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 125.

²⁶⁷ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 48–49; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 72.

²⁶⁸ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 48; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 70.

²⁶⁹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 49; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 138, 139.

Новгород-Северского уезда. Одного из детей боярских – Ивана Псыщева – воеводы сначала даже посадили в тюрьму по подозрению в измене, но, когда выяснилось, что тот отправился за рубеж для грабежа, освободили. Так, отдельными служилыми людьми были разорены деревни Порохонь и Страчево. По возвращении в Севск посланных для их поимки отрядов, была составлена опись награбленного, но судьба имущества неизвестна. Аналогичные вылазки происходили из Брянска в Почепский, Стародубский, Рославльский и Серпейские уезды²⁷⁰.

Воеводы Плещеев и Болтин пытались улучшить боеготовность своего войска. Во-первых, они просили Разрядный приказ привлечь вооруженных комарицких крестьян (крестьяне, проживающие на границах, часто имели оружие), число которых могло достигнуть 5000 человек. Во-вторых, воеводы предложили призвать на службу вольных охочих людей из северских городов²⁷¹. Также 14 октября Плещеев и Болтин провели смотр детей боярских Карачева и Болхова. Списки, составленные по итогам смотра, были направлены в Москву. Всего было записано 151 из Болхова и 86 из Карачева, из которых 7 человек выбыло из строя по разным причинам. В списки были внесены боевые послуживцы детей боярских, которых было 54 из Болхова и 38 из Карачева²⁷².

Следуя государеву указу, Плещеев и Болтин рассылали в Рыльск, Путивль и Комарицкую волость глашатаев, которые созывали охочих людей присоединиться к войску для похода. Планировалось призвать не более 500 человек, для которых уже к концу ноября было определено жалование по 4 рубля на человека. Охочих людей следовало распределить по сотням, а в командование им определить дворян и детей боярских.²⁷³ Было велено не

²⁷⁰ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 52–56.

²⁷¹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 49; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 73.

²⁷² *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 50–52; Смотренные списки, составленные воеводами Ф.К. Плещеевым и Б.Ф. Болтиным: болховичи (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 38–53), карачевцы (Там же. Л. 54–63).

²⁷³ Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 425–428.

брать на службу беглых служилых людей из-под Смоленска из войска Михаила Борисовича Шеина, а также донских и яицких казаков, которых необходимо было отправлять обратно под Смоленск²⁷⁴.

Нужное количество охочих людей привлечь на службу не удалось, о чем воеводы сообщили в Москву²⁷⁵. Вследствие этого 11 ноября Плещеев и Болтин попросили Михаила Еропкина организовать в Севске призыв на службу охочих людей и комарицких крестьян, отправив на городскую площадь в торговый день глашатая. Однако севский воевода не пошел навстречу, а также запретил отправлять его людей в Комарицкую волость для призыва желающих: «...ты де в Комарицкую волость охочих людей збиратца не посылай, да таво тебе дело нет», – ответил Михаил Еропкин Баиму Болтину в ответ на его просьбу заняться призывом своими силами. Сбор охочих людей по мнению Болтина, был крайне важен, поскольку в противном случае будет недостаточно сил для наступления на Новгород-Северский²⁷⁶.

В конце октября 1632 г. воеводы Путивля, Рыльска и Брянска получили грамоты о высылке служилых людей (путивльцев, черниговцев, почепцев, рославльцев, стародубцев, донских и беломестных казаков) на службу в Севск. Людей следовало выбирать через одного и отправлять в полки к Плещееву и Болтину²⁷⁷.

Какова численность войска, которое должно было действовать на северском направлении? До нас дошли списки служилых людей, которые должны быть закреплены за каждым из воевод. Информация в Разрядных книгах близка к архивным данным, но всё же имеются отличия.

²⁷⁴ Там же. Стб. 471.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 58; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 337–338.

²⁷⁷ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 54; Грамоты о высылке ратных людей: РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 96 (воеводам Путивля кн. А. Мосальскому и И. Уварову в Путивль.), 100–103 (воеводе Рыльска кн. В. Ромодановскому Меньшому), 221–224 (воеводам Брянска кн. В. Ромодановскому Большому и Н. Оладыну).

Стоит отметить, что документ, на который мы сошлемся, содержит роспись людей уже после замены умершего в ноябре 1632 г. (до начала запланированного похода) Федора Плещеева Иваном Еропкиным. Под началом первого воеводы Ивана Еропкина было брянчан дворян и детей боярских – 64; карачевцев – 92; болховичей – 154; стародубцев – 19; почепцев – 25; рылян – 171; путивльцев – 143; московских, путивльских и черниговских стрельцов и казаков – 400; севских стрельцов – 100; всего – 1168 человек (из которых служилых людей по отечеству – 668). Под началом второго воеводы Баима Болтина было детей боярских Новгород-Северского – 88; рославцев – 40; черниговцев – 131; новгород-северских, рыльских и путивльских казаков и атаманов верстанных и беломестных – 109; всего – 368 человек. Общая численность походного войска составила 1556 человек²⁷⁸. Служилые люди отбирались по принципу через одного: половина имеющихся служилых людей оставалась на службе в городе, вторая половина отправлялась на сбор к воеводам. В разрядных книгах применяется формулировка «половина»²⁷⁹. Стоит отметить ошибку в Разрядных книгах, где общая численность служилых людей под началом Баима Болтина указана – 388 человек²⁸⁰, что вероятно, является опечаткой, поскольку простым арифметическим подсчетом мы получаем число – 368. Либо, не было указано 20 человек начальствующего состава.

Имеются сведения, отличные от приведенных выше. Так, под началом Федора Плещеева / Ивана Еропкина были следующие люди: брянчан – 72; карачевцев – 92; болховичей – 154; стародубцев – 17; почепцев – 21; рылян – 142; черниговцев – 123; путивльцев – 142. Дети боярские Новгород-Северского в количестве 72 и Рославля в количестве 42 изначально были в этом списке, но затем вычеркнуты. Итого служилых людей по отечеству было 763 человека. Под началом Баима Болтина были следующие люди: черниговских – 123; рославльских – 42; казаки и атаманы Новгород-

²⁷⁸ Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 390–391.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

Северского, Рыльска и Путивля – 157; стародубцев – 18. Дети боярские Новгород-Северского в количестве 42 также изначально были в списке, но затем вычеркнуты. Всего под началом Болтина было 340 человек. Общая численность походного войска составила 1052 человека²⁸¹.

Как мы видим, численность детей боярских по двум спискам незначительно отличается. Колличество болховичей и карачевцев и вовсе совпадает и лишь немногим отличается от списка, отправленного Плещеевым и Болтиным в Москву по итогам смотра. Существенное же отличие заключается в том, что во втором из указанных выше списков не названо 500 казаков и стрельцов. Оба этих списка не перечисляют боевых послужильцев детей боярских. К тому же, известно минимум о 200 охочих людях, которых удалось призвать на службу и участвовавших в захвате Стародуба Иваном Еропкиным²⁸². Так что фактически полки Плещеева и Болтина имели несколько большую численность личного состава. Однако нехватка людей особенно остро ощущалась в самом начале похода.

Значительную часть сил Плещеева и Болтина составляли представители дворянских корпораций, центры которых по Деулинскому перемирию были переданы Речи Посполитой. По всей видимости, их назначение в полк, действующий «на Севере», было связано с тем, что у них имелись мощные стимулы сражаться за свои города²⁸³.

После смерти Федора Плещеева 24 ноября 1632 г. первым воеводой был назначен Иван Еропкин. Назначение состоялось 27 ноября, после чего тот в срочном порядке отправился в Севск для принятия командования. Баим Болтин был недоволен таким назначением, вероятно, потому что желал самостоятельно возглавить походное войско. 25 ноября он уже находился в

²⁸¹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 45–46; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 3–4; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 7–11.

²⁸² *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 58; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 18, 51, 79, 81.

²⁸³ *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* «Прямые» и кривые» Смутного времени в России. М., 2022. С. 259.

15 верстах от Новгород-Северского и сделал остановку в селе Орля Комарицкой волости.

Польский гарнизон Новгород-Северского накануне Северского похода осенью 1632 г. насчитывал около 600 человек. Он состоял из представителей различных служилых корпораций. Так, шляхты было всего 50 человек, около 100 человек их боевых послужильцев (пахолки шляхетские), 40 гайдуков, до 200 человек казаков и черкасов, около 100 человек литовских мобилизованных мещан и около 50 человек мобилизованных русских посадских людей²⁸⁴. В городе также имелась артиллерия, представленная 12-ю медными литыми пушками, 10-ю затинными пищалями, полуторной медной пищалью, 7-ю медными фальконетами. Имелось 12 бочек пороха и селитры²⁸⁵.

Войско Баима Болтина 27 ноября находилось все там же, в селе Орля, в 15 верстах от Новгород-Северского. Перед нападением на город следовало выяснить, пришло ли пополнение к гарнизону. Для этих целей по пути следования в уезде брали в плен местных казаков и крестьян, после чего вели на допрос к Болтину²⁸⁶.

По некоторым сведениям, многие крестьяне выражали открытое неповиновение коменданту Новгорода Северского – капитану Яну Кунинскому. Они отказывались отправляться в осаду в город, вместо чего некоторые из них съехались в село Рыботино, где был сооружен острог²⁸⁷.

Поступала информация о подготовке города к обороне. На границе был схвачен крестьянин села Ивот, от которого были получены сведения о наличии в городе около 100 человек шляхты, такого же количества боевых послужильцев, 60 черкас, посадских людей около 100 человек. Кунинский

²⁸⁴ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 31; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 165.

²⁸⁵ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 31; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 246.

²⁸⁶ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 63; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 509.

²⁸⁷ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 63; РГАДА Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 37.

согнал уездных крестьян для осады и подготовил запасы к осаде. Также он проводил работы по укреплению крепости. Были отремонтированы башни, укреплены «худые» места. У городских стен был поставлен чеснок²⁸⁸ в три ряда. Крестьянин так же сообщил, что в городе имеется 7 пушек. Также Кунинский отправил в черкасские города за помощью к казацким полковникам. По оценке пленного крестьянина, в городе могло собраться около 15 тысяч черкас²⁸⁹. Разумеется, такая концентрация войск была маловероятной.

Судя по всему, Баим Болтин вел к стенам Новгород-Северского не только своих людей. Из села Орля вышел передовой отряд во главе с Семеном Болтиным. Отряд насчитывал 510 человек. Под руководством Семена Болтина непосредственно было 300 болховских, карачевских и путивльских детей боярских. В том же отряде была сотня Новгород-Северских детей боярских под командованием Ивана Стремоухова, 60 рыльских детей боярских под началом Федора Байкочкарова, 50 брянских детей боярских под началом Федора Бородавицына. Остальное войско следовало за ними. В воскресенье днем отряд Семена Болтина достиг города²⁹⁰.

Оборона Новгород-Северского выстроилась в трех основных пунктах: сама крепость, ров за городом и костел (тоже расположенный вне крепости). Русских посадских людей не пустили в город, так как боялись измены с их стороны. Им было велено занять оборону во рву и костеле.²⁹¹ В качестве подкрепления Кунинский выделил сотню запорожских черкас с двумя

²⁸⁸ Военное заграждение, представляющее собой несколько разнонаправленных соединенных между собой заостренных металлических штырей длиной около 5 см. Применялось как против кавалерии, так и против пехоты. Рассыпалось вдоль предполагаемой линии наступления противника.

²⁸⁹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 63; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 340–341.

²⁹⁰ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 64; РГАДА Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 79, 80.

²⁹¹ Там же.

затинными пищалями, а их жен и детей взяли в заложники в городе и в костеле²⁹².

Ян Кунинский направил отряд, состоящий из 200 всадников, для контрудара. Ертаул под командованием Семена Болтина столкнулся с литовской конницей в двух верстах от города на берегу Десны за Спасским монастырем. В результате боя литовский отряд был отеснен, а русская конница гнала противника до городского моста. Из города вышло подкрепление, и бой продолжился уже в посаде, в результате чего сам посад и торговые дворы сгорели. Баим Болтин подошел с основными силами и встал на Севской дороге у посадов²⁹³. К нему на допрос были приведены 25 плененных литовских воинов, схваченных во время боя²⁹⁴.

В костеле все еще сидели русские люди и черкасы. 30 ноября к ним были направлены парламентареры. Было выдвинуто предложение осажденным сдаться. В ответ русским ратным людям было сказано, что они были бы рады перейти на сторону Москвы, но находились под охраной черкас²⁹⁵. Баим Болтин принял решение штурмовать костел. В результате костел и ров были взяты, а в плен попало 152 человека с женами и детьми (именно русских людей), а литовских людей много было убито и взято в плен²⁹⁶.

Во время осады Баим Болтин предпринимал различные мероприятия по взятию города без штурма. Так, им была изучена система водоснабжения крепости²⁹⁷. Он ограничил сообщение города с внешним миром, поставив

²⁹² *Ракитин А.С.* Указ соч. С. 64.

²⁹³ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. М., 1869. С. 369.

²⁹⁴ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 64; Дело по челобитью белевца Никиты Зыбина о пожаловании его за службу и за сейнч о бое под Мстиславлем с литовскими людьми. 1633, января 26 // АМГ. Т. 1. № 482. С. 443; Дело по челобитью Новгородка-Северскаго Любима Люшина о пожаловании за службу и за сейнч о поражении литовских людей при селе Мезине Новгород-Северскаго уезда. 1633, февраля 17 // АМГ. Т. 1. № 497. С. 461.

²⁹⁵ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 64.

²⁹⁶ Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1. № 512. С. 484–487.

²⁹⁷ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 65; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 528.

остроги у городских стен. Однако в городе было достаточно припасов, вследствие чего осада могла затянуться надолго.²⁹⁸

Жители города сообщили Болтину, что к Кунинскому через 4 недели должно было подойти подкрепление. Кунинский на самом деле отправил гонцов с просьбой о помощи. Подкрепление ожидалось из города Нежин, в котором находились капитан Щасны Вишель и Адам Вишневецкий, имеющие около 1000 служилых людей. Однако они пообещали Кунинскому прислать отряд в 6000 человек²⁹⁹ (вероятно, они сами ожидали подхода ратных людей в подкрепление к своим). В свою очередь князь Иеремия Вишневецкий отказался послать помощь, сославшись на отсутствие королевского приказа³⁰⁰.

Баим Болтин 2 декабря посылал на переговоры к стенам крепости детей боярских Ивана Волжина и Любима Люшина. Русская сторона требовала сдать город со всей артиллерией и пушечным припасом, гарнизону же предлагалось уйти. На следующий день во время вылазки литовских людей произошло столкновение с отрядом Волжина и Люшина³⁰¹.

К Баиму Болтину 4 декабря подошло подкрепление из Путивля. Один отряд насчитывал 250 детей боярских, стрельцов и казаков под командованием головы Григория Толченинова. Второй – числом 70 охочих людей – привёл в Новгород-Северский охочий казак Дмитрий Горбунов³⁰². Несмотря на это, воеводы Баим Болтин и Иван Еропкин продолжали запрашивать подкрепление, направляя гонцов в Рыльск, Путивль, Севск. Рыльский воевода князь Василий Ромодановский отказал в помощи, написав в ответной грамоте, что послать ему некого, так как местные дворяне и дети

²⁹⁸ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 65.

²⁹⁹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 65-66; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 631–633.

³⁰⁰ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 65-66; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 164, 131–132; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 527–528.

³⁰¹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 66; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 525.

³⁰² *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 66; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 95–96.

боярские сами стоят на страже по воротам и башням. Севский воевода Михаил Еропкин также отказал прислать подкрепление, объясняя это тем, что все даточные и полковые казаки под командованием головы Григория Бакшеева собраны и готовятся к возможному появлению литовских отрядов в Комарицкой волости. Путивльские воеводы Андрей Масальский и Игнат Уваров отправили 100 черниговских стрельцов, 50 детей боярских путивльских и 100 жилых казаков. Об этом они составили грамоту и отправили её со станичником Михаилом Таратухиным. 5 декабря он доставил грамоту к Новгород-Северскому³⁰³.

Баим Болтин осознал сложность взятия Новгород-Северского, поэтому запросил из Москвы дополнительно проломное орудие и мортиры (верховой наряд), необходимые для взятия крепости. Описывая крепость, он писал: «...*стоит на осыпи на высокой... и воды у них не отнять... тайник сделан в том месте, где река не мёрзнет*». Кроме того, ситуацию осложняли частые обстрелы русских лагерей новгород-северской артиллерией³⁰⁴. Но только 18 декабря из Москвы были направлены в сопровождении четырёх пушкарей две верховые пушки в комплекте с железными и каменными ядрами (по 20 штук каждого), волокно из конопли на пыжи и на «*стрельчии мехи*» (мешки с отмеренным запасом пороха)³⁰⁵.

После того, как 6 декабря урядник Ян Кунинский объявил, что не сдаст город без королевского указа, воеводами было решено направить переговорщиков к русским жителям Новгород-Северского. Парламентёрами были крестьяне того же уезда, поэтому многие из них знали кого-то из русских горожан. Им поручено было напомнить про православную веру и предложить бить челом государю. Однако переговоры не состоялись, так как русских людей из города не выпустили. Кроме того, многие из них целовали

³⁰³ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 66.

³⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 527–528; Ракитин А.С. Указ. соч. С. 67.

³⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 522–524; Ракитин А.С. Указ. соч. С. 67.

крест капитану Кунинскому на битву с царскими ратными людьми, многие *«воруют с литвою и прямят литве»*³⁰⁶.

Из Малоярославца в русский лагерь прибыли 5 боярских детей (Богдан Булгаков с товарищами), они были направлены под командование Ивана Еропкина.

Количество осаждённых в городе оценивалось Баимом Болтиным примерно в тысячу человек. Он писал, что происходят *«...вылазки и из наряду стрельба частая и ...бои частые с литвою и с русскими изменники»*. Так, утром 15 декабря была предпринята очередная вылазка из осаждённого города. По берегу Десны, скрываясь *«подле буераков»*, литовцы и русские *«изменники»* подошли вплотную к русскому острогу, но были разгромлены отрядом новгород-северца Ивана Волжина с головой болховчанином Игнатием Кривцовым, боярскими детьми, атаманами, казаками и дворянами. Были взяты в плен 30 человек³⁰⁷. На допросе у Баима Болтина они рассказали, что капитан Кунинский ждет помощь из Чернигова и Нежина к Рождеству³⁰⁸. Иван Волжин был отправлен с сеунчем к государю и за эту службу ему было дано 10 рублей и английское сукно³⁰⁹.

20 декабря состоялся военный совет, на котором Баим Болтин с дворянами, с детьми боярскими, *«...со всеми ратными людьми»* решили крепость поджечь и брать город приступом. Наступление началось 21 декабря *«в ночи на память Петра чудотворца Московского»*. Около семи часов вечера в бой были брошены все силы, имеющиеся у Болтина, *«приступом со все стороны»*. Примерно через час была подожжена Иерусалимская башня, с неё огонь перекинулся на другие строения, *«...и от башни загорелся город и половина города догорела до пороховые казны»*.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 526; *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 68.

³⁰⁷ Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1. № 512. С. 484–487.

³⁰⁸ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 66; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 135–137.

³⁰⁹ Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1. № 512. С. 484–487.

Урядник Кунинский, его приближенные черкасы и поляки, спасаясь от пожара, взбежали на Троицкую башню. Видя новую атаку русских, они приняли решение покинуть город через Водяные ворота и бежать по Стародубской дороге. Но их побег не удался, многие из людей капитана были убиты, а сам он и часть его приближенных были взяты в плен. Часть знатных поляков, среди которых были городской приказчик Мартин Артишевский, новгород-северский черниговский чашник Томаш Липчинский, писарь Ян Струпчевский, а также два ксендза Себастьян Осмольский и Станислав Гранка побежали к Никольским воротам и, взбежав на башню, «...стали вопить, чтоб им здатца и побитым не быть». На переговоры с поляками Баим Болтин направил трех дворян, которые призвали их сложить оружие, затем к Никольским воротам пришел и сам Болтин.

В это же время продолжались попытки побега из города. Так, 40 гайдуков и 50 шляхтичей бросились к городским воротам, но были окружены ратными людьми и сдались в плен. Через другие ворота со стороны Десны московские ратники вошли в город, им сдались 400 человек поляков, гайдуков, черкас, крестьян и пахолков. Две тысячи русских посадских людей и уездных крестьян были выведены из Новгорода-Северского³¹⁰. Город весь сгорел, «...отнять было нельзя, что ...ветер был большой, а город был старой и сухой, и наряд на городе и в погребе зелье згорело»³¹¹. О взятии города к государю был отправлен ранее упомянутый Иван Васильевич Стремоухов, который прибыл в Москву с сеунчем 30 декабря³¹².

³¹⁰ Дело по челобитью Ивана Варьева с товарищами о пожаловании их за сеунчь о взятии города Стародуба № 500 // АМГ. Т. 1. С. 466.

³¹¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 370.

³¹² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 310. В Списке Ж указано, что с сеунчем был отправлен Иван Андреевич Вареев, однако это противоречит в том числе словам самого Баима Болтина, указавшего что именно Иван Стремоухов был сеунчишкой, за что получил солидное жалование от государя – см.: Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1. № 512. С. 484–487; В Изборнике славянских и русских сочинений и статей указан так же Иван Васильевич Стремоухов.

Баим Болтин оставил описание острога Новгорода-Северского после взятия. Он нашел его в ветхом состоянии, использованные при постройке бревна были пригодны для домов, но не для крепости. Не были установлены на стенах катки – бревна для сбрасывания на противника во время штурма. На тыновых стенах не было настилов. Вместо башни с воротами стояла изба, а вместо трех глухих башен стояли хозяйственные постройки³¹³.

На другой день после взятия, 22 декабря, Баим Болтин провел допрос знатных поляков и двух ксендзов. Шляхтич Александр Липский и городничий Ян Артишевский с женами и детьми решили перейти на службу московского царя. Пахолков русские ратники разобрали себе в качестве дворовых людей. Остальных знатных шляхтичей, в том числе писаря Яна Струпчевского, в Литву пока не отпускали, их отправили в Рыльск. Там воевода князь Василий Ромодановский подготовил им место для содержания и пропитание: «...корм им чем сыт быть...давать»³¹⁴. Судьба ксендзов Себастиана Осмольского и Станислава Гранки была решена по-другому: их решено было допросить в Москве, а затем сослать в Казань и Свияжск³¹⁵.

В такой обстановке возникали интересные, с нашей точки зрения, ситуации. Жена шляхтича Умаровича была ограблена и захвачена в плен путивльским сыном боярским Михаилом Юдиным. Когда Умаровичу велено было отправляться в Рыльск, он сказал, что не может туда ехать без жены. К Михаилу Юдину в лагерь были посланы стрельцы, но сын боярский отказался отдавать шляхтянку мужу, так как он из полка Ивана Еропкина и Баиму Болтину не подчиняется: «...тое де панну не отдам, послал де её в Путивль»³¹⁶.

³¹³ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 30.

³¹⁴ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 69; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 243.

³¹⁵ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 69; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 171, 172.

³¹⁶ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 70; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 244–245.

От капитана Яна Кунинского Болтин узнал об ожидаемой урядником подмоге в виде крупного воинского отряда литовцев и черкас. Шесть тысяч ратников для битвы с русскими обещал прислать Щасны Вишель с помощью князя Вишневецкого и черкас.

В тот же день началась отправка шляхты и ратных людей вместе с городским урядником в Москву. Самого капитана Яна Кунинского с 32 шляхтичами, 78 черкасами и гайдуками отправили с карачевцем Богданом Сафоновым. Еще 42 шляхтича и 253 человека пахолков, черкас, казаков и гайдуков были отправлены с болховичами Михаилом Таратухиным и Федором Сивцовым (согласно Хронографу, 205 человек)³¹⁷.

В самом Новгороде-Северском в то же время начались разбирательства. Так, из тюрьмы освободили шляхтича Станислава Толкачевского, которого заточили туда по приказу урядника Кунинского за намерение перейти на сторону русских³¹⁸.

Крестьяне и посадские люди, бывшие в осажденном городе вместе с поляками и литовцами, пришли с повинной к Баиму Болтину. «С великим плачем» они принесли челобитную, в которой объясняли, что «сидели с литвою поневоле, забиты в город с женами и детьми» и просили их помиловать, умоляли воеводу ходатайствовать перед московским царем. С другой стороны, крестьяне пожаловались, что русские ратники захватили в плен их семьи (жен, детей и других родственников). Болтин отправил в лагерь своих стрельцов с указанием «чтоб русских людей в полон имать не велено и из станов отпущали». Но дворяне и дети боярские не захотели подчиняться указу воеводы, на него «шумели большим шумом и невежеством» и гонялись с саблями за его стрельцами. Баим Болтин решил лично прибыть в стан ратников, где долго их уговаривал и увещевал. В результате ему удалось добиться того, чтобы многих пленников освободили:

³¹⁷ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 70; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 247; Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 370.

³¹⁸ Ракитин А.С. Указ. соч. С.70; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 251.

«...имал и освобождал и многих позору и лаш себе принял». Однако большую часть пленных литовских и русских людей дворяне и дети боярские уже успели отправить в свои поместья и земли³¹⁹.

В Новгород-Северский пришли 124 человека крестьян и бортников из местных сел Мезино и Рыботино. Ранее они не пожелали подчиниться уряднику Кунинскому и не последовали в крепость на помощь осажденным, а построили в своих селах острожки. Теперь они явились присягнуть на верность московскому царю³²⁰.

Как отмечается в Хронографе, 21 декабря из Нежина вышел многочисленный отряд под командованием полковника Александра Песочинского. Он направился на помощь полякам в осажденный Новгород-Северский. В пути ему пришла весть о том, что город взят русскими войсками. Поэтому Песочинский развернул отряд назад в Нежин, но попытался захватить в плен языков, для чего отправил 300 черкас под Спасский монастырь. Эта попытка была успешно отбита русскими³²¹.

22 декабря, уже после взятия города, в Новгород-Северский прибыл брат севского воеводы Михаила Еропкина Иван Еропкин, ему надлежало стать воеводой города, а Баим Болтин теперь должен был стать воеводским товарищем. Он в тот же день передал Ивану Еропкину список вверенных ему людей, а 23 декабря явился на съезжий двор к новому воеводе. С этого времени в городе начали разгораться местнические споры. Отношения Баима Болтина и Ивана Еропкина не заладились с самого начала. Новый воевода оценил обстановку и состояние дел в городе как неподобающие, а должность, которую занимал Болтин слишком высокой для него. Еропкин унижал прежнего воеводу «...всякими позорными словами и называл ... дьячком и сынчишком боярским и сотником и бартем», а также заявил: «мне позорно, что ты со мною в товарищах». Причиной такого неприятия, наверняка,

³¹⁹ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 71; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 249–250.

³²⁰ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 71.

³²¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 370.

стала совокупность факторов. Во-первых, Баим Болтин действительно был дьяком до этих событий. Может быть, сыграло роль и то, что Новгород-Северский был взят без участия Ивана Еропкина за день до его прибытия и что первым воеводой города оказался не он. Также состоявшийся ранее конфликт с Михаилом Еропкиным – родным братом Ивана – мог сыграть свою роль. В письме в Разрядный приказ Баим Болтин сообщал, что Еропкин велел своим людям не подчиняться его приказам, что дворяне и дети боярские из полка нового воеводы «...беспрестанно бещестят и хвалитца... (Баима) убить». Иван Еропкин не обсуждал с Болтиным государева дела, а принимал решения вместе с севским подьячим Григорием Ферапонтовым, «...печать прикладывает один»³²². Данный конфликт явно свидетельствует о неоднородности дворянского сословия, внутри которого постоянно возникали споры и конкуренция.

28 декабря Баим Болтин со своими ратниками разбил лагерь и начал возводить острог на новгород-северском городище. В ожидании подхода большого количества шляхтичей и черкас под командованием Щасны Вишеля из соседних литовских поселений необходимо было укреплять оборону города. Но Иван Еропкин со своими ратными людьми не стал разбивать здесь лагерь, он собирался выступить в сторону Стародуба. Болтин послал челобитную в Разрядный приказ, в которой отмечал, что у него в подчинении немного ратных людей, да и те «обычные и ружье у них середнее, а лутчих людей воеводы у себя в городех оставили», а на городище в то же время могло бы разместиться войско в тысячу человек. К тому же, они были плохо обеспечены вооружением: артиллерийский наряд состоял из пушки полуторной, пяти фальконетов, пяти затинных пицалей, 40 пудов пороха и 40 пудов свинца, которые ранее были доставлены из Севска³²³.

³²² Ракитин А.С. Указ. соч. С. 72; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола Д. 95. Л. 596–600.

³²³ Ракитин А.С. Указ. соч. С. 72; РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола Д. 95. Л. 631–633.

В конце декабря полки Болтина и Еропкина немного пополнились: из Путивля прибыло 50 человек боярских детей. Путивльские воеводы выдали каждому из них по фунту пороха и по два фунта свинца. Также для перевозки оружия и разной рухляди приказано было дать им лошадей, которых ранее путивльские ратники доставили с литовских пасек и «государевых земель» (в стороне Ромен, Батурина). Для пополнения артиллерийского наряда отправили полуторную пищаль с ядром в шесть гривен и десятью зарядами и три пищали с ядром по гривенке с сотней зарядов к каждой.

Иван Еропкин забрал основные силы с собой к Стародубу, к которому он прибыл 8 января³²⁴. Баим Болтин остался в Новгороде-Северском с небольшими силами, состоящими из 280 рыльских, севских и путивльских стрельцов, а также 100 казаков, чью боеспособность низко оценивал сам Болтин и просил подкрепления из Москвы. Постепенно в город подходили отряды дворян и детей боярских общей численностью до 500 человек³²⁵. С этими силами 17 января «за 3 часа до света»³²⁶ ему пришлось противостоять нападению на Спасский монастырь, который находился у города. О возможности подхода литовских сил Баим Болтин узнал в ходе допроса пленных, которые предупредили о подходе 2 рот жолнеров из Борзна и 4 рот из Нежина под командованием Александра Песочинского³²⁷. Также предполагался подход около 1000 ратных людей под началом литвина Аверкия и черниговского «изменника» Бориса Грязнова (изменниками считали русских служилых людей, оставшихся после 1618 г. под властью Речи Посполитой, а после начала войны участвовавших в боевых действиях против Московского государя). В ходе нападения на монастырь были убиты присланный из Севска архимандрит и местные крестьяне, в плен увели белого попа и службу. Баим Болтин отправил в погоню отряд, состоящий из

³²⁴ *Ракитин А.С.* Указ соч. С. 81.

³²⁵ *Ракитин А.С.* Указ соч. С. 95–96.

³²⁶ Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» № 512. // АМГ. Т. 1. С. 485.

³²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14 Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 164, 165.

200 новгород-северских и черниговских дворян и детей боярских под началом Любима Люшина, а также атаманов и казаков. Состоялся бой на берегу р. Десны, в ходе которого стало ясно, что силы литовцев превосходят отряд Люшина, который был вынужден запросить помощи. Баим Болтин собрал всех оставшихся в городе ратных людей и вел выдвинуться к селу Мезино. Литовцы отошли к Кобыльему буераку, где и состоялся бой, в ходе которого Люшин обратил литовцев в бегство, принудив их оставить свой обоз. В плен попали трое черкас и двое польских жолнер, которые на допросе сообщили что, численность нападавших была 700 – 800 человек³²⁸. Кроме того, были получены сведения о приходе в Нежин 2000 жолнер под командованием полковника Мочарского. Тот отправил в Борзну часть своих сил под командованием Щасны Вищеля. Те ожидали подхода черкас из Чигирина с пушками для дальнейших действий против русских войск. Эти сведения лишь подкрепили уверенность в том, что русское командование получало ранее из допроса пленных и данных разведки³²⁹. Поэтому Баим Болтин сразу запросил подкрепления и, как оказалось, был прав.

На следующий день после боя у с. Мезино 18 января в город прибыл назначенный на место Ивана Еропкина Иван Бобрищев-Пушкин, который возглавил подошедших ранее новгород-северских, курских и севских дворян и детей боярских, а также стрельцов общей численностью 670 человек с двумя пищалями. Позже в город прибыл полк Ивана Бунцева, состоявший из 240 дворян и детей боярских и 100 брянских стрельцов. Вместе с полком Баима Болтина к концу января – началу февраля 1633 года общая численность войск в городе составила 1398 человек³³⁰.

К Баиму Болтину 9 февраля был отправлен стряпчий Алексей Савинович Романчуков с *«...государевым жалованьем, с милостивым словом*

³²⁸ Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1. № 512. С. 485.

³²⁹ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 91–92.

³³⁰ *Ракитин А.С.* Указ. соч. С. 96.

*и о здоровье спрашивать и с золотыми...»*³³¹. Судя по всему, не позднее начала апреля 1633 г. он вернулся в Москву³³². 21 апреля на Светлое воскресенье он был в царском дворце, «в комнате»³³³.

В челобитной Баим Болтин просил пожаловать «как государю Бог известит». 9 апреля государь пожаловал его серебряным кубком с золоченой кровлей весом в две гривеньки 26 золотников, атласной шубой, украшенной золотом и соболиным мехом стоимостью 108 рублей 25 копеек. Все это предполагалось вручить в тот день, когда Баим будет приглашен за государев стол. Ему был увеличен четвертной оклад со 130 рублей до 180 рублей, а поместный оклад был увеличен на 100 четей и стал 100 четей, о чем было сообщено в Поместный приказ 26 мая. Из награждения Баима Болтина увеличением четвертного оклада мы можем сделать вывод о том, что на тот момент он получал жалование из Костромской чети, так как исполнителем государева поручения был дьяк Никифор Спиридонов³³⁴, который возглавлял Костромскую четь³³⁵. Родные братья Баима – Иванис, Аверкий и Самсон и упомянутый Семен Жданович Болтины тоже получали оттуда жалование³³⁶.

Стоит отметить, что Иван Еропкин получил жалование ниже, чем Баим Болтин. Так, прибавка к его жалованию за Стародубскую службу составила 40 рублей. Суммарно денежное жалование его составило 141 рубль. Прибавки к поместному окладу не было, он остался прежним – 1000 четей. Шуба ему была дарована стоимостью в 90 рублей³³⁷. Василий Ромодановский и Никита Оладьин за службу в Трубчевске, Почепе и Стародубе получили жалование, меньшее, чем Баим Болтин. Ромодановский получил аналогичные

³³¹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 317.

³³² Там же. Стб. 864.

³³³ Там же. Стб. 864.

³³⁴ Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1. № 512. С. 484–487.

³³⁵ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 487.

³³⁶ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627. СПб., 1894. С. 157, 170, 184, 192.

³³⁷ Дело по челобитью Ивана Еропкина о пожаловании его поместною и денежною придачею за Стародубскую службу и за промысл. 1634, января 6 // АМГ. Т. 1. № 595. С. 552–554.

придачу к денежному окладу и шубу в 110 рублей, но кубок в полторы гривенки и без золотников³³⁸. Оладьин получил аналогичную Болтину придачу к поместному окладу и кубок, как у Ивана Еропкина, 40 рублей к денежному окладу и шубу в 90 рублей³³⁹. Как мы видим, Б.Ф. Болтин получил большую награду за службу.

Подводя итог, отметим, что участие в Смоленской войне и взятие Новгорода-Северского может считаться самым ярким достижением Баима Болтина. Более того, не так часто второй воевода мог затмить первого воеводу своими достижениями и тем более наградой. Учитывая его пребывание в дьяках, сложно было предположить, что он мог получить такое назначение и так отличиться. Его денежное жалование было выше жалования более родовитых воевод. А это опять же означает, что по отношению к ценным служащим могли делаться исключения за их заслуги. Несмотря на такое очевидное достижение, как взятие крупного города, сослуживцы упрекали его пребыванием в дьяках. В совокупности имевшие место конфликты и неприязнь его «коллег» свидетельствуют о неоднородности дворянства того периода. Баим Болтин явно был «чужим» для аристократии. Это все, разумеется, усугубилось тем фактором, что в Северском походе он де-факто занимал ведущую роль.

Достаточно детализированная информация о событиях северского похода и участии Баима Болтина в нем показывает, что Баим Болтин мог принимать сложные решения, которые в итоге приводили к позитивному результату. Он не был лишен личной отваги, поскольку непосредственно командовал войском в сражении. И если мы не могли видеть результат его деятельности как дьяка, то именно взятие Новгорода-Северского может послужить конкретной демонстрацией его качеств как воеводы.

³³⁸ Дело по челобитью князя Василья Ромодановского о пожаловании его за службы и за промысл поместною и денежною придачею. 1634, января 10 // АМГ. Т. 1. № 602. С. 562–566.

³³⁹ Дело по челобитью Никиты Оладьина о пожаловании его за службы и промысл поместною и денежною придачею и в приказ. 1634, январь // АМГ. Т. 1. № 601. С. 558–562.

Отдельно стоит сделать акцент на характере боевых действий, которыми руководил Баим Болтин. Поджог стен города, отказ от активных действий без существенного численного превосходства, попытка отравить воду – все это норма для войны XVII века. Тот же поджог башни Новгорода-Северского острога – следствие отсутствия крупнокалиберной артиллерии у штурмующих. Невозможность обеспечить надлежащую дисциплину в войске – также особенность того периода. Пример тому – побег из войска М.Б. Шеина из-под Смоленска дворян и детей боярских южных окраинных городов. Самому Болтину было велено отлавливать их и возвращать обратно в войско. До появления армии нового типа, в которой дисциплина была существенно выше, еще оставалось несколько десятилетий.

§ 2. Дальнейшее продвижение по службе

Смоленская война хоть и осталась в истории как проигранная, однако она способствовала служебному росту некоторых ее участников. Баим Болтин, который не только показал свою полезность придворной службой, службой дьяком, но и достиг успеха при взятии Новгорода-Северского, получил серьезный повод для укрепления своего положения.

Известно, что после возвращения из Новгорода-Северского Баим Болтин находился в Москве. В «Подлинных» боярских списках за тот период содержатся две записи о службе Болтина. В 69 листе за период 1631–1632 гг. его имя вписано между строк другими чернилами в списке московских дворян между Юрием Васильевичем Вердеревским и Григорием Никитичем Орловым, указано, что он на «на Северу»³⁴⁰. Следующая запись за тот же период в списке дьяков уже указывает на то, что Баим Болтин завершил службу в Новгородской четверти. Его имя указано здесь зачеркнуто: «Велено по прежнему служить с Москвы»³⁴¹, то есть московским дворянином

Более в качестве дьяка, он не фигурировал. 21 апреля 1633 г. он был указан среди многочисленных дворян, которых Государь Царь и Великий Князь Всея Руси Михаил Федорович пожаловал и «велел им свои государские очи видеть» на празднике Светлого Воскресенья³⁴².

Далее, 21 июня 1633 г. ввиду угрозы набега крымских татар он был назначен воеводой в Симонов монастырь. Порядок обороны Москвы был подробно расписан, и аналогичные назначения последовали для нескольких десятков служилых людей. Под руководством Баима Болтина было 200 стрельцов, 60 монастырских служилых и даточных людей, 40 бобылей, а также ему были приданы мобилизованные люди из кожевенной слободы 70 человек, из которых 40 было с ружьями и 30 без. Оборонительная линия

³⁴⁰ Горбатов Е.Н. «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. С. 485.

³⁴¹ Там же. С. 507

³⁴² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 864.

Симонова монастыря была длиной в 304 сажени и соответственно «...людей доведетца по человеку на сажень»³⁴³. Набег крымских татар не состоялся.

Далее Баим Болтин указан в списке «Е» в качестве одного из 11 голов у стольников, стряпчих, дворян Московских и жильцов войска Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского, собираемого в Можайске для наступления на Смоленск³⁴⁴.

Еще до прекращения Смоленской войны, когда польский король Владислав штурмовал крепость Белую, а другие польские отряды осаждали Вязьму и Дорогобуж, началась организация проведения мирных переговоров. 1 апреля 1634 г. государь назначил послом Федора Ивановича Шереметева, вторым послом был окольный князь Алексей Михайлович Львов, третьим – Степан Матвеевич Проестев. Им было велено отправиться на пограничье между Вязьмой и Дорогобужем (на реку Поляновку, по которой и назвали мирный договор) для ведения переговоров с польскими послами. В числе голов, которые должны были сопровождать послов, числился Григорий Андреевич Олябьев. Он был указан первым в списке. Однако из-за болезни Г.А. Олябьев не смог отправиться на переговоры. Вместо него был назначен Баим Федорович Болтин. Таким образом, он стал первым в списке голов, сопровождавших посольство. Другого заболевшего – Семена Васильевича Чаплина – заменил Ждан Васильевич Кондырев³⁴⁵. Это тоже указано в списке «Е». Учитывая высокую важность посольства, такое назначение, хотя и незапланированное, было весьма почетным для Баима Болтина. Возможно, определенную роль сыграл тот факт, что Баим Болтин к тому времени находился по росписи воевод в Можайске³⁴⁶ и мог быстро добраться до места схода послов. Также Болтин еще в качестве дьяка до войны имел опыт встречи персидских, датских и «турских» послов³⁴⁷. Наконец, его знала

³⁴³ Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 526.

³⁴⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 393–394.

³⁴⁵ Там же. Стб. 357–358.

³⁴⁶ Там же. Стб. 393–394.

³⁴⁷ Там же. Стб. 62, 63, 222, 224, 251, 263.

польская сторона как воеводу, взявшего Новгород-Северский, что повышало значимость посольской свиты.

После возвращения в Москву все послы получили награды, состоялось повышение в чине: Алексей Михайлович Львов был произведен из окольных в бояре, а Степан Матвеевич Проестев стал думным дворянином. 5 июля 1634 г. у государя был стол. Список участвовавших в столе несколько отличался от ранее приведенного. Здесь мы видим в основном участников переговоров на р. Поляновке. Имя Баима Болтина помещено между двумя князьями – Савой Козловским и Иваном Львовым³⁴⁸. Учитывая хаотичность составленного списка, мы не можем сделать каких-либо выводов.

Впоследствии Баим Болтин принимал участие и в приведении короля Владислава к крестному целованию, то есть в ратификации Поляновского мирного договора польской стороной, последовавшее за царским указом от 24 октября 1634 г., когда уже были достигнуты соглашения на реке Поляновке. В январе «с крещенья Христова»³⁴⁹ в Варшаву было отправлено посольство во главе с боярином князем Алексеем Михайловичем Львовым, думным дворянином Степаном Матвеевичем Проестевым и двумя дьяками. Их было велено именовать великими послами. В свите состояли 255 человек³⁵⁰. Такое количество было обусловлено необходимостью обеспечения постоянного почтового сообщения, поиском пленных, проведением разведывательных мероприятий. Посольству также поручалось договориться о передаче русской стороне тела царя Василия Шуйского, а также забрать оригинал договора об избрании Владислава московским царем

³⁴⁸ Записная книга Московского стола. 1633, сентябрь – 1634, август // РИБ. Т. 9. С. 562.

³⁴⁹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 375.

³⁵⁰ Львова Д.Л. Решение территориальных и пограничных вопросов по Поляновскому мирному договору 1634 года (к проблеме русско-польских отношений) // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып. 3. Биология. Востоковедение. География. Геология. Иностранные языки. История. Почвоведение. Философия. Филология. Фундаментальное материаловедение. Фундаментальная медицина / Предс. ред. совета В.В. Александров. М., 1999. С. 245–247.

от 1610 г., заключенного между семибоярщиной и гетманом Станиславом Жолкевским³⁵¹.

Баим Болтин был указан первым после стольников в числе московских дворян, сопровождавших лично князя А. М. Львова³⁵². На данный момент мы не можем сказать, чем конкретно занимался Б. Ф. Болтин в ходе этого посольства, однако можно утверждать, что он был не на последних ролях и мог выполнять важные поручения князя Львова хотя бы потому, что он был указан первым среди дворян.

Такое назначение породило первый местнический спор, известный в истории рода Болтиных³⁵³ (соответственно это был первый местнический спор для Б.Ф. Болтина). На Баима подали челобитную дворяне, указанные в списке сопровождавших князя А.М. Львова: Илья Васильевич Наумов и Ждан Васильевич Кондырев (последний ранее уже был поставлен ниже Баима при переговорах на реке Поляновке). Они считали, что по своему местническому статусу они должны стоять выше Болтина, на что государь ответил, что им всем следует быть без мест³⁵⁴. По мнению Ю.М. Эскина, это и следующее местническое дело Болтина свидетельствуют о том, что даже кратковременное пребывание в дьяках оставляло «пятно» в карьере служилого человека³⁵⁵. Однако нахождение подле царя и реальные заслуги позволяли игнорировать такой факт.

Участники посольств на реку Поляновку и в Варшаву были щедро награждены правительством. Разумеется, самое большое вознаграждение получили бояре Ф.В. Шереметев и князь А.М. Львов. Члены посольства, отправленные для ратификации договора, получили жалование за два года и «подмогу» деньгами и соболями. Подмогу предполагалось тратить на нужды посольства и не в последнюю очередь для «роздач» (взятки). Несмотря на

³⁵¹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 296–297.

³⁵² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 404.

³⁵³ Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 134.

³⁵⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 404.

³⁵⁵ Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 339.

неуспех посольства в получении оригинала договора об избрании Владислава на московский престол, русское посольство было хорошо встречено польской стороной, и подмога была потрачена лишь на «поминки» (подарки) канцлеру Якубу Жадику и некоторым другим панам рады, которые и поспособствовали возвращению тела Василия Шуйского и его родственников³⁵⁶.

Известен размер жалования, полученного Болтиным за посольство. Оно составило *«180 рублей за год и того 360 рублей»*. Показательно сравнение жалования Болтина с другими участниками посольства. Князь Алексей Михайлович Львов, разумеется, получил больше всех: его жалование суммарно за 2 года составило 920 р. без учета подмоги. Степан Матвеевич Проестев получил 360 р., дьяк Михаил Данилов – 400 р. Стольники получили куда менее крупное жалование: Василий Петрович Львов получил 100 р., Даниил Семенович Яковлев всего 60 р., а Федор Тимофеевич Племянников – 40 р. Среди дворян Баим Болтин получил больше всех. Илья Васильевич Наумов – 128 р., Ждан Васильевич Кондырев – 68 р., Ефим Иванович Самарин – 80 р., Григорий Иванович Барняков – 100 р.³⁵⁷. В этом, вероятно, и кроется одна из причин подачи челобитной Наумовым и Кондыревым царю на Баима Болтина. Дело не только в местническом статусе и защите родовой чести, но и в понимании того, что размер жалования во многом связан с местом в росписи, которое занимает дворянин. Фактор происхождения выступал аргументом в получении более высоких денежных вознаграждений.

Посольство в целом было признано успешным. Король Владислав IV согласился, как на том настаивало посольство, подписать мирный договор, выдал тела царя Василия Шуйского и его родственников, а по поводу договора об избрании его на московский престол было принято компромиссное решение. Владислав извещал соседние государства о

³⁵⁶ Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 297.

³⁵⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 11–14.

пропаже данного договора³⁵⁸. Более Владислав не имел претензий на московский престол.

Одновременно проходила ратификация договора в Москве в феврале 1635 г. Мы не видим в числе участников Баима Болтина³⁵⁹, что свидетельствует о том, что он вернулся в Москву в составе посольства. До 1637 г. о нем не имеется никаких сведений.

После заключения мира встал вопрос о разграничении территорий непосредственно на границе. Первая попытка размежевания была предпринята еще в 1634 г. на территориях между Брянском и Рославлем и в Комарицкой волости. Тогда князь Роман Петрович Пожарский и мстиславский воевода Хриштофор Тихонович Тихоновецкий не смогли договориться и размежевание перенесли³⁶⁰.

В 1637 г. было принято решение снова послать межевых судей от каждой из сторон. Они должны были собрать показания местных жителей (старожилов) и записи предыдущих межевых комиссий. Опираясь на полученные сведения, судьи возвращали границы к довоенному состоянию. Всего было 5 зон размежевания, куда и направлялись судьи. Одной из таких зон была территория между Путивлем и Новгородом-Северским, Трубчевском и Почепом. Территории к западу и северо-западу от Путивля были заняты русскими войсками вплоть до Чернигова. Ценные земли и населенные пункты к тому моменту могли быть присвоены русскими служилыми людьми. Вследствие этого обмен территориями предполагалось осуществить по принципу «*жилое на жилое*» и «*пустое на пустое*». При возникновении разногласий между показаниями жильцов относительно незначительных участков судьи могли прибегнуть к жребию. Если возникали споры между судьями, то приходилось вмешиваться центральным властям, которые уже договаривались о разграничении. Результаты работы межевых комиссий записывались в книги, жильцы с обеих сторон ставили подписи, а

³⁵⁸ Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 296–297.

³⁵⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 413–414.

³⁶⁰ Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 298.

судьи помимо подписей ставили свои печати³⁶¹. Сама граница проводилась по известным всем деревьям, насыпались курганы, куда судьи помещали железную руду и различные предметы, например, сковороды³⁶².

Межевая комиссия в Путивле должна была начать работу в 1637 г. 14 мая государь указал быть в Путивле окольным князю Федору Федоровичу Волконскому Мерину, Баиму Федоровичу Болтину и дьяку Никифору Шипулину, с которым Болтин ранее находился в Можайске в марте 1634 г. В то время Шипулин стоял выше Болтина по росписи, будучи указан сразу после воевод Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и Дмитрия Михайловича Пожарского, когда Баим Болтин был лишь в числе сотенных голов у этих воевод³⁶³. Теперь Болтин формально стоял выше. На границе у Путивля русские и литовские судьи должны были встретиться и произвести размежевание. Участие Баима Болтина в размежевании северских земель было обусловлено тем, что он имел большой посольский опыт еще до войны, участвовал как в переговорах при заключении Поляновского мира, так и в ратификации мирного договора в Варшаве. Более того, именно он был вторым воеводой на начальном этапе войны на этом направлении и был осведомлен о ситуации на месте и приблизительных границах. Любопытно, что годом ранее предпринималась попытка провести размежевание, и в Путивль так же был отправлен Федор Федорович Волконский вместе с ранее упомянутым бывшим дьяком, а на тот момент думным дворянином Томило Иудичем Луговским³⁶⁴. Таким образом, Баим Болтин встал на место, которое ранее занимал думный дворянин.

Размежеванию земель предшествовала встреча польского посла Адама Орлика, который прибыл в Москву с жалобой на русских межевых судей, ответственных за разграничение земель по Поляновскому мирному

³⁶¹ Львова Д.Л. Указ. соч. С. 245–247.

³⁶² Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 299.

³⁶³ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 393–394.

³⁶⁴ Там же. Стб. 515.

договору³⁶⁵. Государь его принял 30 января 1637 г. в золотой подписной палате³⁶⁶. Баим Болтин был указан в числе встречающих³⁶⁷. Адам Орлик был отправлен с опровержением претензий. Польскому королю были отправлены с аналогичными претензиями послы, жаловавшиеся на литовских людей, которые занимали земли в районе Путивля, принадлежавшие Московскому государству³⁶⁸. Юрий Телепнев подавал жалобу на то, что с русских земель не были выведены поселившиеся литовские люди, а князь Семен Иванович Шаховской обсуждал неприемлемость умаления царского титула³⁶⁹. Вероятно, именно эти переговоры и привели к вышеупомянутому размежеванию земель. Присутствие Болтина на встрече посла могло обусловить его участие в размежевании в районе Путивля.

Однако у нас нет уверенности в том, что размежевание имело место в 1637 г. в Путивле. Подтверждением этому является следующая запись, которую привел Н.Н. Бантыш-Каменский после перечисления назначенных межевых судей в Путивль: «съезд отложен за спорами»³⁷⁰. Вероятно, судьи все-таки встретились, но не пришли к консенсусу, однако мы также можем допускать, что съезд в Путивле так и не состоялся. Зато размежевание было проведено между Брянском и Комарицкой волостью, с одной стороны, и Рославлем, Кричевом, Стародубом, Почепом и Трубчевском – с другой³⁷¹.

Здесь мы нарушим последовательность повествования и для целостности сюжета перенесемся на несколько лет вперед. В 1642 г. возобновился процесс размежевание спорных земель в районе Путивля. 25 мая 1642 г. государь повелел отправиться туда окольниковому Федору Федоровичу Волконскому Мерину. Сразу за князем Волконским были

³⁶⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. М., 1897. С. 119–122.

³⁶⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 529.

³⁶⁷ Там же. Стб. 874.

³⁶⁸ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 377–378.

³⁶⁹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 298.

³⁷⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. С. 120.

³⁷¹ Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 299.

названы Баим Федорович Болтин (ставший к тому времени ясельничим) и дьяк Никифор Шипулин. Вместе с указанными судьями числились следующие дворяне: Кузьма Андреевич Трусков, Василий Протасов, Иван Васильевич Кафтырев, Иван Степанович Волков, Василий Васильевич Стрелков, Тимофей Васильевич Исканский, а также жильцы Никита Андреевич Загоскин и Андрей Поликарпович Полтев.

Для того, чтобы устранить возможность местнических споров, в отписках к ним велено было обращаться *«князю Федору съ товарищи»*. Данная мера формально уравнивала всех членов группы, кроме ее руководителя. Несмотря на это, между межевыми судьями возникали споры. Так, Кузьма Трусков бил челом на князя Ф.Ф. Волконского о том, что ему с князем быть *«невместно»*³⁷², а именно посчитал несправедливым тот факт, что его имя не будет упоминаться в отписках³⁷³. Трусков проиграл спор и был отправлен в тюрьму по указу государя. Позже, уже в Путивле, дворянам и жильцам было велено *«быть с обоими»*, то есть они были поставлены ниже не только князя Федора Волконского, но и Баима Болтина³⁷⁴. В ответ на это Кузьма Трусков и Василий Протасов решили подать челобитную на Болтина. Государь встал на сторону последнего, а челобитчиков велел подвергнуть наказанию – *«битью батогами»*³⁷⁵.

До нас дошла еще одна челобитная Кузьмы Трускова, которую он подал на князя Федора Волконского уже после возвращения со службы не раньше осени 1642 г. (так как он пишет: в прошлом «150-м году», а в 151-м году была прислана грамота от государя Федору Волконскому в Путивль на

³⁷² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 682.

³⁷³ Эскин Ю.М. Местническое дело К. А. Трусков – князь Ф.Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2002. С. 300–307.

³⁷⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 683.

³⁷⁵ Там же.

«межевое место» то есть межевание проходило еще и осенью того года³⁷⁶). В челобитной есть ценные сведения о роли Баима Болтина в конфликте.

По версии Трусова, Болтин, выполняя поручение Волконского, подал государю отписку из Путивля, в которой обвинил сопровождавших их дворян и жильцов в том, что те отправляли своих людей в Литву в город «Рамон» (вероятно, современный город Ромны в Сумской области) для покупки вина и разглашения сведений (каких конкретно не указывается). Вино же дворяне и жильцы разделили между собой «*кабацкими ведрами*», после чего на съездем дворе «*лаяли и шюмели*» Баима Болтина. Трусов из-за этой отписки был подвергнут наказанию: битью батогами и заключению в тюрьме на неделю. Он считает, что Баим Болтин по просьбе Волконского сообщил государю ложные сведения относительно поведения дворян и жильцов и таким образом хотел свести счеты за ранее поданные челобитные. Сам же Трусов уверял государя в том, что ничего того, что было указано в отписке Болтина, он не делал, кроме споров с Федором Волконским о «чести» своих родителей. Кузьма Трусов во время пребывания в Путивле был подвергнут наказанию дважды. В первый раз по царскому указу после отписки Болтина и челобитной Трусова на имя государя, и второй раз по указу князя Федора Волконского без ведома государя³⁷⁷.

Вероятно, Волконский и Болтин решили самостоятельно разобраться с обидчиком, который постоянно затевал споры и, судя по всему, мешал выстраиванию рабочего процесса. То, что Баим Болтин принимал сторону окольного, было продиктовано его положением при дворе, давним знакомством и совместной работой, а также нежеланием Трусова и Протасова стоять ниже Баима Болтина. Действительно ли дворяне и жильцы вели себя так, как указал Баим в отписке государю, сказать трудно, поскольку недостаточно источников для проверки подлинности той или иной

³⁷⁶ Эскин Ю.М. Местническое дело К. А. Трусов – князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. С. 300–307.

³⁷⁷ Там же.

версии. Не исключено, что Волконский и Болтин намеренно оклеветали Трусова в отместку за затеянные споры.

На этот раз размежевание также не состоялось. Ситуация разрешилась лишь после очередного посольства в Варшаву князя Алексея Михайловича Львова 1644 г., в котором принимали участие Григорий Гаврилович Пушкин и дьяк Михаил Волошенинов. Помимо титулов царя и короля обсуждался раздел спорной территории. В итоге Московское государство получило Трубчевск в Комарицкой волости, Речь Посполитая отдала село Олешковичи с деревнями южнее Путивля: городища Недригайловское, Городецкое, Каменное, Ахтырское, Ольшанское. А в районе самого Путивля к московскому государю отошли села и деревни за рекой Клевень. Поселившаяся там литовская шляхта должна была уйти с этих территорий, а московские люди не должны были им мешать. В обмен на территории на юге Речь Посполитая получала территории на Невельской границе³⁷⁸. Баим Болтин уже не принимал участие в размежевании.

Как мы видим, Баим Федорович Болтин не только сыграл важную роль в Смоленской войне, но и принял активное участие в заключении мирного договора и в длительной процедуре разграничения границ между Речью Посполитой и Россией. Участие же Болтина в переговорах 1634 г. на реке Поляновке сыграло важную роль в его дальнейшем продвижении по службе. Это наглядный пример того, как в XVII в. возросла роль личных заслуг в служебной иерархии.

Возвращаясь к хронологии нашего повествования, мы опять обращаемся к событиям 1637 г., когда начался очередной этап войны на южном пограничье с Крымским ханством³⁷⁹. Данная ситуация была спровоцирована взятием Азова донскими казаками. По данному вопросу был даже созван Земский собор. Учитывая угрозу конфронтации не только с Крымским ханством, но и с Османской империей, московскому

³⁷⁸ Козляков В.Н. Михаил Федорович. С. 300–302.

³⁷⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 554–556.

правительству было не до тщательного решения вопросов размежевания. Баим Болтин имел отношение к данным событиям, поскольку встречал посла «крымского царя» Бахты Гирея на въезде в Москву. Встреча состоялась 23 мая 1638 г. за Калужскими воротами, «за Москвою рекою», за Деревянным городом. В длинном списке встречавших, содержащем их звания, имена и фамилии, среди 12 голов у городских дворян упоминается Баим Федоров сын Болтин. Он указан одним из пяти голов у Новгородцев. Перед ним указаны Михаил Петрович Волынский и Ульян Семенович Ляпунов, за Болтиным в списке идут Федор Иванович Голенищев и Степан Иванович Исленьев³⁸⁰. Так что эту встречу мы можем считать не рядовой, поскольку в те годы действительно была угроза войны с сильными противниками.

Существует ошибочное мнение, что Баим Болтин был постельничим, которое зародилось, вероятно, из-за опечатки в Русском библиографическом словаре: «...в 1641–1645 гг. был постельничьим при царском дворе...»³⁸¹. Такая ошибка перекочевала в некоторые интернет-ресурсы. Анализ литературы и источников дает основания полагать, что постельничим Баим Болтин не был. Во-первых, он нигде не упоминается как постельничий. Во-вторых, постельничий по статусу стоит выше ясельничего. Ф.И. Миллер привел список постельничих при дворе Михаила Романова и Алексея Михайловича. Таковыми были Константин Михайлович Михалков, Степан Лукьянович Хрущев, Федор Иванович Игнатъев и Иван Михайлович Аничков. Первыми постельничими при дворе Алексея Михайловича были друг за другом соответственно отец и сын Михаил Александрович и Федор Михайлович Ртищевы³⁸².

³⁸⁰ Там же. Стб. 577.

³⁸¹ Болтин Баим (Борис) Федорович // Русский биографический словарь. Том III: «Бетанкур–Бякстер» / Под ред. А.А. Половцева., СПб., 1908. С. 185.

³⁸² Миллер Ф.И. Указ. соч. С. 174.

На самом деле, следующим существенным служебным повышением Болтина является пожалование в ясельничие 17 марта 1641 г.³⁸³. В тот же день из ясельничих в думные дворяне был пожалован Иван Васильевич Биркин³⁸⁴. Баим Болтин не только занял его место как ясельничий, но и стал членом Боярской Думы. Для понимания положения, которое в тот момент занял Баим Федорович, стоит остановиться на трансформации как самой Думы, так и должности ясельничего.

По рангу ясельничий считался выше стольника, иногда наравне с думными дворянами. Данную должность занимали представители таких известных дворянских родов, как Татищевы, Воейковы, Биркины. Ясельничий – это помощник конюшенного, в отсутствие которого управлявший Конюшенным приказом³⁸⁵. Соответственно, ввиду отсутствия конюших, делам конюшенного приказа ведел ясельничий. Конюшие считались первыми среди бояр и посему входили в Боярскую думу³⁸⁶. Но со Смутного времени конюших перестали назначать. Так, последним конюшим был Михаил Федорович Нагой, который был пожалован Лжедмитрием I с целью демонстрации своего якобы родства с родом Нагих³⁸⁷. Из-за этого возросла и роль ясельничего. Теперь конюшенным приказом ведал именно он. Со временем он начал входить в состав Боярской думы. В 1619 г. в Думу входили кравчие, постельничий, стряпчий с ключом, но еще не входил ясельничий³⁸⁸. Известно, что Богдан Матвеевич Глебов и сменивший его в 1632 г. Иван Васильевич Биркин были ясельничими и членами Боярской думы³⁸⁹. Иногда ясельничими становились дворяне, не получившие еще думного чина (думного дворянина или дьяка). Так, тот же И.В. Биркин

³⁸³ Записная книга Московского стола 1640, сентябрь – 1641, август // РИБ. СПб., Т. 10. С. 203.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ *Миллер Ф.И.* Указ. соч. С. 177.

³⁸⁶ Там же. С. 157–161.

³⁸⁷ Там же. С. 159.

³⁸⁸ *Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.* С. 313.

³⁸⁹ Там же. С. 316.

сначала стал ясельничим, а затем думным дворянином³⁹⁰. Иногда по своему статусу они считались выше думных дворян³⁹¹. По сути, шло формирование двух параллельных иерархий: уже имеющейся боярской и новой сугубо дворцовой. Если конюшенными были лишь бояре, то ясельничими назначали дворян. Но при этом их статус при дворе был высок, и, хотя бы на время, дворянин, хотя и не вставал в один ряд с боярами, но восседал вместе с ними.

Таким образом, назначение московского дворянина Баима Болтина ясельничим – действительно серьезный служебный рост. Сам он был членом Боярской думы как минимум до 1646 года³⁹². Чуть больше года Баим Болтин проработал под началом видного деятеля правительства Михаила Романова – князя Ивана Борисовича Черкасского, который возглавлял думу с 1624 г. и до дня смерти 4 апреля 1642 года. Его сменил неоднократно упоминаемый ранее боярин Федор Иванович Шереметев³⁹³, под чьим руководством Баим Болтин находился и в 1626 г. во время пожара, и в 1634 г. во время заключения Поляновского мирного договора. За период его пребывания в этой должности он принял участие в ряде важных придворных и посольских мероприятиях, о которых и будет сказано далее.

19 августа 1641 г. государь послал Баима Болтина «за город» с лошадьми навстречу датскому королевичу Вальдемару и королевскому думному дворянину Григорию Крабу. Здесь Баим был указан в должности ясельничего. За городом послов встречали приставы Степан Иванович Исленьев и дьяк Федор Степанов³⁹⁴. В росписи встречающих датских послов от 22 августа 1641 года, вслед за думными дьяками указан ясельничий «Баим

³⁹⁰ Там же. С. 318; Записная книга Московского стола 1640, сентябрь – 1641, август // РИБ. СПб., Т. 10. С. 203.

³⁹¹ *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 257.

³⁹² Память из Розряда в Конюшенный приказ о даточных людях, взятых с разных чинов людей на службу. 1646, февраля 17 // АМГ. Т. 2. № 267. С. 169–170; Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в. С. 318–319.

³⁹³ *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. С. 241.

³⁹⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 658.

Федоров сын Болтин»³⁹⁵. Первый приезд королевича не оставил такого следа в истории, каким был последующий, поскольку обсуждались в основном торговые вопросы.

19 сентября 1641 г. государь предпринял поездку в Рубцово (по другим сведениям – в Покровское), а из него в Троице-Сергиев монастырь «молиться». В Москве царь оставил бояр Федора Ивановича и Василия Петровича Шереметевых. А ясельничий Баим Болтин был включен в состав сопровождавших государя³⁹⁶.

Баим Болтин принял участие в приеме Кызылбашских послов 29 декабря 1642 г. Прием состоялся в большой грановитой палате. Встречающим требовалось «быти в золоте». Он также указан в качестве ясельничего³⁹⁷.

Второй приезд королевича Вальдемара состоялся 21 января 1644 г. Помимо королевича прибыли великие послы датского короля Кристиана IV. В числе встречающих за Тверскими воротами указан ясельничий Баим Болтин вместе с дьяком Григорием Пятово. Причем они в списке числились отдельно от других – Болтин и Пятов встречали «с санми»³⁹⁸. В этот раз Вальдемар прибыл в Москву с целью заключения брака с дочерью Михаила Федоровича Ириной. Возможная свадьба вызвала волну дипломатических обсуждений и религиозных споров³⁹⁹. Соглашения достигнуто не было. Королевич был отпущен из Москвы 13 августа 1645 г. после смерти царя Михаила. Баим Болтин участия в проводах уже не принимал⁴⁰⁰.

³⁹⁵ Списки лиц, коим назначено быть в царском дворце «в золоте» при приеме иностранных послов // АЮБ. Т. 3. № 351. Стб. 386–387.

³⁹⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 671.

³⁹⁷ Списки лиц, коим назначено быть в царском дворце «в золоте» при приеме иностранных послов // АЮБ. Т. 3. № 351. Стб. 386–387.

³⁹⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 722.

³⁹⁹ *Филина Е.И.* Влияние придворной политической борьбы на духовное состояние русского общества начала 40-х гг. XVII в. (прения о вере, возникшие по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12 / Отв. ред. Д.С. Менделеева. М., 2005. № 12. С. 744–764.

⁴⁰⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. (1645–1676). Стб. 7–9.

В качестве ясельничего Болтин был судьей (главой) Конюшенного приказа. Известен следующий эпизод из его службы в этом ведомстве. В феврале 1646 г. по «*татарским вестям*» князю Алексею Никитичу Трубецкому было велено готовиться к походу. Из Москвы к нему должны были отправиться служилые люди. Из Разрядного приказа в Конюшенный был направлен список даточных людей, которые снаряжались за счет князей, бояр, дворян, окольных и прочих московских чинов и должны были явиться на службу. Этот список был запрошен самим Конюшенным приказом, чтобы выяснить, сколько даточных людей записалось в приказ, а сколько – нет. За их неявку полагался штраф в 20 руб. за человека с того, кто обязан был их снарядить. Как ясельничий Баим Болтин занимался этим вопросом. Более того, он сам выставил 5 человек⁴⁰¹.

Следующим ясельничим 9 ноября 1646 г. был назначен Ждан Васильевич Кондырев⁴⁰², который ранее вел местнический спор с Болтиным перед посольством в Варшаву. А Баим Болтин уже 21 января 1647 г. был назначен послом в Данию (в списке послов указан первым), откуда он вернулся только спустя год, в январе 1648 г.⁴⁰³. Вероятно, его посольский опыт и опыт встреч датского королевича Вальдемара был важен для переговоров.

Ждан Кондырев в дальнейшем был пожалован в думные дворяне⁴⁰⁴. Болтин же таких высот при дворе не достиг.

Как мы видим, вскоре после смерти Михаила Федоровича Романова, Баим Болтин был отстранен от придворной службы. У нас есть некоторое предположение о причине его отставки. Учитывая, что на момент кончины государя за власть боролись две группировки, логично предположить, что

⁴⁰¹ Память из Розрядов Конюшенный приказ о даточных людях, взятых с разных чинов людей на службу. 17 февраля 1646 г. // АМГ. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659. № 267. С. 169–170.

⁴⁰² Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 49–50.

⁴⁰³ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 227.

⁴⁰⁴ *Миллер Ф.И.* Указ. соч. С. 178.

Баим Болтин либо напрямую поддерживал одну из сторон, либо пользовался покровительством члена одной из группировок, что в итоге и привело к дальнейшему отстранению Болтина от двора.

Одна «партия» придерживалась мнения о выборности будущего царя на Земском соборе. Так, они предлагали принца Вальдемара как возможного кандидата на русский престол вместо царевича Алексея, предполагалось ограничить власть монарха и не допустить Б.И. Морозова к управлению страной⁴⁰⁵. Во главе этой группировки стоял боярин Федор Иванович Шереметев (который по факту возглавлял боярское правительство в последние годы жизни Михаила Романова). Его взгляды разделяли такие знатные люди, как боярин князь Б.А. Репнин, бояре И.П. Шереметев, А.С. Стрешнев, окольничие князь А.Ф. Литвинов-Масальский, князь В.П. Амашуков-Черкасский, стольники князь И.П. Хованский, князь С.И. Шаховской, С.Л. Стрешнев⁴⁰⁶.

Как видно, в состав этой группировки входили как родовитые бояре, так и представители новой знати – родственники царя по его супруге Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Вероятно, глава правительства Федор Иванович Шереметев и его сторонники полагали, что выборным царем, особенно если он иностранец, мало знающий русский язык и слабо разбирающийся в реалиях российской политики, можно будет достаточно легко манипулировать для достижения собственных интересов, и поэтому поддерживали замысел браке с датским королевичем. Другая придворная группировка выступала за традиционную наследственную передачу власти от отца к сыну, а именно – к царевичу Алексею Михайловичу, и поэтому была категорически не согласна с планом этого брака. Лидером оппозиционной «партии» был ранее упомянутый в настоящей работе боярин и князь Алексей Михайлович Львов, занимавший пост главы приказа Большого дворца.

⁴⁰⁵ *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб., 2018. С. 47–48.

⁴⁰⁶ *Светова Е.А.* Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013. С. 64.

Первое место среди его единомышленников занимал воспитатель наследника престола боярин Б.И. Морозов, его поддерживали бояре Ф.Б. Долматов-Карпов, М.М. Салтыков, окольниковые С.М. Проестев, Г.Г. Пушкин, стольники князь А.Н. Трубецкой и Н.С. Собакин. Взгляды этой группировки разделял и патриарх Иосиф⁴⁰⁷.

Позже, при Алексее Михайловиче, некоторые представители этой группировки сделали успешную карьеру, несомненно, при поддержке молодого царя, который охотно поощрял политический рост своих верных сторонников⁴⁰⁸. Предыдущее боярское правительство после воцарения молодого царя отошло на второй план⁴⁰⁹.

Анализ приведенного перечня придворных показывает связь Баима Болтина как с Алексеем Михайловичем Львовым, так и с Федором Ивановичем Шереметевым. Баим Болтин неоднократно пересекался с ними до того, как стал ясельничим.

А.П. Павлов полагает, что партия «Морозова–Львова» контролировала таких придворных, как казначей Б.М. Дубровской, стряпчий с ключом И.М. Аничков и, вероятно, ясельничего Баима Болтина⁴¹⁰. Мы отмечали вероятное взаимодействие по службе Болтина и Львова в 1618 г. во время воеводства Львова в Астрахани. Но тот факт, что они вместе принимали участие в посольстве на р. Поляновку и в Варшаву, не оставляет сомнений в их тесной связи. Более того, С.М. Проестев был сторонником этой партии и также был в числе послов в Варшаве в 1635 году. Из этого можно сделать вывод, что стремительный карьерный рост Баима Болтина был также связан с тесным и многолетним знакомством с влиятельным князем Львовым, который пользовался расположением Михаила Романова⁴¹¹. Связь Баима Болтина и Салтыковых предположил А.П. Павлов, указав на то, что они были

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ *Ляпин Д.А.* Причины восстания в Москве в 1648 г. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 93.

⁴¹⁰ *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1. С. 670, 673.

⁴¹¹ *Светова Е.А.* Указ. соч. С. 65.

упомянуты в Хронографе, как жившие вместе с Михаилом Федоровичем и его матерью в Ипатьевском монастыре⁴¹². Однако, связь эту мы прослеживаем лишь по принадлежности М.М. Салтыкова к той же партии, что и Болтин.

С другой стороны, сложно отрицать и связь Баима Болтина с Федором Ивановичем Шереметевым, о которой также упоминалось ранее.

Взглянув на дальнейшую судьбу Львова и Шереметева, мы можем выдвинуть предположение о причине отставки Болтина.

Дело в том, что внутри группировки, поддерживающей Алексея Михайловича, пальма первенства перешла боярину Б.И. Морозову – воспитателю молодого царевича⁴¹³. Сам князь Львов постепенно оставил свои посты, но при этом остался при дворе молодого государя.

Новый царь Алексей Михайлович не был столь милостив к уже пожилому князю, поскольку грядущие перемены в дворцовом хозяйстве требовали более деятельного, оперативного и молодого дворецкого. Из переписки 1654 г. царя с патриархом Никоном видно, что государь тяготился службой пожилого князя и с радостью сообщал, что боярин *«от прежней службы отставлен»*⁴¹⁴.

Федор Иванович Шереметев покинул пост главы Боярской думы раньше, чем свои посты оставил князь Львов. Стоит отметить, что в одном из списков Нового Летописца с продолжением до 1645 г. имеется нелестное упоминание о нем: *«Сей Федор был жестококривен и в делах неискусен»*⁴¹⁵. Это может быть основанием недоброжелательности нового государя к отставному главе думы, но мы также имеем сведения относительно того, что Шереметев еще в годы правления Михаила Федоровича Романова жаловался

⁴¹² Павлов А.П. Указ. соч. С. 602.

⁴¹³ Там же. С. 66-67.

⁴¹⁴ Там же. С. 44.

⁴¹⁵ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 76–77.

на здоровье, с 1643 г. перестал присутствовать в царских застольях и отошел от дел до своей фактической отставки⁴¹⁶.

Мы не можем дать оценку степени знакомства и взаимоотношения Баима Болтина и Бориса Морозова. Несмотря на заключенную между ними сделку по продаже деревни Березники Арзамасского уезда в конце 1645 г.⁴¹⁷, это никак не может пролить свет на их отношения. Мы лишь можем предположить, что Баим Болтин таким образом хотел заручиться поддержкой нового лидера при дворе. Также стоит отметить, что по самой крупной закладной кабале (700 рублей), полученной Болтиным в 1630 году от князей Путятиных⁴¹⁸, Баим осуществил оформление имения за собой лишь спустя 16 лет, как раз в период его отстранения от двора. Вероятно, столь значительную сумму Болтин одолжил князьям в период своего подъема и таким образом он зарабатывал расположение верхушки служилой аристократии. А в тот момент, когда стало ясно, что при дворе ему не сохранить свое положение, решил получить имение. Вероятно, если бы дочь Баима Болтина Матрена, бывшая замужем за двоюродным дядей нового царя, не скончалась, то карьера Баима Болтина могла бы пойти по иному пути.

Таким образом, можно сделать вывод, что Баим Болтин был отодвинут от двора из-за отхода от дел его предполагаемых покровителей Алексея Михайловича Львова и Федора Ивановича Шереметева, а также из-за того, что сам Баим Болтин уже был немолодым и мог быть неуютен молодому государю подобно князю Львову. Однако никто из них не впал в немилость, и сам Болтин продолжил службу. Все это в совокупности обусловило дальнейшую ротацию кадров правительства и двора.

⁴¹⁶ Там же. С. 77.

⁴¹⁷ Дело о записи за боярином Борисом Ивановичем Морозовым по купчей (продажной) вотчины ясельничего Баима Федоровича Болтина (купленной им я с братом Иванисом Болтиных у мордовских мурз) д. Березники с пуст. в Залесном ст. Арзамасского уезда // Записные книги 1626–1657 гг. М., 2010. С. 776.

⁴¹⁸ Дело о записи за ясельничем Баимом Федоровым сыном Болтина по просроченным закладным кабалам вотчины кн. Ивана и Федора Ивановых детей Путятина и Григория Несмеянова сына Зловидова (выслуженной вотчины кн. Ивана Семенова сына Путятина) д. Нечаево в Тешском ст. Арзамасского у. // Записные книги 1626–1657 гг. С. 967–968.

Как показывают новейшие исследования, вопросы назначения на должность и отставки в рассматриваемый период нередко решались в рамках патронатно-клиентских отношений. Само это явление допетровского периода находится в процессе изучения. Выделены типичные признаки, такие как именование клиента «вскормленником» или «держальником» в обращении к патрону, которого в свою очередь именовали «государь».⁴¹⁹ А.П. Павлов считает, что явление это имело место быть между представителями аристократии или заметных придворных и незнатными дворянами и детьми боярскими. Общая закономерность такова, что клиенты стремились получить назначение на службу вместе со своими патронами и получали покровительство при продвижении по службе. Эти отношения завязывались в ходе родства, землячества и в процессе служебной деятельности и могли распространяться как между двумя конкретными людьми, так и между целыми семействами⁴²⁰. И хотя у нас нет прямых сведений о договоренностях между Болтиным и Львовым, но по косвенным признакам мы можем предположить наличие между ними патронатно-клиентельных отношений. Павлов вывел наличие подобных отношений между Львовыми и Племянниковыми. Стольник Федор Тимофеевич Племянников также принимал участие в посольстве в Варшаву⁴²¹ о чем мы также сообщали ранее. Приведенные примеры позволяют говорить о распространенности и важной роли данного института.

Вновь Баиму Болтину суждено было вернуться к посольской службе. На этот раз он был назначен послом в Данию. Вероятно, его прошлый посольский опыт, многократное участие во встречах послов (в том числе датского королевича Владислава) стали аргументом для такого назначения.

⁴¹⁹ *Кром М.М.* Патронат и клиента в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 2. С. 69, 71, 74.

⁴²⁰ *Павлов А.П.* Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 88–90

⁴²¹ Там же. С. 90, 93.

Кроме того, дальнейшее посольство было одним из способов отдалить его от двора.

Назначение Баима Болтина полномочным послом состоялось 21 января 1647 г.⁴²² Однако решение о его назначении было принято ранее. Об этом нам сообщает Грамота царя Алексея Михайловича к королю Датскому Христиану IV от 17 июля 1646 г. В ней государь просит у короля выдать опасную (проезжую) грамоту для послов Баима Федоровича Болтина и Федора Степанова⁴²³, который впоследствии он был заменен дьяком Осипом Семеновичем Пустынниковым. С ними было еще двое подьячих: Федор Порошин и Иван Лукин⁴²⁴.

Прежде чем обозначить цели и задачи данного посольства, целесообразно рассмотреть его предысторию. После несостоявшейся свадьбы королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны русско-датские отношения были под угрозой. Однако в 1644 г. А.Л. Ордин-Нащокин смог установить, что Дания не стремится ссориться с Россией. К тому же, она была скована борьбой со Швецией⁴²⁵ – естественным противником Московского государства. После смерти Михаила Федоровича Романова 17 августа 1645 г. в Данию были отправлены в качестве гонцов дворянин Василий Петрович Апраксин, а также подьячий Юрий Зяблой и толмач Нечай Дрябин с уведомлениями о кончине царя, о восшествии на престол Алексея Михайловича и об отпуске королевича Вальдемара и датских послов. Аудиенция с королем состоялась 27 октября, а 2 ноября была составлена ответная грамота, с которой посланники вернулись в Москву 19 января 1646 г. Король поздравлял Алексея Михайловича с восшествием на престол и выражал намерение о доброй дружбе⁴²⁶.

⁴²² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 227.

⁴²³ Грамота царя Алексея Михайловича к королю датскому Христиану IV. № 849 (795). 1646 г. 17 июля // Датский Архив / Собр. и ред. Щербаочев Ю.Н. М., 1893. С. 229.

⁴²⁴ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 227.

⁴²⁵ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е.В. Чистяковой, сост. Н.М. Рогожин. М., 1989. С. 64.

⁴²⁶ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 226.

Во время пребывания русской миссии в Копенгагене произошел эксцесс: гонцов три недели держали в городе и не давали им отпускную аудиенцию, а напротив места их проживания была поставлена виселица. Более того, Василия Апраксина приняли не по прежнему обычаю, король не сам взял грамоту у посла и не спросил о здравии государя⁴²⁷. Это послужило причиной недовольства московского правительства. Вследствие этого 12 февраля было решено отправить посольство, в состав которого должны были войти князь Петр Федорович Волконский и вышеупомянутый дьяк Федор Степанов. Но оно было отменено, и 19 июля в Данию были отправлены в качестве гонца подьячий Максим Лихачев и толмач Карп Карпов. Доставленная ими грамота сообщала о намерении вскоре отправить очередное посольство из-за того, что гонец Василий Петрович Апраксин «*не по чину и обряду принят в Копенгагене*»⁴²⁸. Максим Лихачев и Карп Карпов прибыли в Копенгаген 3 сентября 1646 г., однако прием у короля состоялся лишь 7 ноября, когда была вручена грамота от Алексея Михайловича. 12 ноября им был дан ответ, в котором король пояснил что Василий Апраксин был принят как гонцы других государей и сообщил о готовности принять посольство⁴²⁹. Гонцы отправились в Москву 15 ноября и прибыли туда 18 января 1647 г. Они привезли проезжую грамоту для будущих послов⁴³⁰. Данный документ гарантировал право послам не просто проезжать по территории страны назначения, но и получать материальное обеспечение на местах⁴³¹.

Именно по этой проезжей грамоте и был отправлен Баим Болтин в Данию. Учитывая сложившееся положение, ему было важно на этот раз требовать от принимающей стороны соблюдения всех процедур. И при этом

⁴²⁷ Грамота царя Алексея Михайловича к королю датскому Христиану IV. № 849 (795) 1646 г. 17 июля. Москва // Датский Архив. С. 229.

⁴²⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 226.

⁴²⁹ Грамота короля датского Христиана IV к царю Алексею Михайловичу. № 851 (797). 1646 г. 12 ноября. Копенгаген // Датский Архив. С. 230.

⁴³⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 226.

⁴³¹ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. С. 20.

ему необходимо было, во-первых, «уверить короля в дружбе и любви к его датскому величеству», во-вторых, подтвердить мирный договор, заключенный в 1562 г., при этом имя московского государя должно было стоять перед именем датского короля⁴³².

Московская дипломатия тщательно следила за правильностью упоминания титула царя. «Братьями», то есть равными, признавались далеко не все монархи даже суверенных государств. Применительно к упомянутому мирному договору царь Иван Грозный настаивал на том, что датские короли не равны ему по статусу и категорически отказывался даже от формального приравнивания⁴³³.

Перед отправкой в Данию послы, «быв 14 июля у государевой руки», имели личную встречу с государем. 15 июля была отправлена верительная грамота датскому королю для «послов дворянина наместника серпуховского Баима Федоровича Болтина и Осипа Семенова Пустынникова»⁴³⁴. Затем 8 августа они выехали из Москвы. Прибытие в Копенгаген состоялось 9 октября 1647 г. 22 октября и 2 ноября их принимал король Христиан IV. Однако на требование послов относительно последовательности упоминания монархов в договоре был дан отказ с мотивировкой «...почитая непристойным и невозможным делом больше учинить великому российскому князю, нежели европейским государям, к коим всегда в договорах его королевский титул первое занимает место». Посольство Болтина 7 ноября 1647 г. покинуло Копенгаген. Известно наименование судна, на котором они отправились в путь – «Серый волк». Данный корабль был заблаговременно подготовлен к отправке именно русских послов⁴³⁵. 19 декабря прибыло в Ригу, а 17 января 1648 г. (на следующий день после свадьбы царя) вернулось в Москву. Болтин передал ответную грамоту Христиана IV, в которой

⁴³² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 227.

⁴³³ Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется... М., 1988. С. 18.

⁴³⁴ Грамота царя Алексея Михайловича к королю датскому Христиана IV № 853 (799) - 1647 г. 15 июля. Москва // Датский Архив. С. 230.

⁴³⁵ Письмо короля датского Христиана IV к гофмейстеру Ульфелъду. № 854 (800). 1647 г. 15 октября. Фредериксборг // Датский Архив. С. 230–231.

выражалось несогласие с требованием подтверждения мирного договора, в котором его имя будет стоять ниже имени московского государя⁴³⁶.

В период пребывания посольства Болтина в Копенгагене королем были составлены грамоты, которые были переданы с гонцом Давидом Бахерахтом, прибывшим в Москву 28 марта 1648 г. Вероятно, они согласовывались с Баимом Болтиным. В первой грамоте от 30 октября Христиан IV просил Алексея Михайловича вернуть из сибирской ссылки иностранца Вильяма Беренблея, который, по мнению датской стороны, был туда сослан без вины. Во второй, также составленной 30 октября, просилась помощь датскому торговцу Габриелю Марселису в отстаивании своих прав в споре с его контрагентами. В третьей грамоте от 7 ноября – просьба выдать упомянутому Давиду Бахерахту 3844 ефимок (русское обозначение западноевропейского серебряного талера) «...за иск его». Также в грамоту, судя по всему, было добавлено примечание к первой грамоте относительно судьбы Вильяма Беренблея. Выяснилось, что последний был рожден в России и поэтому являлся подданным московского государя, ввиду чего царь был волен поступать с ним, как считает нужным, о чем и сообщалось в третьей грамоте⁴³⁷.

Последние сведения о Болтине как о придворном относятся к августу – сентябрю 1649 года. 25 августа к Москве прибыли послы польского короля и великого князя литовского Яна Казимира. Послами были каштелян Чеховский Дебеслав Чеклинский, подкоморий Мстиславский, подвоевода Смоленский и Жердовский староста Петр Каземир Вяжевич, королевский секретарь и Варшавский стольник Петр Галинский. В тот же день были отправлены новые приставы для послов (московские приставы встречали послов на подступах к городу и сменяли тех, кто сопровождал посольство по стране⁴³⁸). Баим Болтин и дьяк Василий Ушаков были назначены

⁴³⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 227.

⁴³⁷ Там же. С. 227.

⁴³⁸ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 27.

приставами⁴³⁹. Приставами, сопровождавшими послов иностранного государства, назначались обычно московские чины или выборные дворяне из городов. Они передавали послам приглашения явиться к государю и сопровождали их от посольского двора прямо до государя. Их титулы должны были быть соотнесены с титулом прибывшего посла. Наиболее четкое соотнесение было как раз с титулами послов Речи Посполитой⁴⁴⁰. Мы не видим знатных фамилий среди польских послов, однако можем отметить их достаточно высокие должности. Так, каштелян по значению шел за воеводой и мог замещать последнего в его отсутствие⁴⁴¹. Также мы видим подвоеводу (второго воеводу) и старосту в списке послов. Все эти должности соотносились с прошлой службой Баима Болтина, который также был вторым воеводой и вторым человеком Конюшенного приказа.

Приставы Болтин и Ушаков встретили посольство на тверской дороге «...у *Гонной слободы*». Вместе с приставами было 300 человек подьячих из приказов, дворовых людей и конюхов, которые ехали перед послами до посольского двора⁴⁴². У Тверских ворот и по пути следования посольства их встречало несколько тысяч человек: стольников, стряпчих, дворян московских, дьяков, жильцов, подьячих и стрельцов из всех приказов, рейтаров, а также торговый люд. Все служилые люди были разбиты по сотням. Брат Баима, упомянутый ранее Аверкий, был в числе сотенных голов у дворян⁴⁴³.

Государь пригласил послов в Грановитую палату на встречу 27 августа. Баим Болтин и Василий Ушаков также были приставами. Как полагается, было три встречи по пути к палате. У красного крыльца их встречали Андрей Львович Плещеев и дьяк Нехороший Фирсов. В сенях – стольник князь

⁴³⁹ Записная книга Московского стола 1648, сентябрь – 1649, август // РИБ. Т. 10. С. 474–471.

⁴⁴⁰ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 36.

⁴⁴¹ *Веревкин-Шелюта В.* Каштелян // Великое Княжество Литовское. Энциклопедия / Гл. ред. Т.У. Бялова. Минск, 2005. Т. 2: Кадетский корпус–Яцкевич. С. 79.

⁴⁴² Записная книга Московского стола 1648, сентябрь – 1649, август // РИБ. Т. 10. С. 471.

⁴⁴³ Там же. С. 472.

Андрей Иванович Хилков и дьяк Никита Головин. У дверей – князь Петр Андреевич Хилков и дьяк Василий Яковлев. Посольские дары объявлял окольничий князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский. В качестве переводчика выступал посольский думный дьяк Михаил Дмитриевич Волошенинов. После приветствий он объявил послам, что «...государь их послов жалуует от своего царского стола яствою и питьем»⁴⁴⁴. Вероятно, во время этой встречи не было никаких конкретных обсуждений.

Баим Болтин и Василий Ушаков были приставами на период всего пребывания послов в Москве. Следующая встреча состоялась 30 августа, но уже в малой золотой палате⁴⁴⁵. Судя по всему, именно тогда были оглашены требования польского короля. 2 сентября была встреча в ответной палате⁴⁴⁶, в которой, вероятно, был дан ответ Алексея Михайловича. На этих встречах обсуждалось вступление на престол Яна Казимира, смерть короля Владислава, а также вопрос ратификации Поляновского мирного договора. Подтверждение договора польской стороной не было принято в Москве, так как в ней неверно был указан титул московского царя⁴⁴⁷. Отпуск послов состоялся 6 сентября в малой золотой палате: «А приставы у литовских послов были прежние ж: Баим Болтин да дьяк Василей Ушаков»⁴⁴⁸.

Последние годы службы Баима Болтина были связаны с городом Тобольском. Он был назначен туда вторым воеводой на длительный срок. И это удаляло пожилого Баима Болтина от царского двора. Возможно, молодому царю Алексею Михайловичу нужны были новые люди при дворе. Подтверждением этому является упомянутая отправка Болтина послом в Данию и отставка его с поста ясельничего. Однако стоит упомянуть тот факт, что Сибирское воеводство было очень прибыльным назначением.

⁴⁴⁴ Там же. С. 473–474.

⁴⁴⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 128–130; Записная книга Московского стола 1648, сентябрь – 1649, август // РИБ. Т. 10. С. 474.

⁴⁴⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 134; Записная книга Московского стола 1648, сентябрь – 1649, август // РИБ. Т. 10. С. 474–475.

⁴⁴⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. С. 126.

⁴⁴⁸ Записная книга Московского стола 1648, сентябрь – 1649, август // РИБ. Т. 10. С. 475–476.

Соответственно, отставка от двора не стала причиной ухудшения его материального положения.

Имеется определенная сложность с датировкой сроков его пребывания в Сибири. Так, между назначением и фактическим прибытием в Тобольск могло пройти несколько месяцев. Дорога из Москвы проходила, как правило, через города Муром, Казань, Пермь, Тюмень⁴⁴⁹.

Точно можно определить лишь месяц официального назначения. В росписи воевод по городам от 1652 г. Баим Болтин был назначен вторым воеводой. Первым воеводой был князь Василий Иванович Хилков⁴⁵⁰. Также в Тобольск были отправлены дьяки Иван Обобуров, Григорий Углев, письменные головы Иван Леонтьевич Полуехтов и Никифор Иванович Елдезин⁴⁵¹. Относительно годов пребывания Баима Болтина в Тобольске у С.Ф. Платонова имеется опечатка: указаны 1662–1663 гг.⁴⁵²

Одновременно с ним в Томск вторым воеводой был назначен младший брат Баима – Аверкий Федорович Болтин, ранее бывший патриаршим стольником, воеводой в Саратове в 1644–1646 гг., он также принимал участие в придворных мероприятиях⁴⁵³. Возможно, Баим и Аверкий следовали вместе до Тобольска, а назначение Аверкия воеводой в богатую Сибирь было связано с высоким положением его старшего брата.

В 1654 г. вторым воеводой в Тобольске уже числился Иван Иванович Гагарин⁴⁵⁴. Более точные даты пребывания Баима Болтина в Тобольске сообщает Сибирский летописный свод: *«И во 160-м же году мая с 17 числа...»*. Так же точно определена дата отъезда Баима Болтина из Тобольска: *«Во 162-м году марта в 26 день приехал в Тобольск на Баимово место*

⁴⁴⁹ Вировец С.В. Московско-Сибирский тракт: история самой большой в мире сухопутной магистрали // САПР и ГИС автомобильных дорог. 2019 № 2(13). С. 66–72.

⁴⁵⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 328, 363.

⁴⁵¹ ПСРЛ Т. 36. Сибирские летописи. С. 100 (ошибка – Иван Федорович Болтин), 158.

⁴⁵² Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор. С. 25.

⁴⁵³ Рабинович Я.Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История, Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255.

⁴⁵⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 446.

*Болтина воевода князь Иван Иванович Посной Гогарин. А Баиму Болтину велено ехать тотчас к Москве по князь Васильеву челобитью Хилкова. Баим в 28-м числе и поехал»*⁴⁵⁵. Вероятно, князь Василий Хилков не желал видеть в товарищах дворянина Баима Болтина. Также можно предположить, что причиной отъезда Баима Болтина было участие в походе Алексея Михайловича на Смоленск в 1654 г. Сибирский летописный свод сразу после сообщения об отъезде Болтина содержит следующую запись: *«Того ж 162-го году мая во 18 день бысть первый поход. Двигся великий государь царь и великий князь всея Алексей Михайлович всея России под Смоленск против недруга своего Яна Казимира, короля полсага»*⁴⁵⁶. Помимо Баима Болтина Тобольск покинул письменный голова Никифор Елдезин, которому было велено отправиться в Тюмень и сменить там воеводу Ивана Веригина⁴⁵⁷.

Итак, Баим Болтин был в Тобольске с 17-ого мая 1652 г. по 28 марта 1654 г. в качестве второго воеводы. У нас нет точных сведений о том, чем он конкретно занимался в годы службы. Однако, мы можем пойти на небольшое допущение и рассмотреть события в Тобольске, происходившие в этот период, которые не могли пройти мимо внимания воевод.

Наибольший интерес представляет для нас пребывание опального протопопа Аввакума в Тобольске. Как известно, 16 сентября 1653 г. Сибирский приказ поручил Сибирскому архиепископу Симеону по прибытии Аввакума в Тобольск определить его к церкви, чтобы тот продолжил службу в качестве священнослужителя. В 1653 г. он еще не был лишен сана. Известно, что Симеон во многом доверял опальному протопопу и поручал ему важные дела во время его пребывания в Тобольске⁴⁵⁸.

Сибирские летописи не упоминают Аввакума, однако нами было замечено косвенное указание на назначение его протопопом Вознесенского

⁴⁵⁵ ПСРЛ. Т. 36. С. 158.

⁴⁵⁶ Там же. С. 158.

⁴⁵⁷ ПСРЛ Т. 36. С. 269, 325.

⁴⁵⁸ *Поньрко Н.В.* Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова. Тексты, статьи комментарии. СПб., 2010. С. 256.

собора: «Да в том же году перосвященны епископ Симион посветил в Тобольску протопопов в Вознесенской собор и в Успенской девичь монастырь...»⁴⁵⁹. Данный фрагмент относится к 1652 г. и содержится в Есиповской летописи. Вполне вероятно, что в тексте летописи имеется ошибка с датировкой такого назначения. К примеру, там же Баим Федорович Болтин назван Иваном (речь идет о назначении воевод в Тобольск в 1652 г.)⁴⁶⁰.

Аввакум вполне мог застать Баима Болтина в Тобольске. Появление такого человека не могло пройти без внимания воеводы. В житии, составленном протопопом, несколько раз упоминаются воеводы Тобольска, с которыми он контактировал, однако без указания имен: «Мучился я, от них бегаючи, с месяц. Иной раз тайно в церкви ночью, иной раз уйду к воеводе»⁴⁶¹. Здесь имеется в виду, что Аввакум в Тобольске претерпевал гонения от недоброжелателей и иногда укрывался от них у воевод. Но, судя по всему, это было не во время воеводства Баима Болтина, а при его преемнике – князе И.И. Гагарине.

Анализируя делопроизводственный материал, мы обнаружили несколько событий, к которым Болтин мог иметь отношение. К примеру, сохранились сведения из так называемых «разборных»⁴⁶² книг, в которых помимо прочего фиксировалось рассмотрение споров относительно законности верстания земель, закрепленных за служилыми людьми. Чаще всего причиной рассмотрения являлся переход служилого человека из низшей на более высокую службу. Так, тобольский сын боярский Иван Калинин Неприпасов был переведен на эту службу из Тарских конных казаков в 1653 г., в результате чего ему был увеличен оклад⁴⁶³.

⁴⁵⁹ ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. С. 100.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ *Поньрко Н.В.* Указ соч. С. 59, 94, 257.

⁴⁶² Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1895. С. 110.

⁴⁶³ Там же. С. 111.

Воеводы в переписке с Сибирским приказом также зачастую решали вопросы назначения служилых людей на те или иные должности. Часто им приходилось собирать так называемые поручные записи. Эти поручные записи составлялись товарищами по службе и отправлялись вместе с отписками воевод в Москву. В них объясняли невозможность явки на суд служилого человека из-за его назначения на службу. К примеру, за период 1652–1653 гг. сохранилось около 60 поручных записей относительно «охочих» служилых людей, нанимавшихся на службу в Даурии⁴⁶⁴.

Воеводы и их подчиненные занимались рассмотрением злоупотреблений служилых людей в небольших острогах. Так, в 1653 г. вышеупомянутый письменный голова Никифор Иванович Елдезин разбирает дело приказчика Нижней Ницынской слободы Верхотурского уезда Григория Загарина⁴⁶⁵.

К компетенции воевод Тобольска в те времена относились также вопросы организации посольств. Например, в период с 1640 по 1652 г. они имели сношения с калмыками, к которым отправлялись в качестве послов дети боярские Меньшой Ремезов (1640 г.), Данила Аршинский (1646 г.), Иван Байгачов (1652 г.). Последний, возможно, был отправлен в период воеводства Хилкова и Болтина⁴⁶⁶.

Отметим еще несколько событий и фактов, к которым наверняка имел отношение Баим Болтин. В Тобольске в тот период ощущалась нехватка служилых людей ввиду активного освоения Сибири. Тобольские дети боярские, стрельцы и казаки регулярно отправлялись в дальние походы. Решение этой проблемы легло на плечи воеводы Василия Ивановича Хилкова. В 1652 г.⁴⁶⁷ он зачислил в корпорацию пеших казаков и стрельцов

⁴⁶⁴ Там же. С. 115.

⁴⁶⁵ Там же. С. 185.

⁴⁶⁶ Там же. С. 214.

⁴⁶⁷ В исследовании Пузанова, имеется ошибка – указан 1651 г. Автор исследовал материалы РГАДА, но, вероятно, допустил ошибку. Василий Иванович Хилков лишь в 1652 г. стал воеводой в Тобольске. См.: Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 328. До

63 человека, поскольку именно этой категории служилых людей не хватало⁴⁶⁸. Это коррелирует с вышеуказанными делами о верстании поместными окладами людей, перешедших на более высокую службу.

Судя по всему, воеводы Хилков и Болтин пересекались в Тобольске с отрядом московского дворянина Дмитрия Ивановича Зиновьева, который был послан весной 1652 г. из Москвы для описания Даурской земли. Его отряд насчитывал 330 человек и состоял из московских стрельцов и служилых людей Тобольского разряда. По крайней мере 70 человек было набрано непосредственно в Тобольске⁴⁶⁹.

Имя Баима Болтина указано вторым в отписках воеводы Василия Хилкова в Сибирский приказ: «об отправке торгового каравана в Цинскую империю и посольства тобольского сына боярского Г. Ушакова к Гундже для вручения жалованья и сбора сведений о Даурии, р. Амуре и о Китайском государстве от 20 августа 1653 г.»; «о возвращении тобольского сына боярского Г. Ушакова от хошоутского тайджи Аблая и об обещании Аблая проводить П. Ярыжкина в Цинскую империю между 3 декабря 1653 г. и 22 января 1654 г.». И в одной отписке в Посольский приказ: «о возвращении толмача П. Семенова от халхаского Цецен-хана Шолоя и об отправке статейного списка в Москву⁴⁷⁰».

Как мы уже отметили ранее, Баим Болтин в срочном порядке покинул Тобольск в конце марта 1654 г. и отправился в Москву для участия в походе на Смоленск. К сожалению, нами не было найдено свидетельств его участия в этом походе в 1654 г.

В 1654–1655 гг. в Москве бушевала чума. Алексей Михайлович после взятия Смоленска 16 сентября 1654 года находился в Вязьме. В феврале 1655

него в 1651 г. воеводой был Василий Борисович Шереметев. См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 268.

⁴⁶⁸ Пузанов В.Д. Службы гарнизона Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2 (25–26). С. 195.

⁴⁶⁹ Там же. С. 195–196.

⁴⁷⁰ Материалы по истории русско-монгольских отношений: Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1974. С. 386, 393, 397.

г. на короткое время посетил Москву и после этого отправился в Смоленск⁴⁷¹. Причиной визита стали беспокойные настроения служилого населения на возвращенных территориях и участвовавшие случаи насилия над мирными людьми⁴⁷². Вполне вероятно, что основной причиной этого стал конфликт новой шляхты, принявшей подданство московского государя, и возвратившихся коренных смоленских служилых людей и их потомков, ушедших отсюда в 1611 г., о которых Баим Болтин упоминал в Хронографе⁴⁷³.

Государь объявил сбор своего государева полка в Вязьме. 17 марта 1655 г. служилые люди должны были сообщить о прибытии и готовиться выступать к Смоленску. О важности мероприятия можно судить по формулировке наказания за неявку на службу в Вязьму: «... *которые из них на нашу службу в Вязьму и по местом, где кому указано быть, тотчас не поедут... им от нас быть в великой опале и в жестоком наказаньи и в разореньи, безо всякой пощады*»⁴⁷⁴. В Вязьме 17 марта чин думного дворянина был пожалован ранее упомянутому Ивану Федоровичу Еропкину⁴⁷⁵ – непосредственному руководителю Баима Болтина в годы Смоленской войны, когда между ними возник конфликт. Дети Ивана Еропкина – Моисей и Артамон – 22 марта получили назначение воеводой и письменным головой соответственно у горских черкас и астраханских татар, которые были при государевом войске под Смоленском⁴⁷⁶. Иван Еропкин в дальнейшем был оставлен в Смоленске в качестве воеводы⁴⁷⁷.

Сам Баим Болтин, как мы указали ранее, получил скромное назначение в составе государева полка: «*Головы сторожи ставить: ... Баим Федоров*

⁴⁷¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 2. Т. X. Стб. 1679.

⁴⁷² Там же. Стб. 1681.

⁴⁷³ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 353.

⁴⁷⁴ Государева грамота в Москву к боярину, кн. Гр. С. Куракину с товарищами о высылке из Москвы всех служилых людей и о посылке грамот о том же городовым воеводам // АМГ. Т. 2. № 642. С. 400–401.

⁴⁷⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 463.

⁴⁷⁶ Там же. Стб. 464.

⁴⁷⁷ Там же. Стб. 472.

сын Болтин...»⁴⁷⁸ у царского шатра. Он указан 10-м в списке из 21 человека, назначенных на этот пост⁴⁷⁹.

Из Вязьмы государь вместе с полком отправился в Смоленск 23 марта 1655 года. По пути он останавливался в селе Семлево в 20 верстах от Вязьмы 24-ого марта, в Болдинском монастыре – 26 марта, в Дорогобуже и деревне Войновщина, что в 12 верстах от него - 27 марта; в деревне Унфове – 28 марта; в селе Стреслы – 29 марта, а 30 марта встал на Девичьей горе у Смоленска. В сам Смоленск государь с полком вошел 31 марта, а уже 1 апреля состоялся стол, в котором приняли участие бояре и окольные «без мест»⁴⁸⁰.

Баим Болтин, вероятнее всего, тоже прошел этот путь. 24 мая 1655 г. государь выступил из Смоленска в Вильну⁴⁸¹. В аналогичной росписи государева полка его имя не числится⁴⁸². На этот счет у нас есть две версии. Первая версия заключается в том, что далеко не все служилые люди занимали такие же посты, как и по предыдущей росписи, что не исключает возможного участия Баима Болтина в походе на Вильну. Другая версия – тяжелая болезнь. Она кажется нам наиболее логичной, если брать во внимание его возраст. В.К. Зиборов указал, что Болтин умер после 1655 г.⁴⁸³

Однако мы можем предположить более точную дату смерти, а именно 1657/1658 гг. В подлинном боярском списке 1656/1657 г. указывается на его смерть, и его фамилия зачеркнута⁴⁸⁴. В Боярской книге 1658 г. имеется

⁴⁷⁸ Там же. Стб. 467.

⁴⁷⁹ Там же. Стб. 467.

⁴⁸⁰ Запись о походе царя Алексея Михайловича из Москвы до Смоленска от 14 марта до 3-го апреля // АМГ. Т. 2. № 641. С. 399–400.

⁴⁸¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 2. Т. X. Стб. 1681.

⁴⁸² Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 472–478.

⁴⁸³ Зиборов В. К. Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» – Сидор) Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 147.

⁴⁸⁴ Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2. С. 35.

приписка «166-го умре»⁴⁸⁵. Принимая во внимание, что в одном из документов могла быть неточность, мы и делаем предположение о приблизительной дате смерти в указанные годы, видимо, в начале 7166 г. (осенью 1657 г.).

Возможно, что Баим Болтин все же принимал участие в походе и прожил еще минимум 2 года, но уже нигде более не имел важных назначений.

В заключении к настоящему параграфу отметим, что Баим Болтин после Смоленской войны 1632–1634 гг. сделал блестящую карьеру. Главные события этого периода его службы – это его посольская деятельность и служба ясельничим, благодаря которой он автоматически стал членом Боярской думы. Отход от активной придворной службы был обусловлен смертью царя Михаила Федоровича и последующей ротацией кадров в новой администрации. Возвышение Бориса Ивановича Морозова, отход от дел князя Алексея Михайловича Львова, вероятного покровителя Баима Болтина, а также возраст самого Болтина стали причинами изменений его статуса при дворе. Других причин нами выявлено не было, противником партии Львов – Морозов он вряд ли мог быть.

В заключении к настоящей главе отметим, что несмотря на пребывание в дьяках, Баим Болтин получал награждения и жалования больше его «коллег» по тем или иным назначениям, будь то воеводство, посольство или же поместный и денежный оклады. В местнических спорах отдавалось предпочтение ему, что также подтверждает его ценность, хотя одним из челобитчиков на Болтина был будущий думный дворянин Ждан Кондырев. Также отметим, что большим достижением человека его происхождения было получение чина ясельничего и членство в Боярской Думе. Со сменой царя новые деятели пришли в управление государством, поэтому уже немолодой Баим Болтин был удален от двора. Но даже удаление от двора в

⁴⁸⁵ Боярская книга 1658 года / Отв. ред. Н.М. Рогожин; подг. текста В.А. Кадик. М., 2004. С. 149.

виде назначения послом в Данию или воеводой в Тобольск сложно назвать недостойным или понижением. Дания считалась стратегическим союзником Московского государства, а Тобольск неформальной столицей Сибири. Все это указывает на ценность Болтина в глазах нового правительства.

Также можно сделать вывод относительно неравенства внутри дворянского сословия. В период правления первых Романовых стала особенно видна конкуренция между дворянами и княжеско-боярской аристократией, а также между родовитыми дворянами и дворянами, имевшими более низкий местнический статус. При царском дворе шла постоянная конкуренция за более выгодные места. Именно в этой обстановке многие дворяне отошли от своих изначальных корпораций и стали приобретать субъектность в более высоких сферах. После Смуты наблюдался отток из уездов наиболее видных представителей выборных дворян в московские чины. Падала роль верхушки уездного дворянства в жизни государства⁴⁸⁶. В Москве формировалась новая элита, которая вступала в конкуренцию со старой. Баим Болтин был примером таких «новых» людей: сначала перешел из выборных в московские дворяне, из московских дворян – в дьяки и обратно, а затем стал важным придворным и членом Боярской думы.

⁴⁸⁶ Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в. С. 346.

Глава 3. Баим Федорович Болтин как автор Столяровского хронографа

§ 1. Автобиографическое начало в Хронографе

В данной главе будет обоснована деятельность Баима Федоровича Болтина как составителя Хронографа. В первую очередь следует проанализировать оба списка упомянутого произведения на предмет упоминания в нем деяний Баима Болтина и его родственников в сопоставлении с данными из иных источников. Именно наличие явного автобиографического элемента позволяет приписать это сочинение известному государственному деятелю XVII века. Затем будут проанализированы иные разделы Хронографа, рассказывающие о событиях Смутного времени, в которых Баим Болтин не мог лично принимать участие, а также будут отмечены авторские особенности повествования.

Список, на который первым обратил внимание А.Н. Попов (РНБ. F IV. 595) и к рассмотрению которого также прибегали С.Ф. Платонов и В.К. Зиборов, изучен достаточно хорошо. Отнесение списка к Арзамасу подтверждается сохранившейся записью: *«Сия книга глаголемая Хронограф Спасского игумена Корнилия что в Арзамасе, а подписал я игумен своею рукою»*⁴⁸⁷. Как уже отмечалось во введении, в данном рукописном сборнике содержатся несколько произведений: Хронограф 1-ой редакции, статьи из Хронографа 1617 г., «Сказание о родословии великих русских государей...», «Царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича», отрывочные заметки из царствования Алексея Михайловича, «О ведомости о

⁴⁸⁷ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. С. 253; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 7–12. При исследовании рукописи из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки ОР РНБ. (F 4. № 595) на обороте листа 6 нами обнаружена запись «Сия книга отца Александра глаголемая хронограф» – запись более поздняя, так как сделана не под текстом, как запись иумена Корнилия, а на обороте. Вероятно, книга перешла после смерти Корнилия отцу Александру. На оборотах первых и последних листов множество черновых записей, сделанных скорописью и арабскими цифрами. Любопытна запись тайнописью на л.73б: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор» – начало молитвы «Богородице О тебе радуется». Запись сделана теми же чернилами, что и запись из Хронографа Баима Болтина, описавшая встречу королевича Вальдемара с его участием.

Китайской земле» и текст, не имеющий заглавия, который Попов пометил как часть неизвестного летописного сочинения⁴⁸⁸. Именно он и был обозначен как «Столяров хронограф», который в данной работе именуется просто Хронографом. Этот список мы будем именовать Список № 1. Оригинал текста хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (F IV. № 595) и расположен на листах 522–582, 643–658. Оба фрагмента не имеют заглавий.

Второй список, являющийся частью большой разрядной книги, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в собрании ОИДР (Ф. 205. № 183). Сам Хронограф расположен на листах 225–297 рукописи (без заглавия, имеется запись на листе 1 «Н. Хивин 27 Марта 1847 года») и вставлен по хронологическому принципу в текст разрядной книги. К его изучению обращался С.А. Белокуров⁴⁸⁹. Однако текст Хронографа интересовал его лишь в рамках Смутного времени, которое он ограничил 1613 годом. Из-за этого Белокуров не обратил внимание на отличия, которые нам представляются важными. Это факт не был учтен С.Ф. Платоновым, писавшим, что тексты обоих списков имеют мало отличий, а обо всех разночтениях было сообщено Белокуровым⁴⁹⁰. Данный список мы обозначим как Список № 2. Он составлен разными почерками XVII века. Далее мы будем прибегать к тройным сноскам на оба списка и публикацию Хронографа.

К разрядной книге, внутри которой содержится Список № 2, обращался исследователь Н.П. Лихачев. Он согласился с П.Н. Милюковым относительно того, что рукопись скомпилирована без учета хронологии, а также содержит множество выдержек из летописных сборников⁴⁹¹. Он выдвинул предположение, что рукопись принадлежала роду Болтиных,

⁴⁸⁸ Попов А.Н. Указ. соч. С. 254.

⁴⁸⁹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 275–277.

⁴⁹⁰ Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 20.

⁴⁹¹ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 334.

поскольку в ней содержалось неоднократное подробное упоминание деятельности представителей этого рода. В частности, на последних листах содержится челобитная Аверкрия Федоровича (родного брата Баима), Ивана Петровича, Ивана и Бориса Иванисовичей (родных племянников Баима), Аверкия и Луки Ивановичей Болтиных, датируемая 1674 годом⁴⁹².

Соответственно, Список № 2 в конечном его исполнении в составе разрядной книги был составлен не раньше 1674 г. Последнее событие книги игумена Корнилия (в которой содержится Список №1) датируется 1668 г.⁴⁹³. Корнилий был игуменом Спасского монастыря в Арзамасе с 1646 по 1661 гг., а вся книга составлена не ранее 70-х годов⁴⁹⁴. Все это не дает нам оснований полагать, что Список № 1 был составлен ранее Списка № 2. Более точное понимание происхождения списков, их соотношения друг с другом по признаку первенства нам может дать сравнительный анализ текстов.

Хронограф Баима Болтина можно выделить из списка частных разрядных книг по причине специфики повествования. С.Ф. Платонов поднял вопрос о том, к какому виду источников отнести данный текст. Известный историк определил его как частную разрядную книгу; это мнение было поддержано также А.И. Маркевичем. В качестве хронографа данный труд был квалифицирован П.И. Мельниковым⁴⁹⁵; А.Н. Попов счел его летописью; В.О. Ключевский назвал оригинальной летописью; С.А. Белокуров полагал, что это разрядно-хронографическая запись⁴⁹⁶. Именно из-за своей неоднозначности Хронограф органично вписался и в разрядную книгу, и в книгу игумена Корнилия (он же Карамзинский / Столяров хронограф). В любом случае автор этого текста имел определенную мотивацию. Какие же причины побудили его взяться за перо?

⁴⁹² Там же. С. 338. ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 339.

⁴⁹³ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. С. 256.

⁴⁹⁴ Зиборов В. К. Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 219–220.

⁴⁹⁵ Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 19.

⁴⁹⁶ Там же. С. 19.

В правление Михаила Федоровича Романова с новой силой после Смуты прослеживается возобновление местнических споров⁴⁹⁷. Этот период характеризуется увеличением количества споров между представителями малоизвестных дворянских родов и уходом с арены местнической борьбы некоторых аристократических фамилий⁴⁹⁸. Для обеспечения своего положения служилые люди сохраняли документы, свидетельствовавшие о достижениях их родственников. В случае местнического спора к ним обращались как к доказательству правоты своей позиции⁴⁹⁹.

В связи с этим представляют интерес частные разрядные книги – систематизированные записи, созданные по образцу официальных разрядных книг частными лицами. Они содержат информацию о родовых заслугах, перечисляют по порядку события, происходящие в конкретный год в государстве, назначения других служилых людей, помещая тем самым представителей своего рода в контекст жизни государства. Документальными источниками для них являлись росписи, указы, грамоты и памяти, полученные во время службы. Авторы, имевшие доступ к документам Разрядного приказа, вносили в свои частные книги выписки из официальных книг. Зачастую сведения переписывали у родственников⁵⁰⁰. Таким образом, информация в частных разрядных книгах может иметь субъективный характер. Описание одного и того же события может отличаться в книгах, имеющих разных авторов. Различия в текстах обусловлены разными способами составления, возможностями и личными интересами их авторов⁵⁰¹.

Поэтому для выявления авторского своеобразия представляется целесообразным проанализировать те места Хронографа, где фигурирует

⁴⁹⁷ *Порай-Кошиц И.А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб., 1874. С. 92.

⁴⁹⁸ *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 130–131.

⁴⁹⁹ Там же. С. 63.

⁵⁰⁰ *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в.: автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 10.

⁵⁰¹ Там же. С. 9.

Баим Болтин, и сравнить с аналогичными сведениями из других источников. Также, исходя из контекста описываемых событий, рассмотрим некоторые фрагменты обоих списков Хронографа и обратимся к некоторым частям из частной разрядной книги Никиты и Григория Зюзиных (родственников Болтина по женской линии) в которых упомянут наш герой (Никита Алексеевич Зюзин – сын родственницы Баима – Федоры (Феклы), о которой мы писали в первой главе). Это позволит выяснить, каким образом служилые люди могли преувеличивать свои заслуги и достижения, а также понять, какова степень этих преувеличений.

Баим Болтин впервые упомянул себя в Хронографе при описании событий, происходивших в 1613–1614 гг. в Поволжье. В Казани в 1614 г. был создан четвертый стрелецкий приказ, насчитывавший 500 стрельцов. Для них было велено организовать отдельную слободу. В 1614/1615 г. Баим был отправлен в Казань в качестве стрелецкого головы вновь созданного приказа: *«И во 123 году у того приказу велено быти в головах Баиму Федорову сыну Болтину»*⁵⁰².

Далее Болтин переходит к весьма подробному описанию поимки Ивана Заруцкого и Марины Мнишек. Так, автор сообщает, что в Астрахань были отправлены служилые люди Нижнего Новгорода и Казани: один Нижегородский стрелецкий приказ и три стрелецких приказа из Казани⁵⁰³. Исходя из содержания Хронографа, действительно, создается впечатление важности такого назначения. Более того, Болтин сообщает подробные сведения о действиях Заруцкого в Астрахани, о расправах с воеводой и местными жителями: *«...казнил околничего князя Дмитриевича Хворостинина, а голову стрелецкова Семена Чюрькина в воду посадил, и*

⁵⁰² Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. М., 1869. С. 360; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 571; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 270.

⁵⁰³ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 361; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 572–573; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 270–271.

мурз и лутчих всяких людей побивал... и животы их имали»⁵⁰⁴; говорится о борьбе правительственных войск с ним: «а с Терка воевода Петр Петрович Головин послал в Астрахань голову Стрелецкого Казанца Василья Данилова сына Хохлова, а с ним стрельцов и казаков пятьсот человек по челобитью и прошенью Астраханских людей»; наконец, сообщается о бегстве Заруцкого, Марины Мнишек и ее сына из Астрахани на реку Яик и их окончательной поимке стрелецкими головами воеводы Одоевского.

Указанные выше события происходили весной 1614 г., а Заруцкий был пойман 25 июня того года⁵⁰⁵. Однако Баим Болтин не мог находиться в это время в Казани и возглавлять оставленный в городе вновь созданный стрелецкий приказ. В это время он был еще в составе войска князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого под Бронницами. Подробное описание похода Трубецкого на Новгород имеется в Хронографе, а дворцовые разряды содержат упоминание о том, что Баим Болтин был послан к государю с донесением о том, что русское войско терпит неудачу и должно отойти от Бронниц⁵⁰⁶. В Казани он не мог оказаться раньше осени 1614 года. На наш взгляд, нелинейность повествования этого фрагмента могла иметь цель создать впечатление причастности Болтина к важным событиям.

И именно здесь возникает предположение о том, что оба дошедших до нас списка Хронографа не являются оригинальными, исходящими непосредственно от автора. Дело в том, что при описании поимки Ивана Заруцкого дважды упомянут Баим Голчин, который был сотенным головой у стрельцов. Именно он принимал участие в пленении мятежного атамана на реке Яик. В публикации Списка № 1 А.Н. Попова имеется неточность, а именно: в первый раз он назван «*Байбай Гольчинъ*», а второй раз «*Баим*

⁵⁰⁴ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 361; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 573; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 271.

⁵⁰⁵ Волков В.А. Война с Заруцким (1613–1614 гг.) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С.А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского. 2016. Липецк, 2016. С. 51.

⁵⁰⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 108.

Голчин»⁵⁰⁷. Действительно, такой стрелецкий голова существовал и принимал участие в описываемых событиях⁵⁰⁸. Однако, обращаясь к Списку № 2, мы обнаружили, что сначала в тексте был в обоих случаях указан Баим Болтин, а затем поверх были сделаны исправления на Голчина⁵⁰⁹ (См. приложение № 1 № 2). Вероятно, переписчик мог спутать двух деятелей. Мы предположили, что Баим Болтин мог указать вместо Баима Голчина себя в авторском тексте Хронографа. Однако при обращении к оригиналу Списка № 1 описок в этом имени не было обнаружено. Там четко читается Баим Голчин⁵¹⁰.

Хотелось бы отдельно остановиться на факте знакомства упомянутого в Хронографе астраханского стрелецкого головы Семена Чуркина, утопленного Заруцким, с Баимом Болтиным. Чуркин упоминался в поместных спорах в Арзамасском уезде, в которых принимал участие Баим Болтин. В 1613 г. Даниил Обатуров отсудил у Баима Болтина деревню Новоселки Арзамасского уезда, которая ранее принадлежала Семену Чуркину⁵¹¹. В 1616 г. в рамках другого дела о деревне Черная того же уезда Болтин предъявил доказательства того, что она передана ему Семеном Чуркиным⁵¹². Сам же Чуркин еще Лжедмитрием II был отправлен в Астрахань стрелецким головой, где и оставался вплоть до смерти⁵¹³. Данный факт любопытен с точки зрения добросовестности приобретения Баимом Болтиным деревень Семена Чуркина. Если в первом случае, еще при жизни Чуркина, подтвердить передачу деревни он не смог, то уже после смерти

⁵⁰⁷ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 361; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 572–573.

⁵⁰⁸ Память стрелецкому голове Голчину, о том чтобы он соединился с стрелецким головою Пальчиковым для преследования на Яике Заруцкаго и Марины. 1614 Июня 15 // АИ. Т. 3. СПб., 1841. Стб. 23–24.

⁵⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 271–272.

⁵¹⁰ ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 572–573.

⁵¹¹ Грамота к губному старосте об отказе поместья Дан. Обатурову // № 384 - 1613 – 121 гг. 9 августа // АПА. М., 1915. С. 499.

⁵¹² Дозорная книга поместья Ив. Левашова. № 404 – 1616 – 124 гг. 25 августа. // АПА. С. 569–570.

⁵¹³ Грамота к губному старосте об отказе поместья Дан. Обатурову. № 384 - 1613 – 121 гг. 9 августа // АПА. С. 499.

владение деревней не вызвало вопросов. Учитывая, что во время и после Смуты имелаась практика присваивания себе чужих имений, представляется вполне вероятным, что Болтин забрал себе деревни Чуркина. Однако подтвердить это предположение у нас нет возможности.

Подтверждением гипотезы о том, что у обоих списков Хронографа имеется протограф, послужило найденное нами в Списке № 2 описание службы Баима Болтина на Тереке. Начиная с листа 272 Списка № 2, имелось множество вставок и целых фрагментов относительно росписи воевод по городам, в том числе с частым упоминанием назначений в Арзамас и иных городов Понизовья и южного Поволжья⁵¹⁴. Также оригинал Списка № 1 в этом месте разрывается (Хронограф в источнике разделен на два фрагмента). В сравнении с повествованиями о службе иных воевод фрагмент с описанием терской службы Баима Болтина значительно больше и занимает почти всю страницу: *«И во 129 году сентября в 9 день на Терек приехал воевода Баим Федорович Болтин а велено ему быти с Никитой Вельяминовым да с Баимом же присланы из понизовых городов из Свияжского и с Чебоксар и иных городов из Свияжского ратные люди дети боярские да сотники девятьсот человек стрельцов для гордowego и острожного дела по государеву указу на Тереке велено город и острог новый поставити. И во 129 году ратные люди низовых городов и терские всякие служивые люди на Терке город новый и острог поставили. И во 130 году низовых городов дети боярские сотники и стрельцы отпущены по своим городам где кто служит. И во 129 году июля в 15 день приехал на Терек воевода Степан Иванович Волынской на Микитино место Вельяминова а Миките велено быти к Москве а воеводе Баиму Федоровичу Болтину велено на Терке быти со Степаном Волынским. А на Тереке головы письменной голова Микита Никифоров сын Щадрин да у конных стрельцов Мосей Черкашенинов, у пеших стрельцов Данила Васильев сын Кольцов, у пеших казаков Григорий Игнатьев сын Федорчуков. Да из Астрахани голова стрелецкой Яков Протопопов. А во 130 и 131 году на*

⁵¹⁴ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 272–289.

*Тереке воевода Степан Иванович Волынской да Баим Федорович Болтин и во 131 году в июле на их место приехали на Терек воеводы князь Юрий Дмитриевич Хворостинин да Петр Агеев сын Абернибесов...»*⁵¹⁵ (См. приложение № 3). В публикации Списка № 1 такое описание отсутствует. Учитывая, что в Хронографе имеется много вставок сугубо разрядного характера, а в указанном фрагменте с 272 по 289 лист (большая часть которого отсутствует в Списке № 1) все же встречаются пересечения со Списком № 1, мы делаем вывод, что пропущенный фрагмент о терской службе был написан Болтиным и внесен им в Хронограф. Указанные же фрагменты разрядного характера с л. 272 по л. 289 вполне могли также принадлежать ему, ввиду географии описанных назначений и последовательности их помещения в тексте Хронографа.

В пользу существования протографа говорит и выявленные Л.Е. Морозовой в Новом летописце заимствования из Хронографа⁵¹⁶. Новый летописец был составлен в 1630-х годах. Текст Хронографа еще Платонов разделил на две части, отличные друг от друга (до правления Михаила Федоровича и период его правление)⁵¹⁷. Соответственно та часть Хронографа, что описывает Смутное время вполне могла быть составлена раньше остального текста и стать источником для Нового летописца. Тем более, Морозова указывает на то, что фрагмент про Смуту, описываемый в Новом летописце, имел прямые заимствования, а описание последующих событий скорее имеют сходство с Хронографом по причине общего источника для обоих текстов⁵¹⁸.

Как уже отмечалось, самым важным событием в службе Баима Болтина является его участие в Смоленской войне в качестве второго воеводы на северском направлении и взятие Новгород-Северского под его непосредственным руководством. Это событие нашло отражение в

⁵¹⁵ Там же. Л. 281.

⁵¹⁶ Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000. С. 334–366.

⁵¹⁷ Платнов С.Ф. Столяров хронограф и его автор. С. 22.

⁵¹⁸ Морозова Л.Е. Указ. соч. С. 360, 366.

дворцовых разрядах, разрядных книгах и других источниках. В Хронографе Болтин подробно описал свой подвиг. Это описание не оставляет сомнений в том, что Хронограф был создан с целью описания заслуг Болтина, поскольку в сравнении с другими фрагментами произведения этот является наиболее крупным, посвященным конкретному событию с описанием мелких деталей. Разумеется, столь знаковое событие не могло быть описано без определенных смещений акцентов повествования.

Болтин не упомянул воеводу Ивана Еропкина, который сменил умершего первого воеводу Федора Плещеева⁵¹⁹. Причинами этому, скорее всего, являются недовольство Болтина таким назначением и дальнейший конфликт между воеводами вплоть до оскорблений Еропкиным Болтина, о чем мы сообщали ранее⁵²⁰. Иван Еропкин также отличился в северском походе, взяв Стародуб⁵²¹, но о нем в Хронографе не сказано ни слова.

В Хронографе завышено звание командующего обороной Новгород-Северского – урядника Яна Кунинского. Он именуется полковником, однако сам Баим Болтин в своей челобитной государю с просьбой выплатить ему денежное жалование (уже после указанных событий) именует его не полковником, а капитаном⁵²².

Болтин не оставил без внимания своего родственника Семена Ждановича Болтина, указав его в качестве сотенного головы, который, командуя ертаулом, вступил в бой с вышедшим навстречу литовским отрядом в городских посадах⁵²³.

Также имеется отличие в количестве пленных, отправленных в Москву после захвата города. В Хронографе отмечена численность в 205 человек,

⁵¹⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 310.

⁵²⁰ *Ракитин А.С.* Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи Посполитой в период Смоленской войны (1632-1634 гг.). М., 2021. С. 71.

⁵²¹ Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 384.

⁵²² Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного окладов за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб., 1890 № 512. С. 484–487.

⁵²³ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 369; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 645.

однако имеются сведения о большей численности отправленных пленных – 405 человек⁵²⁴. Объяснить это различие мы можем лишь тем, что отправка пленных проводилась в два этапа и по какой-то причине Болтин решил упомянуть отправку лишь половины. Данное действие может показаться нелогичным. Само по себе это отличие не может служить опровержением авторства Болтина, но остается вопрос относительно причины такого решения.

В списке «Е» дворцовых разрядов отмечена отправка Баима Болтина в Москву при перечислении воевод в Стародубе: «*В Стародубе стольник и воеводы: Федор Матвеев сын Бутурлин, да Иван Федоров сын Еропкин; [Е: а Баима Болтина взяли к Москве]*»⁵²⁵. Разумеется, он отправился в Москву не из Стародуба, а из Новгород-Северского, но любопытно, что упоминание было вставлено именно в этот фрагмент.

Еще одним существенным отступлением от действительности является упоминание И.Г. Бобрищева как воеводы, посланного в Новгород-Северский на место самого Болтина⁵²⁶. Формально Бобрищев-Пушкин занял место первого воеводы – Ивана Еропкина, о чем писалось в первом параграфе второй главы настоящей работы. Хотя фактически он сменил Баима Болтина, но для служилых людей была важна эта формальность, и если бы его отправили на место второго воеводы, то Бобрищев-Пушкин мог бы начать местнический спор. Также Баим Болтин неточно указал время прибытия воеводы – февраль⁵²⁷, хотя в действительности его прибытие состоялось 18 января.

После описания событий в Новгороде-Северском Баим Болтин сообщает о распределении воевод в Москве при угрозе набега Крымских татар летом 1633 года. Он сам был назначен воеводой в Симонов монастырь.

⁵²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11 (Столбцы Новгородского стола). Д. 27. Л. 247.

⁵²⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 341.

⁵²⁶ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 370; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 646; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 389

⁵²⁷ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 370; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 646; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 389.

До нас дошел подробный список воевод, задействованных в обороне Москвы, насчитывающий несколько десятков назначений⁵²⁸. Однако Баим Болтин ограничился упоминанием наиболее именитых служилых людей, таких как Б.М. Лыков, И.Ю. Плещеев, Д.М. Пожарский, а также четырех менее известных: дьяк Марко Поздеев (упомянутый вместе с Лыковым и Плещеевым), В.И. Толстой Шарп (в товарищах с Д.М. Пожарским), И.И. Баклановский, С.Ф. Глебов. Болтин сообщает и о людях, что были под его руководством: «...а с ним ратные люди и с московскими стрельцами сотник Денис Петров сын Золотарев»⁵²⁹. Любопытна также очередность перечисления воевод, а именно то, что Болтин поместил себя вслед за Д.М. Пожарским. Примечательно, что согласно Хронографу Д.М. Пожарский стоял «за Яузой», а по списку из разрядных книг он стоял «по Коломенской дороге», а за Яузой были другие воеводы.

Наиболее интересным уточнением, введенным Болтиным, является описание того, кто возглавлял ту или иную сотню. Сам Болтин был головой у стольников и стряпчих; Богдан Васильевич Кондырев, Тимофей Сидорович Желябовский и Семен Васильевич Чаплин – у дворян московских, Андрей Тимофеевич Лазарев был головой у городских дворян и у детей боярских. В месте, где был указан голова у жильцов, имеется прочерк⁵³⁰. В этой части есть расхождение с дворцовыми разрядами. В них не указано, кто конкретно возглавлял ту или иную сотню, однако имеется информация о заменах в составе голов, случившихся по причине болезни. Болтин занял место Григория Андреевича Олябьева, который действительно числился первым в списке. Помимо него по болезни не смог присоединиться к посольству Семен Васильевич Чаплин, чье место занял Ждан Васильевич Кондырев⁵³¹. Тут любопытно три момента: во-первых, Болтин намеренно скрыл факт замены,

⁵²⁸ Книги Разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 515–526.

⁵²⁹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 372; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 648; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 290.

⁵³⁰ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 374; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 652; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 293.

⁵³¹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 357–358.

во-вторых, он указал заболевшего Чаплина в числе сотенных голов Московских дворян, в-третьих, упомянул не указанного в дворцовых разрядах Тимофея Желябовского, а также изменил имя Ждан на Богдан у Кондырева. В том, что Болтин возглавлял стольников и стряпчих, практически нет сомнений ввиду последовательности, в которой сотенные головы указаны в дворцовых разрядах, где Болтин, как мы ранее видели, назван первым.

Учитывая высокую важность посольства, такое назначение, хотя и незапланированное, было весьма почетным для Баима Болтина. Любопытна одна из указанных разрядных записей, сообщающая о пребывании Баима Болтина в сходе воевод в Можайске в марте 1634 года. Это примечание из второго тома дворцовых разрядов, размещенное под столбцами 393 и 394. Данный фрагмент был специально выделен из основного текста разрядов, так как содержит нигде более не повторяющуюся информацию, обозначен как «список Е». Это пример частной разрядной записи. Авторами ее являются братья Никита и Григорий Зюзины⁵³². Учитывая то, что пребывание Болтина в Можайске весной 1634 г. не отражено в иных источниках, можно предположить, что он был внесен в этот список именно вследствие родства с составителями. Уже в упомянутых встречах послов из разных стран также имелись вставки из списка «Е», которые конкретизировали должность Баима Болтина не просто как дьяка (как он упоминался в иных списках), но как дьяка Новгородской чети⁵³³, которыми он являлся на самом деле в тот период.

Как сообщалось ранее, местнический спор с участием Баима Болтина состоялся в 1634 г.⁵³⁴ во время подготовки посольства в Варшаву с целью приведения короля Речи Посполитой Владислава к крестному целованию по случаю заключения Поляновского мирного договора. Великими послами были назначены боярин князь Алексей Михайлович Львов, думный дворянин

⁵³² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. 30.

⁵³³ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 222, 251.

⁵³⁴ Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 134.

Степан Матвеевич Проестев, думный дьяк Михаил Данилов, дьяк Иван Переносов. С ними также было три стольника и дворяне. Баим Болтин был первым в списке дворян⁵³⁵. Посольству также поручалось договориться о передаче русской стороне тела царя Василия Шуйского, и забрать оригинал договора об избрании на русский престол Владислава IV от 27 августа 1610 года. О неудаче в исполнении последней миссии Баим Болтин в Хронографе не сообщает, но подробно описывает возвращение тела царя, его брата Дмитрия Ивановича с супругой⁵³⁶.

Во фрагменте Дворцовых разрядов, описывающем посольство, имеется вставка из списка «Е», рассказывающая о возникшем местническом споре. На Баима подали челобитную дворяне, указанные в списке сопровождавших князя А. М. Львова: Илья Васильевич Наумов и Ждан Васильевич Кондырев. Они считали, что по своему местническому статусу они должны стоять выше Болтина, на что государь ответил, что им всем следует быть без мест⁵³⁷. Так как пребывание Болтина в дьяках не раз припоминали ему дворяне, то занесенные Зюзиными сведения о решении государя по этому местническому делу были важны для Баима Болтина.

В Хронографе данный местнический спор не указан. Между тем сам ход посольства, пребывание в Польше и возвращение обратно описаны там подобно. Мазуринский летописец, также подробно сообщает нам об этих событиях⁵³⁸. Автор Хронографа указал, что стольникам и дворянам было выдано жалование в двойном размере, а кроме того деньги на расходы по 130 рублей и по 40 соболей на сумму 50 рублей⁵³⁹ (которые нужно было преподнести королю в дар), что вполне соответствует действительности⁵⁴⁰.

⁵³⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 404; *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 375; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 293–294.

⁵³⁶ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 377; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 656; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 296.

⁵³⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 404.

⁵³⁸ ПСРЛ. Т. 31. Мазуринский летописец. М., 1968. Л. 279. С. 163.

⁵³⁹ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 376; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 654; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 295.

⁵⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 11–14.

В 1637 г. Болтин должен был принимать участие в размежевании земель с литовской стороной в районе Путивля. В Хронографе не имеется упоминаний об этом. В Дворцовых разрядах это событие освещено лишь в списке «Е», который сообщает, что в Путивль государь отправил окольничего князя Федора Федоровича Волконского, Баима Федоровича Болтина и дьяка Никифора Шипулина⁵⁴¹. Перечисленные судьи указаны и в иных источниках⁵⁴².

Вероятно, размежевание в 1637 г. не состоялось, из-за чего те же межевые судьи были направлены в Путивль в 1642 году. Это событие уже нашло отражение в Хронографе. Здесь Баим Болтин перечислил лишь основных межевых судей – вышеупомянутых князя Ф.Ф. Волконского и дьяка Никифора Шипулина. Себя же Баим Болтин упомянул как наместника Серпуховского и назвал свою должность при дворе – ясельничий. Стоит отметить, что с литовской стороны в посольстве принял участие черниговский староста Ян Куницкий, который командовал обороной Новгород-Северского. Это же указано в Мазуринском летописце⁵⁴³. Аналогичные титулы Баим Болтин приписывал ранее послам (Ф.И. Шереметьев при посольстве на Поляновку именовался Псковским наместником, а А.М. Львов – наместником Ярославским⁵⁴⁴, Ф.Ф. Волконский при размежевании – Муромским⁵⁴⁵). Это делалось в соответствии с посольским обычаем для соотнесения статуса русских послов титулам польских послов⁵⁴⁶, которые всегда имели в своем титуле привязку к тому или иному городу. Прочих участников размежевания (дворяне Кузьма Андреевич Трусов, Василий Протасов, Иван Васильевич Кафтырев, Иван

⁵⁴¹ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 538.

⁵⁴² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. М., 1897. С. 120.

⁵⁴³ Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. С. 163.

⁵⁴⁴ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 373–374; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 651.

⁵⁴⁵ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 378; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 657.

⁵⁴⁶ *Юзефович Л. А.* Как в посольских обычаях ведется... М., 1988. С. 36.

Степанович Волков, Василий Васильевич Стрелков, Тимофей Васильевич Исканский, жильцы Никита Андреевич Загоскин и Андрей Поликарпович Полтев⁵⁴⁷) Болтин не упомянул, хотя ранее при перечислении участников посольства на Поляновку и в Варшаву перечислил второстепенных членов посольства, которым он и сам тогда являлся. Также он не упомянул о выигранном им местническом споре с Кузьмой Трусовым⁵⁴⁸. Из содержания Хронографа следует, что размежевание не удалось: «...а земель ничево не размежевали за упрямою Литовских судей...»⁵⁴⁹.

Также хотелось бы отметить, что данный фрагмент Хронографа, а именно с 11 строки 378 страницы до 23 строки той же страницы Списка № 1, вошел в Мазуринский летописец, который дословно повторил описание процесса размежевания⁵⁵⁰. Из Хронографа и летописца мы можем узнать конкретное место размежевания – «Куколчелон», этимологию которого нам не удалось выяснить, так как оно более нигде не упоминалось. Так как Мазуринский летописец затрагивает события 1682 г., то, скорее всего, он был составлен позже книги игумена Корнилия.

Однако уже это событие в Списке № 2 Хронографа не отражено. Текст его прерывается. За ним следуют разрядные записи, местами разрозненные, а имя Баима Болтина появляется еще два раза:

В росписи воевод по городам в разрядной книге, содержащей Список № 2, Баим указан в Тобольске в 1652 г., что соответствует действительности⁵⁵¹. Запись вполне соответствует разрядной, и нет оснований ее отождествлять с Хронографом.

⁵⁴⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 682.

⁵⁴⁸ Там же. Стб. 683; Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексея / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2002. С. 300–307.

⁵⁴⁹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 378; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 657.

⁵⁵⁰ Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. С. 163.

⁵⁵¹ ОР. РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 304.

На листе 334 мы обнаруживаем любопытное сведение о посылке ясельничего и наместника Серпуховского Баима Федоровича Болтина в Данию в 1647 г. в качестве посла. С ним упомянуты двое его родственников: стряпчий Иван Иванисович Болтин, который был его родным племянником, и жилец Иван Яковлевич Болтин⁵⁵², вероятно, дальний родственник из потомков Ивана Меньшого Болтина, к которым принадлежал и упоминаемый ранее Ждан Петрович Болтин (сам Баим был из числа потомков Ивана Большого, жившего в конце XV – начале XVI в.). Запись любопытна тем, что Баим Болтин не был на тот момент ясельничим, а информативность ее ниже, чем у аналогичных фрагментов, описываемых Болтиным. Она не содержит подробностей о посольстве и во многом напоминает обыкновенную разрядную запись. Учитывая явную фальсификацию в том, что наш герой указан как ясельничий, можно предположить, что автором этой записи мог выступить кто-то из родственников. Вероятнее всего, Иван Иванисович Болтин – один из заказчиков росписей Болтиных⁵⁵³. Это последнее упоминание Баима Болтина в разрядной книге, содержащей список № 2.

На обороте листа 334 и на листе 335 имеется запись о приказе государя Федора Ивановича Афанасию Васильевичу и Ждану Петровичу Болтиным – быть в 1592 г. на службе в немецком походе. Там они возглавили отряд в 40 человек казанских помещиков. Им следовало прибыть в Великий Новгород. Также упоминается поместный и денежный оклады в размере 400 четей и 50 рублей Федора Остафьева Болтина, судя по всему, принявшего участие в походе (данный представитель рода нам нигде ранее не встречался)⁵⁵⁴. Упоминание о службе Ждана и Афанасия нашло свое отражение в родословных росписях Болтиных⁵⁵⁵. На листе 123 имеется упоминание о

⁵⁵² Там же. Л. 334.

⁵⁵³ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века // Российская генеалогия. № 4. 2018. С. 101.

⁵⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 334–335.

⁵⁵⁵ Пудалов Б.М. Указ. соч. С. 112.

Болтиных, которые служили в государевом полку в период с 1550 г. по 1556 г., что также нашло отражение в росписях⁵⁵⁶.

Как указывалось выше, на 339 листе имеется челобитная от 1674 г., в которой упоминаются братья Иван и Борис Иванисовичи. Содержание челобитной сводится к тому, что московские Болтины просили государя считать саранского помещика Федора Семеновича Болтина и иных Болтиных, служащих в Малом Ярославце, «...не нашего роду...» ввиду их бесчестного, на их взгляд, поведения (в частности пьянства Федора Семеновича)⁵⁵⁷. Вероятно, Аверкий Федорович, Иван и Борис Иванисовичи Болтины имели прямое отношение к разрядной книге, содержащей Список №2. А будучи заказчиками росписей рода Болтиных, они могли использовать текст Хронографа для их составления. По крайней мере нам это видится наиболее логичным. Б.М. Пудалов указал, что первоисточником к росписям мог выступать текст конца 1670-х годов⁵⁵⁸. Заказчики росписей маловероятно могли располагать Списком № 1, чью принадлежность мы обозначили. Зато могли обладать Списком № 2 и иными записями из разрядной книги, где не было упоминания размежевания под Путивлем и встречи Вальдемара 1644 г. Соответственно, это можно трактовать в пользу предположения о наличии оригинального списка Хронографа, до нас не дошедшего. Мы не указываем, что Хронограф и есть тот самый гипотетический текст, обозначенный Б.М. Пудаловым, поскольку родословные росписи – куда более обширный документ в части временного охвата событий. Мы указываем на то, что составители росписей могли располагать оригинальным списком Хронографа, который частично лег в основу составления росписей, изученных Пудаловым. Дело в том, что во всех трех росписях Баиму Болтину уделено больше всего внимания. Составителям проще всего было бы взять

⁵⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 123; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 338; *Пудалов Б.М.* Указ. соч. С. 102.

⁵⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 339; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 338.

⁵⁵⁸ *Пудалов Б.М.* Указ. соч. С. 101.

это из одного источника⁵⁵⁹. И, как следствие, информация из Хронографа могла попасть в роспись, внесенную в Разрядный приказ (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18. Д. 109 – подана Аверкием Болтиным⁵⁶⁰). Эта роспись и вошла в Бархатную книгу⁵⁶¹.

Последний раз Баим Болтин упомянул себя в Списке № 1 при описании встречи королевича Вольдемара в 1644 году. Участие Баима Болтина в ней подтверждается сведениями из Дворцовых разрядов. Болтин вместе с дьяком Григорием Пятовом встречали «с санми» и были указаны отдельно от прочих⁵⁶². В Хронографе имеется более подробное описание этих событий и роли Баима Болтина: *«А с государевыми санми королевича встретив за Земляным же городом яселничей Баим Федорович Болтин, а с ними за санми шли государевы стремянные и задворные конюхи, и как с государевыми санми королевича Вольдемара яселничей Баим стретил и королевичу Волдемару говорил речь, что государь его королевича жалуя прислал под него свои государевы сани. И королевич Вольдемар на государеве жалованье на санях бил челом и сев в государевы сани, ехал в санях в город в Кремль на Борисовский двор»*⁵⁶³. Болтин подробно изложил свою роль, без приукрашиваний. Однако в сравнении с описанием роли других людей во встрече этот фрагмент больше остальных, что мы уже ранее встречали. Кроме того, это событие не упоминается ни в одной из росписей рода Болтиных, а также не содержится в Списке № 2.

На этом событии Хронограф прерывается. Что мы имеем относительно списков Хронографа? Список № 1 содержит ряд сведений, не указанных в

⁵⁵⁹ Упомянуто и в росписях, и в Хронографе: Терская, Новгород-Северская службы, воеводство в Симоновом монастыре, посольство по заключению Поляновского мирного договора (на Поляновку и в Варшаву), размежевание в Путивле, служба ясельничим. Упомянуто в Хронографе, но не упомянуто в росписях: Казанская служба, встреча Вальдемара. Упомянуто в росписях, но не упомянуто в Хронографе – посольство в Данию, Тобольская служба (все то, что и не вошло в Хронограф).

⁵⁶⁰ Пудалов Б.М. Родословные росписи Болтиных конца XVII века. С. 99.

⁵⁶¹ Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII века. М., 1996. С. 99.

⁵⁶² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 722.

⁵⁶³ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 379.

Списке № 2. А именно тех, которые касаются событий размежевания земель в 1642 г. под Путивлем, встречи Вальдемара. В свою очередь Список № 2 содержит подробное описание Терской службы Болтина и его службу после 1644 г., чего нет в Списке № 1. Однако лишь в описание Терской службы мы видим руку Баима Болтина. Разрядная книга, в которой содержится Список № 2, содержит ряд записей, авторами которых выступали иные представители рода и которые, вероятно, были составлены после смерти Баима Федоровича (в частности, описание посольства в Данию с указанием Баима Болтина в качестве ясельничего больше подходит именно под преувеличение со стороны Ивана Иванисовича). Таким образом, мы можем заключить, что у списков Хронографа имелся свой протограф, автором которого и был Баим Федорович Болтин.

После смерти Михаила Федоровича Романова Баим Болтин оставил пост ясельничего. Следующим ясельничим 9 ноября 1646 г. был назначен Ждан Васильевич Кондырев⁵⁶⁴, который ранее вел местнический спор с Болтиным перед посольством в Варшаву. Болтин 21 января 1647 г. был назначен послом в Данию (в списке послов указан первым), откуда он вернулся только спустя год, в январе 1648 года⁵⁶⁵. Последние сведения о нем как о придворном относятся к августу – сентябрю 1649 г., когда он был приставом у польских послов⁵⁶⁶. Далее следует воеводство в Тобольске (вторым воеводой)⁵⁶⁷ и участие в Польском походе 1655 г. Алексея Михайловича⁵⁶⁸, после чего сведения о Болтине исчезают из источников. Можно сделать предположение, что Хронограф был составлен после смерти Михаила Романова для обеспечения своих местнических прав и сохранения места при дворе нового государя. Но со смертью Михаила Федоровича Романова, как мы видим, все же произошло удаление Баима Болтина от

⁵⁶⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 49–50.

⁵⁶⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 227.

⁵⁶⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 129–130.

⁵⁶⁷ Там же. Стб. 328, 363.

⁵⁶⁸ Там же. Стб. 467.

двора, хотя новые назначения нельзя назвать унижающими его достоинство. Стоит обратить внимание на то, что составленная частная разрядная книга братьев Никиты и Григория Зюзиных заканчивается на 1645 год⁵⁶⁹. Таким образом, вероятно, и родственники Болтина также стремились обеспечить свое положение при дворе нового царя.

Подводя итог параграфу, следует выявить авторские методы преувеличения собственных заслуг.

Во-первых, Болтин не прибегал к фальсификации фактов в ключевых моментах (кроме одного предположения о присвоении заслуг по поимке Ивана Заруцкого). Он действительно имел отношение к событиям, которые упомянул в Хронографе. Однако в его описании имеются незначительные преувеличения (к примеру, капитан Кунинский упомянут как полковник).

Во-вторых, Болтин делает акценты на своих заслугах и подробно описывает события как значительные, так и малопримечательные с собственным участием, конкретизируя свою роль в них. При этом замечено явное умалчивание заслуг других лиц, участвующих в тех же событиях (самое явное – отсутствие сведений о первом воеводе Иване Еропкине – руководителе Болтина в Северском походе).

В-третьих, имеется стремление поместить себя не только рядом с именитыми лицами, но и указать себя в контексте событий, к которым он не имеет никакого отношения (самое явное – это помещение себя после Д.М. Пожарского при угрозе набега крымских татар на Москву).

Отдельно стоит отметить упоминание Болтина в частной разрядной книге его родственников. Каких-либо существенных преувеличений ими внесено не было. Однако братья Зюзины упомянули Болтина при несостоявшемся размежевании земель под Путивлем в 1637 г., в приказе о возвращении из Новгорода-Северского в Москву в 1633 г., участии в сходе воевод под Можайском в 1634 году. Эти события малозначительны. С другой стороны, ими были упомянуты победы Болтина в местнических спорах, что

⁵⁶⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. XXX.

уже имеет больший вес. Анализ оригинального текста списка «Е» позволил бы подробнее изучить вопрос о различиях с другими источниками.

Вероятно, по мнению автора Хронографа Баима Болтина, такое описание своих заслуг должно было обеспечить его положение при дворе. Насколько последующая служба его устраивала, к сожалению, нам не известно и, как следствие, не ясно, выполнил ли Хронограф свое назначение.

Анализ хронографа и фрагментов частной разрядной книги его родственников по матери (братьев Никиты и Григория Зюзиных) в сравнении с более объективными данными позволил нам выявить определенные особенности субъективного отражения информации в источниках такого рода. К ним мы отнесли незначительные искажения и преувеличения, смещение акцентов повествования, стремление поставить себя ближе к видным государственным деятелям, явно комплементарный характер описания собственных заслуг. Более того, вовсе не обязательно было помещать себя в контекст повествования, если в том событии автор не играл важную роль.

Вторым итогом наших наблюдений является гипотеза о наличии изначального списка Хронографа, который и послужил первоисточником для двух указанных списков. Им, вероятно, пользовались Аверкий Федорович, Иван и Борис Иваноисовичи Болтины для составления родословных росписей, одна из которых вошла в Бархатную книгу. Наиболее ценной находкой мы считаем найденный нами фрагмент описания терской службы Баима Болтина в Списке №2, который ранее нигде не фигурировал.

§ 2. Взгляд автора Хронографа на события Смутного времени

В данном параграфе будут рассмотрены особенности описания в Хронографе событий Смутного времени. Мы сопоставим тексты с иными источниками и постараемся выявить специфику текста, а также укажем на «следы» авторства Баима Болтина.

Первое событие, описанное в Хронографе, – это поход 1604–1605 гг. в «Кумыцкую землю», завершившийся разгромом русского войска под командованием воеводы Ивана Михайловича Бутурлина на Карамановом поле. Осенью 1604 г. Борис Годунов в ответ на просьбы кахетинского царя Александра II отправил три стрелецких полка вместе с казаками и ногайцами на помощь в борьбе с кумыкскими феодальными владетелями, которых поддержала Османская империя. Сам Александр должен был прислать свои войска на соединение с Бутурлиным и вести совместную борьбу против кумыков⁵⁷⁰, но не сделал этого. Изначально московское войско достигло успеха, заняв ряд населённых пунктов, в том числе города Тарки и Койса. Но в итоге Бутурлин потерпел поражение: в ходе сражения на Караманском поле недалеко от Тарков и при отступлении было потеряно почти все войско. Подробно об этом походе сообщали Н.М. Карамзин⁵⁷¹, С.М. Соловьев⁵⁷² и В.А. Потто⁵⁷³. Мы же остановимся на особенностях изложения событий в источниках.

Баим Болтин не раскрыл в Хронографе предысторию описываемых событий и начал повествование со слов: *«Лета 7112 году царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии послал с Москвы в Кумыцкую землю в*

⁵⁷⁰ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1: 1578–1613 гг. М., 1889. С. 426, 427, 481.

⁵⁷¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб., 1824. Т. 11. С. 60–72.

⁵⁷² Соловьев С.М. История России с древнейших времён. СПб., 1896. Кн. 2 Т. VIII. Стб. 712.

⁵⁷³ Потто В.А. Кавказ до Петра // Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 1: От древнейших времён до Ермолова. С. 9–14.

*Тарки воевод своих, а велел Кумыцкую землю завладеть»*⁵⁷⁴. Предыстория похода известна из летописных источников, которые сообщают об адресованной царю Борису Годунову просьбе грузинского правителя о помощи в борьбе с кумыками⁵⁷⁵. В этом лаконизме уже проявляется отличие Хронографа от летописных источников, в которых последовательное описание событий позволяет определить причинно-следственные связи, которые в свою очередь проливают свет на политическую направленность той или иной летописи. Объяснение событий с какой-то конкретной точки зрения является нормой для летописания⁵⁷⁶.

Почему Баим Болтин начал повествование именно с этого события? Учитывая, что он нес службу до 1613 г., как мы выяснили, он гипотетически мог быть там. Но в таком случае он наверняка упомянул бы об участии своей служилой корпорации (арзамасских дворян) и более подробно назвал бы выживших людей, отошедших с поля боя, имея для этого достаточно сведений. В любом случае, учитывая характер повествования в Хронографе и то, что Болтин, если и был в числе новиков в том походе, едва ли стал бы об этом говорить ввиду малозначительности своей роли. Собрать подробности о походе в Кумыцкие земли Болтин мог во время своего воеводства в Терках в 1621–1623 годах⁵⁷⁷. Однако подробность повествования вынуждает нас оставить открытым вопрос относительно его участия в этих событиях.

Весьма подробные сведения о событиях в кумыцких землях 1604–1605 гг. имеются в «Новом летописце», фрагмент которого так и называется – «О посылке и побое в Торках». Летописный текст выдержан в стиле, явно прославляющим доблесть и отвагу воеводы Ивана Михайловича Бутурлина и ратных людей: *«Той же храбрый, мужественный воевода Иван Михайлович*

⁵⁷⁴ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 321; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 225.

⁵⁷⁵ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича. Издан по списку кн. Оболенского. М., 1853. С. 56–57; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 57–58.

⁵⁷⁶ Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. / Отв. ред. В. И. Буганов. М. 1986. С. 4.

⁵⁷⁷ Книги Разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 459, 484.

*Бутурлин... ни единому человеку живо въ руки не датися и бяхуся с ними, яко же всем поганым дивитися их мужеству и храбрости»*⁵⁷⁸. Аналогично представлено описание тех событий в «Летописи о многих мятежах и разорении Московского государства»⁵⁷⁹. Относительно последнего источника стоит отметить, что он является образцом официального летописания и во многом похож на «Новый летописец», во многом опираясь на него. Однако он составлен приблизительно в 1656–1657 гг. (на 25 лет позже «Нового летописца») и призван обосновать необходимость самодержавной власти царя Алексея Михайловича⁵⁸⁰.

В отличие от летописного текста Хронограф, хотя и отмечает мужество воевод и ратных людей, но все же имеет более сухой стиль повествования и содержит в себе мелкие подробности боевых действий, чего нет в «Новом летописце». Хронограф упоминает о взятии Тарков, о дальнейших боевых действиях в кумыкских землях и о зимовке войска Бутурлина в Тарках. Также описано взятие Коисы войсками Султан-Махмуда (кумыкского предводителя), предшествовавшее Караманской битве. Летописные источники больше внимания уделяют не самому походу, а итоговому сражению. Хронограф повествует о том, что кумыки возвели земляную насыпь, чтобы проникнуть в город: «...вели гору земляную, чтоб им горою воити в город»⁵⁸¹. Сложившаяся ситуация побудила воеводу Владимира Тимофеевича Долгорукого покинуть Койсу и отойти морем в Тарки. Один из наиболее любопытных фрагментов Хронографа повествует о приходе кумыков к Таркам: «Турской папа и Кумыцкой Сынкаль с Турскими и с Кумызкими со многими людми с вогненным боем пришли под город Тарки и у государевых ратных людей и стада конские отогнали и город Тарки осадили

⁵⁷⁸ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 57–58.

⁵⁷⁹ Щербатов М.М. Летопись о многих мятежах. М., 1788. С. 68–70.

⁵⁸⁰ Ляпин Д.А. «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии Российского государства середины XVII в. // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 167.

⁵⁸¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 323; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. С. 226–227.

на крепко и к каменной вышке которая стояла на горе подле моря, приметали деревянную гору и подвели подкоп и поставили зелья, и вышку зелием взорвало, а государевых служивых людей побиле которые на вышке сидели»⁵⁸². Здесь явно имеется опечатка в тексте: в самом начале цитируемого фрагмента имелся в виду «Турской паша». Эти и ряд других подробностей не нашли отражения в летописных или разрядных источниках. Затем речь идет о том, как стороны конфликта начали договариваться о выходе русского войска из города. Дальнейшее вероломное нападение на вышедшее в степь войско Бутурлина и само Караманское сражение также описаны в Хронографе⁵⁸³. Таким образом, можно констатировать, что Хронограф имеет достаточно высокую ценность как источник о походе Бутурлина в кумыкские земли и о Караманском сражении, поскольку содержит ряд подробностей, не изложенных в летописи, и, по сути, является более полным источником. Стилистика изложения отличается в сторону делового, сухого повествования.

С.А. Белокуров в работе «Разрядные записи за Смутное время» неоднократно приводил сведения о походе Бутурлина, однако преимущественно в виде перечисления воевод и их назначений⁵⁸⁴. Соответственно, фрагмент из Хронографа занимает промежуточное положение между сугубо разрядным повествованием и летописным по части стилистики.

Фрагмент Хронографа, посвященный походу в Кумыкские земли, завершается перечислением погибших воевод и командиров и рассказом о пленении выживших. Пожалуй, тут данный источник уступает летописным. Например, в Хронографе не сказано, что попавший в плен стрелецкий голова Смирной Маматов принял ислам, после чего его передали русской стороне,

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. С. 131, 210–211, 218, 229, 261.

где тот был подвергнут пыткам и сожжен⁵⁸⁵. Баим Болтин указал, что погибли Иван Михайлович Бутурлин, его младший сын Федор, воеводы Осип Плещеев и Иван Полев, сообщил о пленении раненого воеводы Владимира Ивановича Бахтеярова-Ростовского и Петра Ивановича Бутурлина (старшего сына главы русского войска), а также о пленении письменных и стрелецких голов, о гибели и пленении множества ратных людей. И хотя в начале Хронографа Болтин перечислил поименно второстепенных командиров, он в конце не уточнил, кто из них погиб, а кто попал в плен⁵⁸⁶. Летописный источник здесь более точен. Так, мы знаем, что погибли письменные головы Калинин Зюзин, Демид Черемин, Иван Исупов. Также имеется упоминание о гибели детей Осипа Плещеева – Богдана и Льва. В плену же оказались вышеупомянутый стрелецкий голова Смирной Маматов и письменный голова Афанасий Благой⁵⁸⁷.

Сравнивая схожие между собой фрагменты Хронографа и Нового летописца, Л.Е. Морозова заметила, что в Хронографе текст как правило более информативен, что и послужило одним из оснований считать его источником для Нового Летописца⁵⁸⁸.

Подводя итог, отметим, что в Столяровском хронографе имеются некоторые сведения, не отраженные в летописных текстах и разрядных записях. По подробности изложения и объему информации данный источник близок к летописному. Однако стилистика изложения менее эмоциональна. Акцент делается не на доблести воевод и русского войска, а на фактах. Содержание фрагмента не противоречит иным источникам, а дополняет их. Объективность изложения, на наш взгляд, обусловлена тем, что Хронограф составлялся частным лицом, не имевшим прямого отношения к описываемому событию. Скорее всего, ряд сведений был получен Баимом

⁵⁸⁵ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича. Издан по списку кн. Оболенского. С. 56–57.

⁵⁸⁶ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 323; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 226–227.

⁵⁸⁷ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 57–58.

⁵⁸⁸ Морозова Л.Е. Указ. соч. С. 345–346, 354, 361.

Болтиным в Терках, где в 1621–1623 гг. он был воеводой, что объясняет наличие уникальных сведений, возможно, полученных от очевидцев. Это повышает доверие к тексту. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что рассмотренный нами фрагмент – ценный источник о неудачном походе Ивана Михайловича Бутурлина в Дагестан.

В повествование о событиях в кумыкских землях Баимом Болтиным был вставлен фрагмент исключительно разрядного характера и практически не имевший отношения к походу Бутурлина: *«Лета 7113 на Терке был воевода Степан Васильевич Кузмин Караваяев. Того же году в Асторахани был воевода Михайло Богданович Сабуров да князь Василей Михайлович Лобанов Ростовской. Того же году в Смоленску был боярин и воевода князь Василей Карданукович Черкасской, да Григорей Игнатъевич Вельяминов Зернов, да князь Гаврило Каркадинов. 113 году в Казани боярин и воеводы князь Иван Иванович Голицын да Василей Яковлевич Кузмин Кораваяев, да дьяк Алексей Шапилов...»*⁵⁸⁹. Данные сведения отражены и в Разрядных записях за Смутное время, однако имеется несколько отличий. Так, Баимом Болтиным не был упомянут второй воевода в Терках – князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский. В свою очередь в разрядной записи второй воевода в Астрахани указан с фамилией Лобанов, а не Лобанов-Ростовский. Аналогичное отличие имеется и в именовании второго воеводы в Смоленске, указанный в разрядной записи с фамилией Вельяминов, когда в Хронографе указан Вельяминов-Зернов. Однако Болтин не указал отчество князя Гаврилы Каркадинова (Семенович). В Разрядных записях за Смутное время первый воевода в Казани – Иван Васильевич Голицын⁵⁹⁰. Баим Болтин упомянул своего родственника Мирослава Зюзина в качестве воеводы Сунженского острога. Данный острог располагался при впадении реки Сунжи в Терек. В 1605 г. он был оставлен русскими войсками и сожжен, как и Койсинский

⁵⁸⁹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 322; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 225.

⁵⁹⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. С. 115–116.

острог⁵⁹¹. О пребывании Мирослава Зюзина в нем также свидетельствуют разрядные записи за Смутное время Белокурова⁵⁹². В списке № 2 Хронографа имеется описка относительно названия острога: переписчик текста перепутал Сунженский острог и Сумский острог⁵⁹³, который расположен при впадении реки Сумы в Белое море, и указал последний как место службы Мирослава Зюзина.

В свете вышеупомянутого сообщения становится понятно, почему Болтин начал свой Хронограф с этого события и вставил роспись воевод по городам в него. Как неоднократно отмечалось, Зюзины являлись ему родственниками по женской линии, поэтому в соответствии с предполагаемыми целями составления Хронографа упоминание данного события является логичным и призвано указать на заслуги членов рода. Однако во фрагменте о походе И.М. Бутурлина в кумыкские земли Болтин не упоминает Сунженский острог. Помимо Мирослава Зюзина, как мы указывали выше, в числе погибших письменных голов в Караманской битве был еще один представитель рода Зюзиных – Калинин. Таким образом, двое родственников Баима Болтина принимали участие в событиях похода в кумыкские земли.

Далее в Хронографе начинается обширный фрагмент, повествующий о появлении и приходе к власти Лжедмитрия I: *«Во 113 же году за грехи всего православнаго христианства в Литве у Островских князей назвался царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси сыном царевичем Дмитрием Ивановичем всея Руси вор Гришка Розтрига, Галеченина сына боярскова Богдана Отрепьева сын»*⁵⁹⁴. Баим Болтин допустил неточность в обозначении появления самозванца. Григорий Отрепьев сначала действительно объявился у князей Острожских, но оттуда ему пришлось

⁵⁹¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). М., 1963. С. 288.

⁵⁹² Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 177.

⁵⁹³ ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 225.

⁵⁹⁴ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 323; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 524; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 227.

уехать и уже затем раскрыть свою личность при дворе князя Адама Вишневецкого. Все это произошло не в 1604/1605 г., а в 1603 г. Трактовка появления самозванца по причине божественного проведения соответствует летописной традиции того времени. Аналогичный подход мы видим в Пискаревском летописце: «*В лета 7111 поущением божиим и наветом вражиим за грехи наша восташа некий юноша именем Гришка, роду детей боярских Отрепьевых...*»⁵⁹⁵. Такие формулировки применялись современниками Баима Болтина в повести князя Семена Ивановича Шаховского: «*За премногие грехи наши бог оставляет нас...*»⁵⁹⁶ и в повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского: «*Богу поущающу за многия грехи наша*»⁵⁹⁷.

Соответствует общепринятой стилистике и обозначение самозванца. В Хронографе Баим Болтин именует его «*Гришка Рострига*», «*Рострига*» или «*Гришка Отрепьев*». Иногда к нему применялось слово «вор». Иные летописные источники именуют его «*Рострига*», «*Гришка Отрепьев*», «*окаянный Гришка*».

Описание раннего периода жизни Григория Отрепьева и его появления в Польше выглядит достаточно сжатым на фоне аналогичного повествования в указанных нами летописных текстах.

Авторские сочинения о Смутном времени не описывали польского короля Сигизмунда III в негативном ключе. Так, ни Баим Болтин, ни Иван Михайлович Катырев-Ростовский вовсе не упоминали польского короля в событиях, связанных с появлением Лжедмитрия. В повести Семена Ивановича Шаховского Сигизмунд III упоминается в совершенно нейтральном ключе при приеме Григория Отрепьева. Официальное летописание предусматривало значительно более резкое отношение к нему.

⁵⁹⁵ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 205

⁵⁹⁶ Шаховской С.И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков / Вступительная статья Д. Лихачева. Сост и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. С. 367.

⁵⁹⁷ Катырев-Ростовский И.М. Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. СПб., 1908. Стб. 10.

Так, в «Новом летописце» имеются следующие слова: *«Король же Жижимонт и вся рада, не бояся праведного суда Божия и не помня крестного целования... тако ж и сий крестопреступник Жижимант»*⁵⁹⁸, *«желаючи разорения Московскому государству, явную ложь его на истину обращаху и обещаху ему помощь дати против Московскаго Царя...»*⁵⁹⁹. Пискаревский летописец высказывается о Сигизмунде в нейтральном ключе. Несмотря на это, мы можем проследить очевидное сходство между авторскими произведениями в части упоминания польского короля: составители описывали его кратко и нейтрально либо вообще стремились обходить его стороной.

Все приведенные нами источники говорят о роли Сандомирского воеводы Юрия Мнишека, в том числе и Хронограф Баима Болтина. Стоит отметить, что повести князя Катырева-Ростовского⁶⁰⁰ и князя Шаховского⁶⁰¹ сообщают о договоренности относительно женитьбы Григория Отрепьева и Марины Мнишек и дальнейшем венчании ее на Московский престол в качестве супруги царя Дмитрия Ивановича. Пискаревский летописец сообщает о такой договоренности также при описании пребывания самозванца в Польше⁶⁰². Особняком стоят оба списка «Нового летописца» и Хронограф Баима Болтина, в которых нет упоминания о такой договоренности в аналогичных фрагментах повествования.

Достаточно детально описывает Баим Болтин продвижение самозванца и его сторонников по юго-западным территориям Московского государства: *«... и собрався Поляки и Литва, пошли к Московским украиным городом к Монастырску и к Чернигову и к Путимлю и к Новугородку Северскому и ко иным городом... и к нему же все города пристали и крест ему целовали Рылеск и Куреск и Бельгород и Царев Борисов и Кромы и Камарецкая*

⁵⁹⁸ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 61.

⁵⁹⁹ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича. Издан по списку кн. Оболенского. С. 61.

⁶⁰⁰ Катырев-Ростовский И.М. Указ. соч. Стб. 12.

⁶⁰¹ Шаховской С.И. Летописная книга. С. 369.

⁶⁰² Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 206.

*волость многолюдная и бошая и огненова бою было много...»*⁶⁰³. Более подробный перечень городов сообщает лишь «Новый летописец», добавляющий к вышеупомянутому списку города Старый Оскол и Валуйки⁶⁰⁴ (современная Белгородская область). Стоит отметить, что описание Комарицкой волости как многолюдной и полной людьми, имеющими огнестрельное оружие, имеется лишь в Хронографе Баима Болтина. Судя по всему, автор не мог не отразить в своем сочинении имеющийся у него личный опыт ведения боевых действий в данном регионе в 1632 г., командуя непосредственно потомками тех самых жителей волости, имеющих огнестрельное оружие. Сообщается и о том, что жители изменивших городов брали в плен своих воевод и передавали их самозванцу, однако конкретные города и имена воевод Болтин не сообщает в отличие от иных источников.

В.Н. Козляков справедливо сослался на этот фрагмент Хронографа при изучении служилого «города» как самостоятельного актора. Решения о присяге самозванцу принималось целыми городами, но последнее слово было за теми, кто имел в руках оружие – именно служилые люди. Измена Борису Годунову тулян, рязанцев, коширян во время осады Кром также свидетельствует о появившейся самостоятельности дворянских корпораций⁶⁰⁵.

У Болтина имеется короткое сообщение об измене донских и волжских казаков: *«Да к нему ж с Дону и Волги пришли многие воры казаки, чаяли ево прямым царевичем Дмитрием Ивановичем всеа Руси»*⁶⁰⁶. Из исследуемых нами источников лишь «Новый Летописец» обоих списков сообщает подробности перехода казачества на сторону самозванца с упоминанием

⁶⁰³ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 323–324; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 524–525; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. С. 227–228.

⁶⁰⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 62.

⁶⁰⁵ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 26.

⁶⁰⁶ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 323–324; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 524–525; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 227–228.

имени предводителя – атаман Корела⁶⁰⁷. Частные летописи и Пискаревский летописец также ограничились лишь упоминанием о таковой измене. Более подробное изложение измены Донских казаков мы видим в «Летописи о многих мятежах»⁶⁰⁸.

При описании действий московского правительства против самозванца стилистика Хронографа Баима Болтина стала больше походить на разрядные записи. Летописные источники довольно скупо описывают воевод, которые были назначены Борисом Годуновым по полкам для похода на северские земли против неприятеля. Переход к разрядному стилю повествования был осуществлен вводным предложением: *«И царь Борис Федорович против того вора еретика Гришки Отрепьева и против Польских и Литовских людей послал на встречу своих государевых бояр и воевод со многими ратными людьми и с возненным боем»*. Далее последовало перечисление воевод по полкам, которое совпадает с разрядными записями⁶⁰⁹: *«В большом полку бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстиславской, да боярин князь Василей Иванович Шуйской, да князь Ондрей Одреевич Телятевской, в правой руке боярин князь Дмитрий Иванович Шуйской, да князь Михайло Федорович Кашин, в передовом полку князь Василей Васильевич Голицын, да боярин Михайло Глебович Салтыков, в сторожевом полку околничей Иван Иванович Годунов да князь Михайло Самсонович Туренин, в левой руке околничей Василей Петрович Морозов, да князь Лука Осипович Щербатой. А в Новгородке Северском в осаде сидели бояре и воеводы князь Микита Романович Трубецкой да Петр Федорович Басманов»*⁶¹⁰. Далее у Баима Болтина встречается ряд повторов и нелинейность повествования относительно сражений правительственных войск и войска самозванца. Практически дословно повторяется обширное описание (на несколько

⁶⁰⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 61; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича. Издан по списку кн. Оболенского. С. 61.

⁶⁰⁸ Щербатов М.М. Летопись о многих мятежах. С. 79–80, 85–86.

⁶⁰⁹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 154.

⁶¹⁰ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 324; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 525; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 228.

страниц) награждения царем князя Федора Ивановича Мстиславского, которого в сражении от 21 декабря 1604 г. ранили в голову⁶¹¹. В результате сражения войско самозванца было вынуждено оставить попытку захватить Новгород-Северский и отойти в Путивль, о чем также сообщается в Хронографе. Нелинейность повествования заключается в том, что вслед за описанием сражения от 21 декабря 1604 г., идет упоминание сражения от 20 января 1605 г. и после этого автор Хронографа отправляет нас к событиям декабря и ранения князя Федора Ивановича Мстиславского.

Количество упомянутых потерь, понесенных войском самозванца от правительственных войск, идентично как в разрядных записях, так и в Хронографе: «*А убито Литовских людей и Черкас 13 тысяч*»⁶¹². Разрядные записи несколько уточняют потери, а именно, что 13 тысяч человек погибло литовцев и черкас: «*...кроме Русских людей, кои государю изменили*»⁶¹³. О потерях в количестве 7 тысяч человек одних только черкас сообщает «Летопись о многих мятежах»⁶¹⁴. Все это, разумеется, далеко от правды. Даже если представить, что суммарные потери и литовцев, и русских, и черкас составили 13 тысяч человек, то можно было бы говорить о полном подавлении восстания. Ввиду мобилизационной способности того времени мы условно можем говорить о том, что количество вооруженных людей могло бы составлять 13 тысяч человек, но, скорее всего, это преувеличение. В отличие от разрядных записей, где указаны Добрыничи, Баим Болтин сообщает нам о другом месте сражения от 20 января 1605 г., а именно он называет Комарицкую волость под селом Челмыжем⁶¹⁵.

⁶¹¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 324–327; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 525; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 227–232; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время С. 170–171.

⁶¹² Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 325; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 526; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 229.

⁶¹³ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 172.

⁶¹⁴ Щербатов М.М. Летопись о многих мятежах. С. 83.

⁶¹⁵ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 325; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 526; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 229.

В «Изборнике славянских и русских сочинений и статей», где был опубликован Список № 1, приведены иные хронографические записи: «Продолжение Хронографа редакции 1617 года по списку 1647г.», «Из Хронографа Сергея Кубасова», «Их Хронографа Архиепископа Пахомия» и другие. Анализируя эти и другие хронографические произведения, мы находим много общего в стилистике изложения и способе перечисления событий и лиц, имевших к ним отношение. При этом мы полностью согласны с А.Н. Поповым⁶¹⁶ относительно уникальности текста Болтина, который не только насыщен разрядными записями, но и имеет детальное повествование о событиях и людях периферии Московского государства.

Именно это можно считать авторским «следом» Баима Болтина. Дело в том, что в тексте мы постоянно видим описание событий, происходивших в Понизовье, в Астрахани и на Тереке. Большое внимание привлекает описание деятельности самозванца «Петрушки», выдавшего себя за сына Федора Ивановича. В Хронографе имеется три связанных с ним любопытных момента. Во-первых, наиболее подробно о его движении говорится при описании событий, происходивших от Астрахани до Свияжска и затем от Свияжска до Камышенки. Любопытно описание их обманного проезда мимо Казани и разграбления окрестностей⁶¹⁷. Во-вторых, в рассказе о казни восставших после их поражения на реке Восьме мы встречаем отсылку к событиям на Волге: *«...и тех на завтрев всех казнили за их злодейское кровопролие что побили государевых людей, толко оставили семь человек живых по челобитью дворян и детей боярских Нижегородцев и Арзамасцов, что они тем дворяном учинили добро, как они шли казаки с Терка с вором с Петрушкою Волгою к Ростиге и воротилися с вором Волгою назад и тех дворян встретили на Волге и вор их хотел побить, и они их не дали*

⁶¹⁶ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. С. 252–256.

⁶¹⁷ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 330–331; ОР РНБ. Ф. 4. № 595. Л. 532–533; ОР РГБ. Ф. 205 № 183 Л. 237.

*побить»*⁶¹⁸. Вероятно, такие сведения Баим Болтин мог получить от тех арзамасских дворян, которые были отпущены Петрушкой. В-третьих, при описании похода на Тулу против восставших следует перечисление воевод по полкам, и в нем встречается очередной представитель рода Зюзиных – Яков Васильевич, который был вторым воеводой сторожевого полка⁶¹⁹. Также при описании усмирения восставших украинских городов упомянут Федор Васильевич Левашов в качестве головы у арзамасских мурз и татар в каширском полку⁶²⁰. Под его началом Болтин служил во время похода Д.Т. Трубецкого на Новгород, как мы указывали ранее.

В описании Смуты на Волге любопытны сведения об обороне Саратова от самозванца Ивана Августа, чье войско шло вверх по Волге. Воеводы Замятня Иванович Сабуров и Владимир Владимирович Аничков отбили приступы противника и во время вылазок нанесли потери мятежникам, вынудив их тем самым пойти обратно в Астрахань⁶²¹. Хронограф датирует это событие 7116 годом. Более точную датировку событий смог дать Я.Н. Рабинович, отметив, что описанные в Хронографе события датируются августом–сентябрем 1607 года⁶²².

В Хронографе дважды имеется упоминание о том, что воевода Федор Иванович Шереметев два года провел на острове Балчике недалеко от Астрахани. В первый раз указанное расстояние до города составляет 18 верст⁶²³, а второй – 15 верст⁶²⁴. Его войско было послано на Нижнюю Волгу подавить сторонников самозванца Петрушки. Также сообщается, что он провел на острове 2 года с 7114 по 7116 гг. Однако на самом деле осада Астрахани Шереметевым длилась 1 год и 3 месяца с августа 1606 г. по

⁶¹⁸ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 336; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 538; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 243.

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 337; ОР РНБ. F 4. № 595. Л. 540; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 244.

⁶²¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 339.

⁶²² Рабинович Я.Н. Саратов в Смутное время (1606–1614) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17 № 2. С. 234.

⁶²³ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 330.

⁶²⁴ Там же. С. 340.

октябрь 1607 г. Не сумев взять город, воевода принял решение совместно с вышеупомянутыми саратовскими воеводами освободить от мятежников Царицын⁶²⁵.

Из представителей рода Болтиных был дважды упомянут Ждан Петрович Болтин. Причем во второй раз в Хронографе ему отведено почетное место: это дворянин, который отправился к Дмитрию Михайловичу Пожарскому в Суздаль с призывом возглавить ополчение: «...*послали Нижегородца дворянина доброва Ждана Петрова сына Болтина...*»⁶²⁶. Вероятно, это отец Семена Ждановича Болтина – участника Северского похода под командованием Баима.

Изложим цепочку событий, упомянутых в Хронографе, в которых, как мы думаем, мог принимать участие Баим Болтин. Битва на Вороньей под Тулой в 1607 г. изложена с подробным описанием местности⁶²⁷. Вероятно, автор был свидетелем. В подтверждение – участие арзамасцев в боях под Тулой летом 1607 г. Осенью 1608 г. арзамасцы перешли на сторону Лжедмитрия II, часть из них в количестве 40 человек в декабре бежали в Нижний Новгород с Левашовым⁶²⁸. Болтин вероятно был в их числе.

В продолжении вышесказанного любопытно упоминание похода правительственного войска с целью возвращения Арзамаса под власть Москвы в 1609 году. Из Нижнего Новгорода вышел отряд нижегородских дворян и детей боярских под командованием А.М. Львова, который и освободил Арзамас. Далее имеется упоминание, что восставших черемис, татар мордву «...*гоняли их до села Кобылина 15 верст*»⁶²⁹. Это было имение Баима Болтина, как ранее сообщалось. Подробность описываемых событий можно объяснить двумя причинами: на его земле жили очевидцы событий,

⁶²⁵ Рабинович Я.Н. Указ соч. С. 233–234.

⁶²⁶ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 338–339, 353; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 542, 563; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 246, 263.

⁶²⁷ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 336

⁶²⁸ Там же. С. 345–346.

⁶²⁹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 345; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 543; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 254.

либо он был их участником. Мы можем это допустить исходя из сделанных нами выводов в первой главе. Он нес службу до 1613 г. и вполне мог участвовать в указанных выше событиях под руководством А.М. Львова. Это также объясняет осведомленность автора об описываемых событиях и длительную служебную связь Болтина и Львова. Лояльность воеводы Арзамаса Петра Михайловича Львова к Болтину в земельном споре, упомянутом еще в первой главе, может объясняться службой в 1609 г. под руководством родственника воеводы. Маловероятно, что Баим Болтин мог принимать участие в этих событиях не на стороне Василия Шуйского, а будучи сторонником Лжедмитрия II, несмотря на то что его родной Арзамас выступал в поддержку тушинцев. Возможно, что за эту службу Болтину и была передана Василием Шуйским деревня Новоселки, ставшая позднее предметом спора. Указанное выше – это наши предположения на основании всего служебного пути Б.Ф. Болтина и анализа текста Хронографа. Однако нам хотелось бы все это представить как косвенное подтверждение того, что служебный путь Болтина начался до 1613 г., а сам он принимал участие в некоторых событиях, посвященных Смутному времени, описанных в Хронографе.

Помимо большого количества упоминаний арзамасских дворян в Хронографе имеется подробное описание сражения у Болхова, осады города и его сдачи восставшим весной 1608 г.⁶³⁰. Баим Болтин командовал болховскими детьми боярскими во время Северского похода. Эти сведения могли быть получены от них.

Отдельно стоит указать на упоминание прибывших сначала в Арзамас (где состоялся конфликт с местными мужиками и стрельцами), а затем в Нижний Новгород смоленских служилых людей (которые лишились своих имений в Смоленском уезде ввиду взятия города Сигизмундом III в 1611 г.). Баим Болтин не просто обозначил их роль в событиях Смутного времени, а

⁶³⁰ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 340; ОР РНБ. Ф 4. № 595. Л. 545; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 248.

связал появление Второго ополчения с их приходом в Нижний Новгород. Именно после получения их согласия идти освобождать Москву Ждан Болтин был послан к Пожарскому. Нижегородцы и Смоленяне просили последнего возглавить их в грядущем походе⁶³¹. На наш взгляд, такое упоминание является примером коллективного волеизъявления служилой корпорации, которое было нормой для современников. Стоит отметить, что в 1613 г. из 350 уездных дворян, пожалованных в московские, больше всего было представителей из смоленской корпорации (37 человек)⁶³². Б.Ф. Болтин, на наш взгляд, не случайно отразил их в Хронографе. Сопричастность к действиям данной корпорации повышала значимость упоминаемых событий, в которых принимали участие как арзамассцы, так и нижегородцы, в частности, Ждан Болтин. Еще большую значимость смоленских служилых людей можно заметить в «Повести о победах Московского государства», в которой подчеркивается роль смолян в защите страны и втором ополчении⁶³³. Судя по всему, в то время действительно считалось важным подчеркнуть значимость смоленской корпорации. Повесть написана раньше Хронографа, поэтому можно сделать вывод, что Болтин следует литературной традиции того времени.

События Нижегородской смуты нашли свое отражение и в «Летописи о многих мятежах», однако здесь речь идет о происходивших годом ранее боевых действиях против Семена Вяземского, о взятии нижегородцами Балахны⁶³⁴. При описании призвания князя Пожарского не упомянут Ждан Болтин, однако были упомянуты смоленские, дорогобужские и вяземские

⁶³¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей. С. 352–354; ОР РНБ. Ф. 4. № 595. Л. 562–563; ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 267–268; Щербатов М.М. Летопись о многих мятежах. С. 236.

⁶³² Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. С. 331.

⁶³³ Повесть о победах Московского государства / Изд. подготовил Г.П. Енин. Л., 1982. С. 30–31 (по всему тексту идет упоминание о смолянах в таком ключе).

⁶³⁴ Щербатов М.М. Летопись о многих мятежах. С. 148–149.

служилые люди, изъявившие желание служить под началом князя Пожарского⁶³⁵.

Подводя итог параграфу, можно утверждать, что для Баима Болтина Смутное время представлялось чередой восстаний и походов правительственных и земских войск против самозванцев и их сторонников. Иностранная интервенция явно уступает по объему повествования внутренней борьбе в русском обществе. На протяжении всего Хронографа можно видеть примеры субъектности дворянских корпораций, которые своими коллективными решениями влияли на события, что также является неотъемлемой чертой Смутного времени. Для автора было важным указать принадлежность дворян к той или иной территории. В части Хронографа, которая описывает события после Смуты, такая важность сошла на нет. Лишь при описании событий Смоленской войны автор активно прибегал к разделению дворян по территориальному признаку. Однако это имело скорее практический смысл ввиду комплектования дворянских сотен по признаку городской принадлежности. Смута стала кульминацией самостоятельности городских дворянских корпораций, далее их роль в политической жизни страны сошла на нет.

В заключение также стоит отметить, что, проанализировав обе части Хронографа, а также оба его списка, мы пришли к выводу, что версия С.А. Белокурова, с которой согласен и С.Ф. Платонов относительно классификации произведения, вполне убедительна. Это разрядно-хронографическая запись⁶³⁶. Летописные элементы повествования выражены слабо. Лишь местами Хронограф следует традициям официального летописания. Больше общего он имеет с повестями о Смутном времени и хронографами. В то же время большое место в тексте занимают разрядные записи, особенно в Списке № 2. Таким образом, проведенный подробный

⁶³⁵ Там же. С. 234–36.

⁶³⁶ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 19.

анализ подтверждает наблюдения С.А. Белокурова и С.Ф. Платонова, и можно ставить точку в вопросе о жанре произведения.

В части Хронографа, описывающей события Смутного времени, было прослежено упоминание родственника Баима Болтина – Ждана Болтина, а также родственников Никиты Алексеевича Зюзина. Упомянуты Федор Васильевич Левашов и Алексей Михайлович Львов – руководители Болтина в разные периоды. В тексте упоминаются местности и села, имеющие отношение к Баиму Болтину, в частности, его имение. Частое упоминание службы арзамасских дворян прослеживается практически во всем описании событий Смутного времени. Также мы считаем, что Баим Болтин мог принимать участие в нескольких событиях, описанных в Хронографе до 1614 г., а именно в боях под Тулой 1607 г., уходе в Нижний Новгород в подавлении мятежа в Арзамасе в 1609 г. Все это, хотя и косвенным образом, указывает на авторство Баима Болтина. В совокупности с подробными описаниями его службы в обоих списках, принадлежность разрядной книги, содержащей Список № 2, Болтину, практически не оставляет сомнений в этом. В тексте делается большой акцент на его заслуги и описаны события, которые лучше всего в таких деталях мог знать их очевидец. Сам текст указывает на важную роль событий, происходивших в Понизовье, и на участие арзамасских дворян и детей боярских в событиях Смутного времени.

Заключение

Род Болтиных к концу XVI в. не занимал высокого положения в служебной иерархии Московского государства. Его представители получали незначительные воеводские назначения, командовали небольшими отрядами дворян и детей боярских, служилых татар. Отец Баима Федоровича был четвертным дьяком. Таким образом, успех службы Баима был обусловлен его личными заслугами и тенденцией возвышения отдельных представителей незнатных родов после Смуты. Возможно, сыграла роль верность Василию Шуйскому Болтиных и их участие во Втором ополчении. В каком именно статусе начал свою службу Баим Болтин доподлинно не известно. Вероятно, что он сразу стал выборным дворянином по Арзамасу, поскольку служба по выбору могла передаваться по принципу семейной преемственности: его отец Федор Михайлович Болтин в свое время нес службу по выбору. Известно, что в 1614 г. Баим Болтин числился в списке выборных в десятне по Арзамасу. Прежде чем заняться придворной деятельностью, он успел принять участие в походе под Новгород 1614 г., возглавить стрелецкий приказ в Казани и служить вторым воеводой в Терском городе. С 1624 г. Болтин регулярно принимал участие в придворных мероприятиях уже в качестве московского дворянина, нес службу четвертным дьяком, а затем обратно перешел в московские дворяне. Этот переход явил собой достаточно редкий пример социальной мобильности того времени. Даже в условиях увеличения значимости дьяческого корпуса пребывание в дьяках негативно воспринималось коллегами по дворянской корпорации, что нашло свое отражение в конфликтах. В частности, ему напомнили об этом во время самого яркого события его военной службы – при взятии города Новгорода-Северского в 1632 г. во время Смоленской войны. Первый воевода походного войска из более знатного рода Еропкиных прямо оскорблял Болтина, припоминая ему службу в дьяках. Однако Болтин получил существенно большее вознаграждение, чем его «коллеги», поскольку именно под его

руководством был взят важный город. Баим Болтин неоднократно занимался посольскими мероприятиями: принимал участие в заключении Поляновского мирного договора 1634 г. и его ратификации в Варшаве в 1635 г.; занимался размежеванием земель по итогам мирного договора; встречал датского королевича Вальдемара в Москве в 1644 г., возглавлял посольство в Данию в 1647 г. Вершиной его придворной карьеры была служба ясельничим в 1641–1645 гг., которая сделала его членом Боярской Думы.

Минимум два раза Болтин побеждал в местнических спорах с представителями более знатных родов. Все это свидетельствует о разрушении строго корпоративистского уклада внутри служилого сословия. Более того, на передний план начали выходить личные качества и заслуги человека, а не его происхождение. Раньше правота в споре и вознаграждение за службу напрямую были связаны с местническим статусом человека, и подобная социальная мобильность была невозможна до описываемых событий. Именно поэтому пример Баима Болтина является показательным с точки зрения социальных сдвигов в русском обществе первой половины XVII века.

Баим Болтин в конечном счете утратил высокое положение при дворе. В 1645 г. он перестал быть ясельничим. Но при этом два следующих назначения были весьма важными: он был послом в Данию (1647) и вторым воеводой в Тобольске (1652–1654). Отход от активной придворной деятельности был связан с кадровыми перестановками в связи с воцарением Алексея Михайловича. Возможно, продажа Баимом Болтиным имения боярину Морозову была попыткой заручиться расположением фаворита молодого царя. Реализация закладной от 1630 г. в размере 700 рублей, выданной князьями Путятиными в пользу Баима Болтина, состоялась спустя 16 лет в 1646 г., когда последний уже был отстранен от придворных дел. Такое действие наводит на мысль, что теперь Болтин не нуждался в расположении князей. Возможно, все эти 16 лет он не реализовывал свое

залоговое право потому, что ему нужны были сторонники во время его карьерного роста.

Именно в этот период, судя по всему, активизировалась деятельность Баима Болтина как «писателя». Хронограф – это попытка засвидетельствовать заслуги его автора (Баима Болтина) в период изменений в правительстве после смерти Михаила Федоровича.

Прямые сведения о принадлежности Хронографа перу Баима Болтина отсутствуют. Имеются лишь косвенные доказательства.

Хронограф имеет много общего с повестями о Смутном времени и хронографми, местами следует традициям официального летописания и представляет собой разрядно-хронологическую запись. Суммируя все полученные сведения и анализ текста, можно установить следующие особенности текста, которые отражают взгляд автора на описываемые события:

1. Смута предстает как череда походов правительственных войск против самозванцев, интервентов и иных мятежников.

2. Также в Хронографе отчетливо прослеживается самостоятельная роль городских дворянских корпораций в период Смуты.

3. Для автора при описании тех событий было важным подчеркнуть территориальную принадлежность дворян, принимавших участие в тех или иных событиях. Кроме того, было указано, какие города переходили на сторону самозванцев, а представители каких городов сохраняли верность центральной власти.

4. Период Смуты был кульминацией влияния городских дворянских корпораций, после чего они перестали играть важную роль в политической жизни государства. Все более значимой становилась служба именно в Москве, что и послужило катализатором разрушения корпоративистской структуры служилого сословия. Все это подтверждается содержанием Хронографа.

В списке № 2 был обнаружен фрагмент, подробно описывающий Терскую службу Баима Болтина, который не вошел в публикацию А.Н. Попова. У обоих списков был протограф, а брат и племянники Баима Федоровича Болтина вполне могли использовать его труд для составления своих родословных росписей, одна из которых стала основанием для внесения рода в Бархатную книгу. Таким образом, Хронограф стали еще больше интегрирован в общий пласт источников XVII века.

Анализ разнообразных документов и Хронографа позволяет высказать мнение о личности Баима Болтина. Этот человек сочетал в себе такие черты, как предприимчивость, хитрость, мужество, осторожность, умение подстраиваться под окружающую действительность и отстаивать свою правоту. К сожалению, подробностей о его личной жизни крайне мало, но один факт из его биографии говорит нам о том, что ему не чужда была любовь к единственной дочери, по которой он сделал вклад в Колочинский монастырь. Тот факт, что под его руководством служили его родственники, говорит о покровительстве над ними.

В конечном счете, жизнь Баима Федоровича Болтина – яркий пример изменений в подходе к управлению в Московском государстве, когда личные качества и заслуги становились важнее происхождения.

Список сокращений

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
- АИ – Акты исторические, собранные императорской Археографической экспедицией
- АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России
- АМГ – Акты Московского государства
- АПА – Арзамасские поместные акты
- ДАИ – Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией
- ОИДР – Общество истории и древностей российских
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РИБ - Русская Историческая библиотека
- СГГД - Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел

Список использованных источников и литературы

1. Неопубликованные источники

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 205 (Собрание рукописных книг ОИДР). № 183. 341 л.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F 4. № 595. 736 л.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
 - 3.1. Ф. 79 (Сношения России с Польшей - (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718-1719 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 49.
 - 3.2. Ф. 210 (Разрядный приказ, Москва). Оп. 14. Столбцы Севского стола Д. 95; Оп.11 Столбцы Новгородского стола. Д. 27; Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 89.

2. Опубликованные источники

4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. док. / Сост. А.В. Антонов. М.: Девлехранилище, 1997. Т. I. 431 с.
5. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Девлехранилище, 2002. Т. III. 678 с.
6. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Девлехранилище, 2008. Т. IV. 632 с.
7. Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII века. Вып. 6. М.: РГАДА. Археогр. центр. 1996. 414 с.
8. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания и Испания) / Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 304 с.

9. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия) / Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 319 с.
10. Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 гг.) М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1907. 343 с.
11. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1: 1578–1613 гг. М.: Университетская тип., 1889. 715 с.
12. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. Т. 1. 316 с.; 2009. Т. 2. 463 с.
13. Боярская книга 1658 года / Отв. ред. Н.М. Рогожин; подг. текста В.А. Кадик. М.: ИРИ РАН, 2004. 337 с.
14. Государева грамота в Москву к боярину, кн. Гр.С. Куракину с товарищами о высылке из Москвы всех служилых людей и о посылке грамот о том же городовым воеводам. № 642 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659. СПб: Изд-во Тип. Имп. Акад. наук. 1894. Т. 2. С. 400–401.
15. Грамота к губному старосте об отказе поместья Дан. Обатурову. № 384 - 1613 - 121 гг. 9 августа // АПА (1578–1618) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. С. 499–500.
16. Грамота изъ Нижегородской чети къ воеводе и дьяку о дозоре поместья Баима Болтина. № 403. - 1616 - 124 гг. 6 августа / АПА (1578–1618) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. С. 568.

17. Грамота Яренскому воеводе Василью Даудову относительно Сереговских ворниц на р. Выми. 1674 июня 27 // ДАИ. СПб.: Издательство Типографии Эдуарда Праца, 1857. Т. 6. С. 346-350.
18. Горбатов Е.Н. «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. М.: Древлехранилище, 2015. 736 с.
19. Густинская летопись // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению императорской Археографической комиссии: в 43 т. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1843. Т. 2. 377 с.
20. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии в 4 т. СПб.: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
21. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии в 4 т. СПб.: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
22. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии в 4 т. СПб.: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
23. Дело по отписке Севскаго воеводы об устройстве севских гулящих людей по их челобитью в беломестные казаки. № 283 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 313–314.
24. Дело по челобитью Ивана Варьева с товарищами о пожаловании их за сеунчь о взятии города Стародуба № 500 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1890. Т. 1. С. 463–467.
25. Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного оклада за службу «на Севере». № 512 // АМГ / Под ред.

- Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 484–487.
26. Дело по челобитью Ивана Еропкина о пожаловании его поместною и денежною придачею за Стародубскую службу и за промысл. № 595 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 552–554.
27. Дело по челобитью князя Василья Ромодановского о пожаловании его за службы и за промысл поместною и денежною придачею. № 602 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 562–566.
28. Дело по челобитью Никиты Оладьина о пожаловании его за службы и промысл поместною и денежною придачею и в приказ. № 601 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 558–562.
29. Десятни новиков, поверстанных в 1596 году // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. 418 с.
30. Десятный список дворян и детей боярских, присланный из Арзамаса в Разряд. № 390 – 1613 – 122 гг. // АПА (1578–1618) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. С. 508.
31. Дозорная книга поместья Ив. Левашова. № 404 – 1616 – 124 гг. 25 августа / АПА (1578–1618) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун - те, 1915. С. 569–570.
32. Записные книги 1626–1657 гг. / Под ред. А.В. Антонова, А. Береловича, В.Д. Назарова. М., 2010. 1658 с.
33. Запись о походе царя Алексея Михайловича из Москвы до Смоленска от 14 марта до 3-го апреля. № 641 / АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1890. Т. 1. С. 399–400.

34. Записная книга Московского стола 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ в 39 т. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1884. Т. 9. С. 385–524.
35. Записная книга Московского стола. 1633, сентябрь – 1634, август // РИБ в 39 т. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1884. Т. 9. С. 525–576.
36. Записная книга Московского стола 1640, сентябрь – 1641, август // РИБ в 39 т. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
37. Записная книга Московского стола 1648, сентябрь – 1649, август // РИБ в 39 т. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 401–490.
38. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору Хронографов русской редакции). М.: Тип. А. И. Мамонтова и К., 1869. 541 с.
39. *Катырев-Ростовский И.М.* Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. СПб.: Издание Императорской Археографической комиссии, 1908. [2], IV с., 154 стб.
40. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб.: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.
41. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб.: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.

42. Кормленая книга Костромской чети 1613–1627. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1894. 209 с.
43. Материалы по истории русско-монгольских отношений: Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 474 с.
44. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича, изданный по списку кн. Оболенского. М.: Библиотеки Замысловского, 1853. 190 с.
45. Новый летописец // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению императорской Археографической комиссии: в 43 т. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 14. 161 с.
46. Обельная грамота Исаку Герасимову на волостку в Обонежской пятине, в Челможском погосте, в награду за услуги, оказанные отцом его матери Государевой инокине Марии Иоановне. 1628, января 1 // АИ в 5 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. Т. 3 (1613–1645). № 151. С. 245–249.
47. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1. 421 + I + VIII с. 110.
48. Опись архива Посольского приказа 1626 года / Под ред. С.О. Шмидта. Ч. 1. М.: Полиграфист. 1977. 416 с.
49. Отдельная книга поместья Федора Болтина. № 164 – 1602-110 гг. 12 июля // АПА (1578–1618) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. С. 216–217.
50. Отдельная книга поместья Мих. Щепина. № 367 – 1613 - 121 гг. 21 февраля / АПА (1578–1618) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. С. 475–476.
51. Отписка Великолуцкаго воеводы об отсылке в Москву «распросных речей» лазутчиков Якова Буркова да Василья Строкина «о польских

- вестях». № 326 / АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 344–345.
52. Отписка Севскаго воеводы о непослушании крестьян Комарицкой волости, Чемлижского и Радогожскаго станов, ставить избы и клети в городе для осадного времени. № 297 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 323–324.
53. Отписка Севскаго воеводы «о польских вестях», сообщенных ему выходцем из Литвы Яном Заблоцким, и распросе Заблоцкого в Розряде. № 332 // АМГ / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571 – 1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 348–350.
54. Отписка Севскаго воеводы о выходцах из Новгородка-Северскаго Спасскаго монастыря черном попе Ионе и старце Аврамии. № 315 // АМГ / Под ред. Н. А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571 – 1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 1890. Т. 1. С. 333–334.
55. Память из Розряда в приказ Большого дворца об указе государя, чтобы Комарицкой волости даточные из крестьян жили в Брянске и Севске без перемены, во весь год. № 304 // АМГ / Под ред. Н. А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571 – 1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 327.
56. Память стрелецкому голове Голчину, о том чтобы он соединился с стрелецким головою Пальчиковым для преследования на Яике Заруцкаго и Марины // АИ. в 5 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии, 1841. Т. 3. Стб. 23 – 24.
57. Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. 557 с.

58. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2 (Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича) // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. 447 с.
59. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 3 (Царствование Михаила Федоровича) // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. 22. 731 с.
60. Повесть о победах Московского государства / Изд. подготовил Г.П. Енин. Л.: «Наука», 1982. 160 с.
61. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII века: в 43 т. М.: «Наука», 1968. Т. 31. 262 с.
62. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей: в 43 т. М.: «Наука», 1978. Т. 34. 220 с.
63. Сиирские летописи // Полное собрание русских летописей: в 43 т. М.: «Наука», 1987. Т. 36. 381 с.
64. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2-ой. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 363 с.
65. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. / Сост. Б.М. Пудалов: в 2 т. Н. Новгород.: Центр. архив Нижегородской области, 202. Т. 1. 340 с.
66. Разрядная книга 1475–1605: в 4 т. / Сост. Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. Т. 2, ч. 1 М.: Ин-т истории СССР, 1982. 219 с.
67. Разрядная книга 1475–1605: в 4 т. / Сост. Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. Т. 3, ч. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1984. 226 с.
68. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, вводная ст-я и ред. В.И. Буганова; ответств. ред. академик М.Н. Тихомиров, М.: «Наука», 1966. 613 с.

69. Разрядные книги 1598–1638 гг. М.: Ин-т истории СССР, 1974. 398 с.
70. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Вып. 1 // М.: «Наука», 1965. Т. 15. 504 стб.
71. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 192. С. 545–556.
72. Списки лиц, коим назначено быть в царском дворце «в золоте» при приеме иностранных послов. // АЮБ. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1884. Т. 3 № 351. Стб. 381–388.
73. *Стрыйковский М.* О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному. Часть 1. М.: Директ-Медиа, 2015. 448 с.
74. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А.А. Зимин. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
75. Царская грамота Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову Мосальскому, об устройении для церкви Николая Чудотворца, в Ныробском погосте, образов и написании пролога, пожаловании причету руги и обелении в пользу его деревни. 1627, ноября 17 // АИ в 5 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 3. № 149. С. 241–244.
76. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву о сыске бежавших из городов Слободского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян. 1629, декабрь // АИ в 5 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 3. № 160. С. 288–289.
77. Царская грамота Сысольским старостам и целовальникам, о доставлении в Москву таможенных, кабацких, неокладных и

- четвертных денежных доходов. 1630, июля 21, сентября 14 // РИБ в 39 т. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел. 1875. Т. 2. Стб. 500–502.
78. Царская грамота в Пермь Великую о переписании в Чердыни каменщиков, кирпичников и гончаров для Вяземского и Можайского городского дела. 1630, января 20 // ААЭ в 4 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1836. Т. 3 (1613–1645). № 188. С. 274–275.
79. Царская грамота Двинскому воеводе князю Василию Ахамашукову Черкасскому, об утверждении за Черногорскою Пинежскую пустыню земли и угодьев. 1631, февраля 9 // АИ в 5 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 3. № 160. С. 292–294.
80. Царская грамота в Кевролу и Мезень тамошнему воеводе о подтверждении, чтобы Самоеды Меньшичко Апицин с товарищами и Семейко Вотьев владеть реками Индегою и Волонгою по-прежнему. 1631, сентября 7 // ААЭ в 4 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1836. Т. 3 (1613–1645). № 194. С. 280–281.
81. Царская грамота Псковским воеводам князю Мезецкому и Юшкову о посылке во Гдов дворянина с подьячим и подмастерьем для сделания сметы на исправление тамошнего города и огнестрельного снаряда. 1632, января 8 // ААЭ. в 4 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1836. Т. 3 (1613–1645). № 196. С. 282–283.
82. Царская грамота о том, чтобы впредь лучшие крестьяне от середних и молодых людей, без Царского указа, самовольно не отписывались. 1646, марта 31 // ААЭ в 4 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1836. Т. 4 (1645–1700). № 6. С. 6–8.

83. Челобитые подьячих Севской съезжей избы о поверстании их денежным и хлебным жалованьем против других украинских городов. № 310 // АМГ / Под ред. Н. А. Попова: в 3 т. Разрядный приказ. Московский стол, 1571 – 1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 329–330.
84. *Шаховской С.И.* Летописная книга. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. / Вступительная статья Д. Лихачева. Сост и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1987. 616 с.
85. *Щербатов М.М.* Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства. М.: Тип. Компании Типографической, 1788. 366 с.
86. *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. Материалы по истории древней России хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 гг. М.: Университетская типография, 1893. 354 с.

3. Литература

1. *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в.: автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1998. 23 с.
2. Болтин Баим (Борис) Федорович // Русский биографический словарь Том III: «Бетанкур–Бякстер» / Под ред. А.А. Половцева. СПб.: Изд. Императорского Русского Исторического Общества, 1908. С. 185.
3. Болтин Баим (Сидор) Федорович // Русский биографический словарь Том III: «Бетанкур–Бякстер» / Под ред. А.А. Половцева. СПб.: Изд. Императорского Русского Исторического Общества, 1908. С. 185.
4. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.

5. *Веревкин-Шелюта В.* Каштелян // Великое Княжество Литовское. Энциклопедия: в 3 т. / Гл. ред. Т.У. Бялова. Минск: БелЭн, 2005. Т. 2: Кадетский корпус-Яцкевич. С. 79.
6. *Вировец С.В.* Московско-Сибирский тракт: история самой большой в мире сухопутной магистрали // САПР и ГИС автомобильных дорог. 2019 № 2(13). С. 66–72.
7. *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. 400 с.
8. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М.: «Эксмо», 2004. 576 с.
9. *Волков В.А.* Война с Заруцким (1613-1614 гг.). Материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С.А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 47–51.
10. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 216 с.
11. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: «Наука», 1987. 226 с.
12. *Долгоруков П.В.* (1816/17–1868). Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [В 4-х ч.]. СПб.: тип. К. Вингебера, 1854. Ч. 1. 350 с.; 1857. Ч. 4. 482 с.
13. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 2 т. (Третье издание с дополнениями). Т. 1 (Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.). М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1895. 782 с.
14. *Зиборов В.К.* Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» – Сидор) Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1 / Под ред. Д.С. Лихачева. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1992. С. 147–148.

15. *Зиборов В.К.* Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4 / Под ред. Д.С. Лихачева. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. С. 219–220.
16. История России: в 20 томах. Т. 5. Россия в XVII веке. Кн.1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. М.: Наука, 2024. 770 с.
17. *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* «Прямые» и кривые» Смутного времени в России. М.: «Квадрига», 2022. 508 с.
18. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. СПб.: Изд-во Тип. Н. Греча, 1824. Т. 11. 477 с.
19. *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. Изд. 3-е. М.: Синодальная типография, 1902. 547 с.
20. *Козляков В.Н.* Борис Годунов. М.: «Молодая гвардия», 2011. 309 с.
21. *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М.: «Молодая гвардия», 2007. 300 с.
22. *Козляков В.Н.* Герои Смуты. М.: «Молодая гвардия», 2012. 349 с.
23. *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М.: «Молодая гвардия», 2009. 253 с.
24. *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М.: «Молодая гвардия», 2004. 344 с.
25. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во ЯГП, 2000. 208 с.
26. *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI–начала XVII в. / Отв. ред. В. И. Буганов. М.: «Наука», 1986. 272 с.
27. *Кром М.М.* Патронат и клиентела в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 2. С. 66–78.
28. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 372 с.

29. *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб.: Изд-во Тип. В.С. Балашева, 1888. 759 с.
30. *Львова Д.Л.* Решение территориальных и пограничных вопросов по Поляновскому мирному договору 1634 года (к проблеме русско-польских отношений) // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып. 3. Биология. Востоковедение. География. Геология. Иностранные языки. История. Почвоведение. Философия. Филология. Фундаментальное материаловедение. Фундаментальная медицина / Предс. ред. совета В.В. Александров. М.: Изд-во Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 1999. С. 245–247.
31. *Ляпин Д.А.* «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии Российского государства середины XVII в. // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 164–172.
32. *Ляпин Д.А.* Причины восстания в Москве в 1648 г. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 90–98.
33. *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2018. 336 с.
34. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. В 39 т. М.: Государственное издание политической литературы, 1955. Т. 1. 698 с.
35. *Миллер Ф.И.* Известия о дворянах российских. СПб. Тип. Рахманинова, 1790. 494 с.
36. *Мигунов Ю.В.* История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв.: на примере служилой организации Арзамасского уезда: дисс. ... к. и. н. Н. Новгород, 2001. 356 с.
37. *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII в. глазами современников. М.: ИРИ РАН, 2000. 463 с.

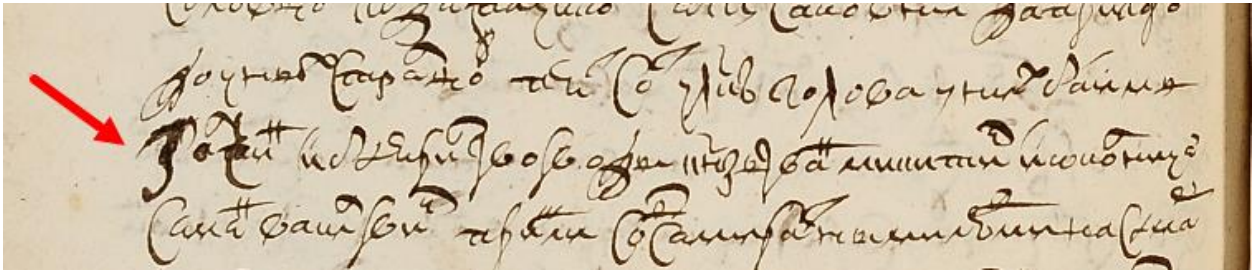
38. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков / Под ред. Е.В. Чистяковой, сост. Н.М. Рогожин. М.: Междунар. отношения, 1989. 240 с.
39. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 784 с.
40. Павлов А.П. Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 84–98.
41. Петров П.Н. История родов русского дворянства. В 2 т. СПб.: «Герман Гоппе», 1886. Т. 1. 400 с.
42. Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 18–28.
43. Поздеева И.В. Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова. М.: ГБЛ, 1981. 160 с.
44. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М.: Тип. Лазаревского инст, 1866. 287 с.
45. Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб.: Изд-во Тип. В.С. Балашева, 1874. 225 с.
46. Поньрко Н.В. Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова. Тексты, статьи комментарии. СПб.: Изд-во Пушкинский дом, 2010. 292 с.
47. Потто В.А. Кавказ до Петра // Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. 2-е изд. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. Т. 1: От древнейших времён до Ермолова. 737 с.
48. Правящая элита русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 548 с.

49. *Пудалов Б.М.* Родословные росписи Болтиных конца XVII века // Российская генеалогия. 2018. № 4. С. 99–120.
50. *Пузанов В.Д.* Службы гарнизона Тобольска. // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2 (25–26). С. 189–210.
51. *Рабинович Я.Н.* Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История, Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255.
52. *Рабинович Я.Н.* Воевода Федор Васильевич Левашов в Новгородской земле // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Редколл. П.Г. Гайдуков (отв. ред.) и др. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 278–292.
53. *Рабинович Я.Н.* Саратов в Смутное время (1606–1614) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Международные отношения, 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 228–240.
54. *Ракитин А.С.* Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи Посполитой в период Смоленской войны (1632-1634 гг.) М.: «Древлехранилище», 2021. 192 с.
55. *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М.: Квадрига, МБА, 2011. 655 с.
56. *Рыбалко Н.В.* Дьяки и подьячие городов Среднего Поволжья в Смуту начала XVII века. // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2010. № 1 (17) С. 15–26.
57. *Светова Е.А.* Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М.: Типография МГУ, 2013. 212 с.
58. *Морошкин М.Я.* Славянский именослов или собрание славянских личных имен. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 321 с.
59. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времён: в 29 т. 2-е изд. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1896. Кн. 2. Т. VIII, Т. X. 871 с.

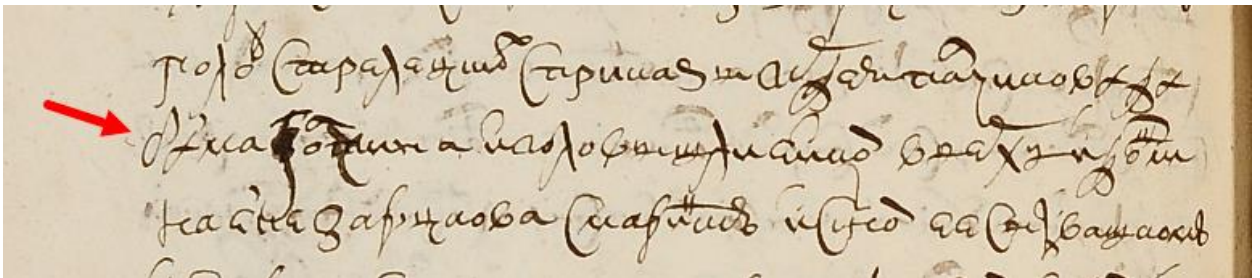
60. *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 512 с.
61. *Сторожев В.Н.* К вопросу о четвертиках // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 80. С. 195–217.
62. *Стрешнев Иван Федорович Меньшой* // Русский биографический словарь. Том XIX: «Смеловский-Суворина» / Под ред. А.А. Половцева., СПб.: Изд. Императорского Русского Исторического Общества, 1909. С. 577.
63. *Филлюшкин А.И.* Титулы русских государей. СПб.: «Альянс Архео», 2006. 254 с.
64. *Филина Е.И.* Влияние придворной политической борьбы на духовное состояние русского общества начала 40-х гг. XVII в. (прения о вере, возникшие по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12 / Отв. ред. Д.С. Менделеева. М.: Знак, 2005. С. 744–764.
65. *Эскин Ю.М.* Местническое дело К. А. Трусков – князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 300–307.
66. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: «Квадрига», 2009. 508 с.
67. *Юзефович Л.А.* Как в посольских обычаях ведется... М.: Международные отношения, 1988. 216 с.

Приложения.

Приложение № 1. ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 271

Приложение № 2. ОР РГБ. Ф. 205. № 183. Л. 272

Приложение № 3. ОР РГБ Ф. 205. № 183. Л. 281

